

Григорий Веков

**ФИЛОСОФИЯ
метафизики
ВОЛИ**

Москва
«Книга по требованию»

Автор приносит извинения
за отсутствие корректуры текста

Веков, Григорий

Философия метафизики воли / Г. Веков — М.: Lennex Corp, 2011. —208с.
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию»

ISBN 978-5-458-23005-6

Предназначение этой книги — заложить начала рациональной философской школы мысли в истории российского интеллектуального опыта развития мировой цивилизации. С точки зрения решения этой задачи рассматриваются последние достижения мировой философской мысли, где центральной проблемой является понимание принципиально различных побудительных мотивов действия воли и влечений в бессознательных началах человеческой психики. Метафизика воли полагается основанием рациональной психологии, которая проистекает из процессов высшей психики человека, взаимосвязанных с бессознательным инстинктом смерти, тогда как сфера низшей психики полагается областью влечений, обусловленных бессознательным биологическим инстинктом самосохранения. В силу исчезновения современной метафизической школы западноевропейской мысли обосновывает историческую необходимость ее появления в России. Определяет новую рациональную концепцию понимания событий мировой истории.

ISBN 978-5-458-23005-6

© Lennex Corp
© Григорий Веков

Оглавление

Раздел I

Происхождение импульса воли..... 5

Школа рациональной мысли

Воля и влечения..... 7

Глава 1..... 9

Глава 2..... 32

Глава 3 54

Раздел II

Метафизика динамики волеизлияния..... 75

Достижения философской и исторической мысли
по данному вопросу..... 77

Глава 4..... 79

Глава 5..... 100

Глава 6..... 124

Раздел III

Онтологический поток времени..... 147

Топология фрактальных элементов бытия..... 149

Глава 7..... 150

Глава 8..... 175

Глава 9..... 194

*«Остережемся говорить, что смерть противостоит жизни.
Живое есть лишь вид мертвого и притом весьма редкий».*

«Веселая наука» Ф. Ницше

Раздел I

Происхождение импульса воли

Школа рациональной мысли

Воля и влечения

Мы видим свою историческую задачу в том, чтобы заложить начала рациональной школы мысли там, где она практически отсутствовала, в русской истории философской мысли. По крайней мере, мы находим два блока интеллектуального опыта русской философской мысли: известную религиозную философскую мысль и не менее известную школу научного материализма, которые не имеют никакого отношения к подлинной исторической сущности разума. В нашем понимании, рациональная психология является следствием психологии патриархальной, а патриархальная психология всегда обозначена в мировой истории метафизическим импульсом воли. Метафизический импульс воли формируется двумя составляющими: бессознательным инстинктом смерти и расовой памятью человека. Это то, что мы определяем как онтологический поток времени.

Поскольку современная западноевропейская школа мысли уже не дает нам никакой основы для понимания подлинной сущности исторического разума, мы обращаемся к нравственному опыту развития российской цивилизации, в первую очередь. Можно сказать, что исторической предпосылкой нашей мысли является и известная «тоска» русского народа по воле, и религиозно–философские интел-

лектуальные усилия русских философов понять, что такое нравственность в истории человечества. Однако особенность нашей мысли состоит в том, что известную «тоску» мы понимаем как животное начало человеческой души, подавленной бессознательными влечениями, которое не может обладать волей, а попытки разного рода рефлексии в области веры как забвение и разума, так и самой веры. Другими словами, критическое отношение к достижениям русского исторического духа требует нас утверждать, что смутная постановка двух центральных вопросов: о метафизическом существе воли и о рациональной основе нравственного начала человеческой психики не имеют какого-то разумно-внятного осмысления в прошлом. Впрочем, причины для нас очевидны: эти вопросы были поставлены в пределах конечности представлений традиции народной культуры, тогда как дух нации — это нечто совершенно другое, когда его принципиальным отличием от народной души является наличие воли в мировой истории. И дух, и воля нации всегда предполагают господствующие позиции в судьбе мировой цивилизации настолько, насколько нравственно развито рациональное основание воли нации. Народное же существо культуры всегда слишком глубоко взаимосвязано с бессознательным инстинктом самосохранения, а потому не способно «сжиматься» в метафизическую энергию исторической воли, всегда определяющей собой авангардные силы мировой истории.

Глава 1

Когда мы размышляем над онтологической сущностью времени, то должны определить познавательные возможности объективного разума – обладать этой сущностью, то есть возможность субъективного рассудка отделять бытие от небытия. Так, в основе классической философии необходимость различия между бытием и небытием является одной из центральных задач, проистекающих из требования противопоставлять конечному миру явлений то, что обладает субстанциональной основой, то есть присутствует в качестве начала бытия. Таким образом, если мы утверждаем, что началом бытия является время, то имеем в виду, что наш разум является метафизической границей между течением времени и его внутренней объективной структурой, поскольку очевидно, что субъективность сознания времени отображает, в первую очередь, функции неразложимой субстанции времени. Этой неразложимой субстанцией субъективного сознания времени мы полагаем континуум расового бессознательного начала души, которое характеризует те или иные объективные свойства расовой памяти человека.

Размышлять – в нашем понимании – это значит, продуцировать онтологические фракталы времени в качестве метафизических установок сознания, поскольку отличие человека от животного состоит в том, чтобы являться историческим существом разума. Онтологические фракталы

бытия требуют преодоления сознания конечности человеческих представлений в топологических тензорах напряжения метафизического импульса воли. Таким образом, преодоление конечности человеческих представлений является необходимым условием действия воли на основе ее причастности к неуничтожимому началу бытия. Основой созерцания бытия является онтологический поток времени в его сакральной основе.

Исследуя эстетическую основу онтологической сущности бытия во времени, мы должны постоянно возвращаться к философии Платона и Ницше для уточнения понимания единства эстетической картины реальности, где функция познавательных способностей является проекцией средств эстетического сознания. В нашем понимании, в основе современного эстетического созерцания исторической реальности существует онтологический фрактал, то есть понимание всего многообразия бытия как определенной эстетики непрерывного процесса свойств бессознательной расовой памяти человека определять мотивы метафизики воли. Можно сказать, что именно расовая память человека является основой энергии психического потенциала воли, в отличие от влечений, которые подчиняются свойствам памяти массового бессознательного.

Поясним на примере нашу мысль на основе работы Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия». Если психоаналитическая интуиция Фрейда отталкивается от реальности бессознательных влечений как социально-матриархальной сущности человека, то его разум всегда искал основания патриархального духа в качестве собственной расовой организации души. Поскольку эта работа Фрейда является одной из последних перед его смертью, то к неожиданности поворота от анализа невротических состояний человеческой психики к попытке применить психоаналитический метод к анализу событий мировой исто-

рии следует отнести серьезно. Наиболее значительным в этой работе, в нашем понимании, является утверждение, что Моисей был не евреем по происхождению, а египтянином, то есть мысль Фрейда утверждает, что прарасовая вера др.евреев в ее зачаточном матриархальном историческом начале необходимо должна была иметь патриархальное происхождение. Другими словами, прарасовый архетип любого исторического народа возникает как фрактальное влияние культуры великого стиля (в данном случае, др.египетского) на некую племенную массу людей (в данном случае, др. евреев).

Известная работа Фрейда дает нам очень важный момент в понимании различия между психическим потенциалом бессознательного происхождения воли и психическим потенциалом бессознательного происхождения влечений, когда утверждает, что перелом от массово-племенного состоянию души человека к зачаткам цивилизации происходит под воздействием фактического насилия разумной воли цивилизации над племенной душой на примере личности Моисея в судьбе еврейского народа. Если фрактально спроецировать этот исторический фрагмент истории еврейского народа на судьбу русской культуры, начиная с Петра I, то конструирование византийско-русского начала культуры под мощнейшим влиянием западноевропейской цивилизации осознается как метафизика исторического фрактала, который характеризует тектонические изменения расового архетипа человека, определяющие онтологические линии развития мировой цивилизации в русской истории. Другими словами, судьба еврейского народа определяет цель консервации расового опыта древнейших восточных цивилизаций в качестве адаптации этого опыта в истории цивилизации античной. Аналогичным образом и судьба русского народа в византийско-западноевропейском фрактале исторической эпохи выражает консервацию

опыта античной цивилизации в христианской истории и в эпоху веры в научно–технический процесс. Можно сказать, что сознание личности в опыте русской культуры существует как нечто раздробленное, что не обладает отчетливостью человеческого разума, который в равной мере характеризует и опыт христианской морали, и опыт достижений научно–технического прогресса. То, что, пожалуй, единственной сферой, где в достаточной мере реализовалась эта новая расовая сущность души, являлась русская армия, не должно нас смущать, поскольку консервация расового опыта способна локализоваться только в той области, которая является наиболее оптимальной в качестве формирования нового расового ядра мировой цивилизации. Ведь психология души воина – это по Платону – основание морального рассудка, поэтому мораль как максимальная дисциплина духа практически военного характера склада души составляет внутреннюю необходимость существования любого рационального устройства государства.

Когда пытаются анализировать содержание современной русской национальной культуры, то ищут те конечные критерии, которые характеризуют не дух нации, а душу народа. Хорошо, если пытаются отождествлять особенность русского интеллекта с достижениями научно–технического прогресса мировой цивилизации, например, в военно–промышленном комплексе, что, по крайней мере, указывает на присутствие разумной воли в мировой истории. Однако мы определяем дух нации, который выражается исторически–объективной разумной целью ее существования, поэтому для нас объективно–рациональный смысл русской исторической идеи тождественен авангарду мировой рациональной мысли. Если рационально объективно оценивать характер топологии русского национального духа, то его происхождение необходимо относить к сравнительно–небольшому промежутку времени, а именно трехсотлетне-

му правлению династии Романовых, когда расовый архетип культуры византизма грубо сплавился с подражанием ценностями и нравам протестантской цивилизации. Известно, что выбор модели цивилизации в русском царстве происходил давно, когда во власти боролось несколько направлений подражания, в том числе подражание польской модели и даже турецкой. Однако выбор на немецкой модели был вызван последними достижениями патриархальных рубежей мирового разума в его максимальной мобилизации мировой воли истории именно в духе протестантских стран.

Здесь мы должны возвратиться к работе Фрейда о Моисее, чтобы понять бессознательные мотивы самой личности Фрейда — понимать Моисея как высокопоставленного египетского чиновника, бежавшего в момент разгрома идеологии фараона Эхнатона, связанного с попыткой введения зачатков монотеистической религии бога Атона. Аналогичное фрактальное поле формирования русской ценностей под влиянием западноевропейской цивилизации дает пример не теологических фракталов, а фракталов рациональных, примером которых может служить научная деятельность Эйлера в России. Аналогичны и эстетические фракталы мистически-религиозной деятельности Пифагора в среде полудиких итальянских племен на заре возникновения Римской империи. Другими словами, мы полагаем, что развитие мировой цивилизации происходит за счет воздействия расовой памяти опыта существования различных высших рас, существовавших на различных исторических промежутках времени на бессознательные мотивы действия воли человека. Таким образом, взаимосвязь между отдельными цивилизациями на нравственном уровне осуществляется не в линейной модели развития времени, которую демонстрирует монотеистическая религия и научно-технический прогресс, а в качестве рационально топологических моделей-подобий, которые мы определяем как «фрактальные поля» высших ценностей.

Отличием субъекта онтологической объективности процесса течения исторического времени от позиции понимания времени как свойства априорного созерцания по Канту, является присутствие сакрально–неподвижного свойства времени, которое характеризует темпоральный тензор не–теологическим фракталом (как известно, Кант постулирует существование бога). На эти два, совершенно различных свойства времени, у Платона указывал Плотин, когда утверждал, что помимо текучести времени, полностью присущего сознанию человека, время обладает еще и зависимостью от созерцания вечного, в котором не может существовать ни человека, ни бога. Такое онтологическое свойство времени, по–видимому, Плотин рассматривал как сверхсущее и сверхбытие, поскольку подобное созерцание времени нельзя свести ни к человеческой сущности, ни к сущности божественной. Объективно рационально, историческая позиция Плотина объясняется характером исторической эпохи, в которой он жил, когда инерционный процесс исчезновения античной цивилизации, с одной стороны, исключал веру в абсолютную ценность человеческой личности, которая существовала только в проекте будущего, а с другой, был глубоко бессознательно взаимосвязан с гибелью античных богов. Аналогичная психологическая ситуация возникает и в историческую эпоху Ницше, когда метафизика действия воли еще не предполагает моральный договор будущего проекта мировой цивилизации. Ведь и Плотин, и Ницше, и любой человек являются продуктом среза того архетипа расового бессознательного, которое характеризует онтологический ресурс времени в его максимальной открытости индивидуального духа неподвижности бессознательного инстинкта смерти, владеющего высшей психикой каждого

человека. Другое дело, что у человека заурядного высший психический потенциал практически неразвит, что характеризует его как человека массового, а у человека выдающего этот потенциал максимально мобилизован. В этом смысле, массовый человек — это всегда человек, обусловленный влечениями, а выдающийся человек — это всегда человек, характеризующийся активной индивидуальной волевой позицией.

Поскольку мы исходим из практически нулевого уровня рациональной философской школы мысли в современной России, если понимать под «разумом» не понятие обыденного мышления, а нравственный исторический рубеж максимального мужества человеческого духа, то нашей задачей является осмыслить хотя бы минимальную взаимосвязь разумных индивидуальностей в исторической реальности, где подобный опыт отсутствует. Так, нам необходимо понять основания для действия ресурсов воли в среде, где практически полностью действуют только влечения, а значит, отсутствует полноценный патриархальный дух, который всегда определяет объективно-нравственную основу любого исторического государства. Фактически мы рассуждаем о «лигаризме», то есть о связи разумных индивидуальностей в среде, где исторически отсутствовала какая-то отчетливая основа рациональных коммуникаций. Ведь рациональная коммуникация никогда не бывает «традицией», поскольку традиция всегда отображает матриархально-бессознательный инстинкт самосохранения человека, тогда как рациональная коммуникация, наоборот, выражает максимальную полноту метафизического импульса воли. Можно сказать, что, являясь определенным авангардом познания бытия, патриархальная мысль натянута на топологическую структуру неизбежности решительного рывка мировой цивилизации вперед. Именно поэтому, вероятно, как древние евреи находились под абсолютным влиянием египтян, а

фактически, рабами, так и русские в эпоху правления династии Романовых находились под абсолютным влиянием протестантского духа немецкой культуры. Так, последний русский император имел минимум русской крови. С другой стороны, известная поговорка «потрите любого русского, и вы увидите в нем татарина», показывает, что, собственно, перед началом правления династии Романовых не может быть и речи о какой-то «чистоте» русской крови. Таким образом, с биологической точки зрения рассуждать о расовой идеи существования русской нации бессмысленно. Как же тогда понимать сущность национальной идеи и, собственно, реальность русской нации в современной мировой цивилизации?

Когда мы размышляем под историческим понятием «нация», то менее всего вспоминаем о массовом социуме, этой жесткой активной системе по ликвидации разума в человеческой душе. Понятно, что на службе этой жесткой системы по ликвидации разума в человеческой душе существуют мощнейшие механизмы: экономические, политические, идеологические и другие, направленные на то, чтобы исключить разум из психического существа человека. Так действовали силы враждебные разуму на всем протяжении мировой цивилизации, когда первое, что приходит нам на память — это система европейской инквизиции. Но любая попытка фальсификации разума, как показывает опыт мировой истории, неминуемо разрушает то, что пытается его фальсифицировать. Подобная судьба постигла абсолютное нравственное влияние моральных заповедей христианства, оставив ему место декоративной области цивилизации, и аналогичная судьба ожидает массовые институты современного мегаполиса. Понятно, что полностью они не исчезнут, но топологически «сожмутся» в истории насколько, насколько ничтожной была историческая функция в Темные или Средние Века, например, экономики, когда представление о ней практически отсутствовало. Ведь активность

внутренней взаимосвязи структур мировой цивилизации обусловлена волей разумного человека, равно как и ослабление активности его воли, также производит множество неразумных структур, плотность которых растет пропорционально исчезновению воли к власти разумного понимания предназначения человека. Мы утверждаем, что современные структуры экономики и социальные структуры массового общества являются иррациональными структурами образа жизни человека, характеризуя собой определенное историческое подобие, с точки зрения отсутствия в них исторического разума, религиозным институтам позднего Средневековья, построенных на активности поверхностного рассудка и животных влечений психики.

Чтобы понять, откуда взялась эта жесткая система иррациональных структур мировой цивилизации, на которой строится современный массовый мегаполис, необходимо понять, что любой авангардный принцип патриархальной психологии человека с течением исторического времени неизбежно трансформируется в матриархальную психологию, которая инстинктивно фальсифицирует разум. Фальсификация является настолько значительной, насколько велики предшествующие исторические усилия воли к власти разумного понимания действительности. Так, если в начале понимания разума в западноевропейской культуре мы находим аристократизм и благородство человеческого духа эпохи Возрождения, то в конце рационального пути развития западноевропейской цивилизации, который мы можем в полной мере наблюдать в наше время, наоборот: низость и равнодушие к нравственному долгу, которые отличают человека от животного. В результате, патриархальная культура авангарда человеческой мысли постепенно сворачивается в арьергард, когда даже активность производственных процессов становится более значительной в третьих странах, если обратить внимание на агрессивный рост экономики

Китая. Аналогичным образом, и идеи западноевропейской христианской морали, первоначально, составлявшие аристократические ценности средневековой мысли, в конце своего исторического пути стали оплотом масс, лишенных разума, что дало основание марксизму сравнивать религию с «опиумом для народа».

Мы с уважением относимся к «ветхому завету» западноевропейской рациональной мысли, где зародились и развились представления о наивысшей ценности познающего разума, но наше понимание резко расходится с ним в фундаментальном вопросе о главном, об исторической сущности разума. Так, если «ветхий завет» западноевропейского рационализма полагал, что разум является прерогативой человеческого мышления исключительно, резко противопоставляя человека и природу как разумное и неразумное, то мы утверждаем, что разум не может полностью полагаться человеческим предметом культуры, выражая в своем основании определенные сверхчеловеческие начала метафизики воли. На подобные сверхчеловеческие начала рационализма в его субъективной основе мысли нам указал Ницше, являясь одним из пророков «нового завета» рационализма, поэтому мы не будем останавливаться на этом начале, предоставляя каждому человеку оценить мужество своего духа в нравственном понимании его философии. Мы лишь укажем на правильный исторический контекст понимания философии Ницше с объективных позиций исторического разума, поскольку в наше время находится множество слабоумных болтунов, которые пытаются сравнивать влияние Ницше и с Христом, и с Буддой и даже с вождем большевистской орды, Лениным. Во-первых, заметим, что с объективно-рациональных исторических позиций центральная нравственная мысль о «смерти бога» имеет у Ницше не столько направленность против исторического влияния христианства (хотя с субъективной точки зрения

это действительно так), сколько против человеческого разума, развившегося из конфликта с историческим влиянием христианства. Понимание этой позиции выражается в том, что вся западноевропейская школа мысли, начиная с Декарта и заканчивая Гегелем, своим центральным нравственным началом рассматривает понимание бога как абсолютную онтологическую субстанцию. Понятно, что в аристократических ценностях Возрождения равноправие богов как античных, так и единого бога, предполагалось наивысшим достижением, поскольку сама нравственная сущность аристократизма ценностей Возрождения выражалась в необходимом требовании возвращения к прерогативам эстетических ценностей античности. Другое дело, что эти ценности воспринимались не в классическом существовании др. греческого духа как нравственного тождества героического и трагического, а в романтических тонах равноправия земного и божественного. И это земное, собственно, осталось единственной областью активности современной массовой цивилизации, когда все мужественные движения разума «рассеялись» в историческом времени последних веков, демонстрируя современную либерально-демократическую систему западноевропейской цивилизации как «Титаник», тонущий в онтологическом океане исторического времени. Таким образом, с исторической точки зрения, по интенсивности и мощи критического отношения к моральному пониманию исторической сущности человека рядом с Ницше мы можем поставить только Сократа, то есть полностью следовать за субъективным нравственным императивом Ницше – не примешивать к исторической позиции разума никакой потребности низшей психологии человека. Ведь мысль Сократа и Ницше развилась в среде высшей культуры. Одного окружали такие выдающиеся фигуры истории как Перикл, Алкивиад и Платон, а другого, например, такие как Вагнер, поэтому речь в обоих случаях

шла о высшей ценности моральной мысли с точки зрения ее обновления в новом проекте развития мировой цивилизации. Поэтому как Сократ определил моральные начала философии на два с половиной тысячелетия вперед, так и морально-субъективные позиции Ницше, вероятно, должны определить ее будущее на приблизительно такой же исторический промежуток времени. Поэтому объективно становится понятен конфликт субъективного рационализма Ницше с моральной позицией Сократа, определявшую всю историю философии последних двух тысячелетий, который состоит в том, что разум не может являться исключительно «человеческой» сущностью мышления в онтологическом потоке времени. Если же развивать субъективно-рациональные позиции имморализма философии Ницше с объективно-рациональной исторической позиции, то мы неизбежно окажемся перед необходимостью критики не религиозных представлений человека, а представлений механического рассудка и, в целом, эмпирического мышления. Мы видим, что реальной властью в массовом мегаполисе обладает механический интеллект, плодящий социально-экономические и социально-политические структуры в качестве активности неразумного существа человека. С другой стороны, очевидно, что научно-технический прогресс является процессом, который в качестве «ветхого завета» рационализма будет определять развитие массовой основы цивилизации в ближайшие тысячелетия, как в свое время монотеистические религии определяли ее развитие последние два тысячелетия. За моральной основой этого «ветхого завета» рационализма скрывается нравственная необходимость возвращения к исторической памяти начала действия разумной воли человека в мировой истории.

Безусловно, центральным понятием классической философии будущего должно быть понятие «воля». Но чтобы понять, что такое воля в ее подлинном историческом содержании, мы должны отказаться от предрассудка обыденных представлений, — понимать действие воли в качестве человеческих влечений. Мы полагаем, что в каждом действии разумной воли содержится нечто сверхчеловеческое. В противном случае, речь должна идти только о человеческих влечениях. Таким образом, одним из выдающихся достижений философской мысли Ницше было интуитивное различение воли и влечения, поскольку философия Шопенгауэра, также исследовавшего метафизические мотивы воли, заканчивается пессимизмом безволия. Именно к этому пессимизму безволия и пассивной созерцательности необходимо приходит мысль, отталкивающаяся от морального императива Канта, в философии которого отсутствует историческое понимание объективной сущности исторического разума. Поэтому, помимо первоначального влияния философии Шопенгауэра, безусловно, Ницше испытал влияние философии Гегеля, указывая на ее «хороший вкус», то есть корректную эстетическую позицию в оценке противоречивости рационального мышления как реальности отображения исторического действия метафизики воли.

Воля, как метафизическое участие человеческой психики в отображении онтологических феноменов времени, в отличие от влечения есть патриархальная моральная категория, то есть категория, в которой массово-коллективное существо человека отсутствует. В этом смысле, первая высшая раса, существовавшая в Египте, структурировала рациональные коммуникации общения в соответствии с определенными звуковыми ассоциациями, в которых иероглифы передавали онтологический первообраз онтологии

времени в качестве первой модели существования расы homo sapiens. Топологическое подобие звукового послания высших западноевропейских ценностей мы находим в классической музыке, где онтологизм темпоральных тензоров времени является своего рода «десятью заповедями» западноевропейского рационализма, которые полностью должны быть включены в «новый завет» современной позиции объективного рационализма онтологии времени. Ведь расовое бессознательное нового проекта мировой цивилизации всегда опережает формирование внутренних структур человеческого языка как средства коммуникации, поскольку бессознательное начало высшей психики является скрытым резервуаром расовой памяти человека как разумного существа. Потому каста др.египетских жрецов и была в наивысшей степени замкнутой по отношению к др.египетскому народу, что осознавала невозможность объяснения происхождения человека и мира на уровне массового сознания. Именно многообразие сакрального в единстве темпорального тензора сознания полноты бытия, где еще нет – в силу интенсивности этой полноты – человека и бога, в системе высших ценностей кастового духа др. египетского жреческого знания, оказала значительное влияние на учение о наивысшей ценности Единого у Платона.

Мысль о «преодолении человеческого» в субъективном рационализме Ницше является требованием погружения сознания в расовую память тотально, вследствие чего метафизический импульс воли становится максимальным. Этот максимум достигается как забытие человеческого рассудка, поскольку человеческий рассудок всегда неизбежно социален, будучи обусловлен массовыми инстинктами. Таким образом, амбивалентность психики человека характеризует двойственность ее бессознательного начала, с одной сто-

роны, как разумного существа, а с другой, как животного существа. Понятно, что в результате тотального ослабления работы высшей психики расового бессознательного, эта амбивалентность психических процессов нарушается, и человек начинает осознавать себя как животное, правда, обладающее интеллектом. Однако интеллект – это не разум, поскольку деятельность интеллекта не связана с работой высшей психики, проистекая из конструктивных свойств человеческого рассудка исключать противоречивость процесса исторического мышления. При этом противоречивость мышления может вызываться как его очевидным недоразвитием, если оно исследует известный предмет, так и, наоборот, авангардным рациональным содержанием мысли, если оно исследует предмет совершенно новый для мышления. А если этот предмет еще и крайне опасен для слабой человеческой психики, то последствия могут быть катастрофическими для личности самого исследователя. Как известно, гегелевская диалектика развития абсолютного понятия строится из противоречивости рационального суждения. Диалектика рационального мышления Гегеля достигает максимального развития рациональных способностей мышления субъекта как система, которая подобна онтологической «машине» мысли, активизирующей метафизический импульс воли в сознании мировой истории. Однако воздействие духа истории на сознание человека может иметь различную интенсивность, когда «технических» ресурсов логического языка не хватает, чтобы осмыслить фрактальное поле патриархального духа, то есть его разорванность сознания онтологическим потоком течения исторического времени. Такова философия Ницше, в которой сознание целиком и полностью погружается в расовую память, где субъективность «я» не обладает обратной рациональной рефлексией объекта. И действительно, эта философия объективно исторически не обладала моральной

возможностью рефлексии мысли, поскольку в своем первоначальном мотиве познания имела максимальное эстетическое переживание воспоминания духа др. греческой трагедии, который исключает и человека, и бога в каком-то традиционно христианском или традиционно романтическом человеческом понимании. Поэтому мы полагаем ложным утверждение Хайдеггера, что Ницше мыслил всю европейскую историю как историю европейского нигилизма. Ницше, как и Плотин во фрактально-аналогичную историческую эпоху своего времени, был слишком пронизательным мыслителем, чтобы не понимать эклектичность своей философии с точки зрения ее объективно рациональной системности мысли. Он слишком глубоко интуитивно чувствовал наступление варварства низших инстинктов по отношению к высшим ценностям, чтобы полагать, что осознание исторического наступления этого варварства способствует высшим инстинктам воли. Поэтому ценность его мысли, как впрочем, и ценность мысли Плотина, состоит в том, что в раздробленности трагического духа наступающей исторической эпохи он выделил важнейшие вопросы субъективного разума, указав в своем интуитивном поиске объективность разумной действительности как реализацию воли к власти разумного духа любой ценой.

Известно, что Хайдеггер делил нигилистические представления: на нигилизм силы, который он понимал как европейский нигилизм, и нигилизм слабости, который исторически, как мы полагаем, частично характеризует русские и, тотально, советские интеллектуальные ценности. Для нас принципиально различие этих двух типов нигилизма, несмотря на их общее происхождение в процессе расовой катастрофы. Первый характеризует требование тотальной реконструкции духовного поля патриархальной культуры (из-

вестное утверждение «бог умер). Второй, наоборот, определяет стремление усиления матриархальной культуры: либо за счет рефлексии религиозной мысли (известная «теория» всеединства Соловьева, основанная на «вечно-женственном» начале «софии-мудрости»), либо в откровенно варварском понимании патриархальной психологии человека у вождей большевистской орды, подобно презрительному выражению «боженька». Таким образом, эти два рода нигилизма не просто различны по существу, но их разделяет целая пропасть, основа которой – нравственное понимание исторической реальности разума. Не случайно, одним из центральных вопросов русской философии были вопросы моральные, которые выводились не из современной метафизической картины бытия, а, наоборот, из попытки свести сложность современной метафизической картины реальности к обыденным человеческим представлениям. Вероятно, что «обратной» стороной русской религиозной мысли и было возникновение революционных представлений, обусловленных одной из самой примитивной системы ценностей материализма, которым как раз и подходил марксизм. За европейским нигилизмом силы мы находим почти двухтысячелетнюю традицию западноевропейской школы мысли (как аналогичным образом за неоплатонизмом Плотина – двухтысячелетнюю школу античной греко-римской мысли). За русским нигилизмом слабости – раздражение варварской по отношению к разуму мысли, однако стремящейся судить обо всем. В результате, главный нравственный «удар» нигилизм слабости стремился весь XX век нанести по патриархальной культуре, а именно по патриархальному духу русской православной церкви, практически стараясь ликвидировать как слой русских священников, так и сотни культовых сооружений во всей России. И, надо сказать, что удар этот оказался сокрушительным, когда современное сознание народов России полностью деморализовано, по-

сколькo оно не чувствует какой-то внутренней взаимосвязи: ни с памятью предков, ни с современными процессами современной мировой цивилизации, пытаясь грубо по варварства, все в том же духе нигилизма слабости их имитировать. Но имитация как псевдоцивилизации, так и псевдорелигиозных чувств имеет обратным результатом – полное отсутствие каких-то волевых усилий человека, поскольку существом всякой основы подлинной цивилизации является определенная активность разума как реализация метафизического импульса воли. В результате, социально-политическая система все более варваризируется, не имея для своего полноценного функционирования главного – отчетливо-моральной основы, а государство все более слабеет, не имея в своей основе отчетливой модели объективного исторического разума.

Не следует забывать, что нигилизм силы европейского нигилизма является исторически необходимым философско-моральным отношением к исторической действительности, где метафизический импульс воли остается единственной моральной взаимосвязью с духом мировой истории тогда, когда традиционное моральное сознание обладает минимальным присутствием воли. В рациональном смысле, действие метафизического импульса воли как сакрального отображения онтологического существа времени и есть процесс непрерывного возвращения бессознательной расовой памяти человека к резервуару опыта сакрального духа исторического прошлого в перспективе нового морального договора. Но нигилизм слабости с его «коллективным разумом», то есть с отсутствием разума вообще как понимания иерархии, как между людьми, так и в самой культуре, под «волей» понимает агрессивные человеческие инстинкты, формируя из них социальные массовые структуры за пределами разумной действительности. В этом смысле, ничего не изменилось в России с 17-го

года, то есть тотального господства варварского по отношению к разуму существа мысли, поскольку русская религиозная философия глубоко внутренне взаимосвязана с психологической основой представлений русского нигилизма. Источник их один – разложение архетипа русской патриархальной общины. По-видимому, наиболее полно это внутреннее нравственное единство выразилось в вожде большевистской орды, Сталине, который, как известно, имел образование духовной семинарии. Вообще, мы не находим какого-то более менее рационально-отчетливого понимания существа разумной воли в русской интеллектуальной культуре, но зато находим множество суждений об агрессивных влечениях, как об «исторической воле». Наиболее полное отсутствие рационального понимания существа воли выразилось в почти религиозном понимании марксизма в идеологии наследника большевистской орды, партии КПСС.

Почему же тогда российское государство еще существует, когда множество не только слабоумных кликуш современной социальной мысли, но и стратегические разработки ЦРУ полагали его распад в ближайшее время? Ведь еще фашисты, определяя советскую Россию как «кучу исторического навоза», прочили ее скорое исчезновение, полагая, что русской нации исторически уже нет, что она ликвидирована геноцидом большевистской орды. Последние суждения не лишены разума, ибо русская культура в период династии Романовых выросла из тотального подражания политической и рациональной основе немецкого духа протестантской цивилизации. Однако фашизм исчез в мировой истории, а Россия осталась. И это несмотря на то, что внутренние орды сменяют в России одна другую (под видом политических «партий»), под разными лозунгами в различной мере своего разрушительного воздействия на очень слабую государственную основу.

Легкомыслие в понимании сущности российского государства, которое демонстрируется внешними наблюдателями, следует видеть в отсутствии подлинного понимания нравственного начала русской нации, которое состоит в том, что оно выражает архаичную память античного расового поля морали, где моральное есть мера героического начала человеческой души, то есть фактически — героический миф. При этом понятно, что существом русской нации является не этническое деление людей на различные составляющие: татары, евреи, белорусы, дагестанцы и так далее, а восприятие чего-то святого, что выражается почти в неуловимом существе онтологического потока времени, когда дух человека осознает, что нравственно он оправдан. Однако, как это всегда бывает в Темные Века истории, это нравственное оправдание происходит в чем-то максимально рискованном, в истории русского национального духа — в войне, когда каждое новое поколение фронтовиков, вливаясь в безвольно-аморальную социальную жизнь, вновь и вновь возрождают в русских огонь их нравственного единства. Но как только умирает поколение фронтовиков, государственная жизнь в России вновь полностью варваризируется, поскольку в ней исчезают последние усилия людей, обладающих волей.

Когда мы размышляем над восстановлением полноценной государственности в современной России, то понимаем, что период четырехсотлетнего подражания социально-государственной основе западноевропейской цивилизации остался в прошлом. Вследствие этого, социальная инфраструктура российской государственности медленно дрейфует в сторону уровня государственности Зимбабве, поскольку бессознательные нравы большевистской орды никуда здесь не исчезли, но и наоборот, психологически породили определенный бессознательный архетип поведения человека, кардинально новый для тысячелетней российской истории. Встает вопрос: а как же многочисленная

армия юристов, политологов, социологов, банкиров, «философов», литераторов, артистов и других представителей социальной жизни, которые должны необходимо выражать разум в любом государстве? Заметим, что эта армия мало чем отличается от аналогичной «армии» в Зимбабве. Она исправно получает свои доходы, платит налоги, в общем, функционирует, как и положено в государстве, недавно освободившегося от колониального ига. Ответ прост: человек, не имеющий разума, то есть человек, чей разум практически не развит, не может критически оценить свое положение, когда бессознательные низшие психические процессы владеют его душой. Отличие России от Зимбабве состоит только в том, что за последнее столетие она «освободилась» от своего тысячелетнего исторического прошлого, став тем государством, где жизнь людей связывает не разумное начало души, а племенные инстинкты. Не случайно, поэтому советская идеология долго и упорно боролась за освобождение Африки от колониального ига, — она инстинктивно чувствовала родственный уровень своего нравственного развития, рассуждая о «братстве народов». И в Зимбабве есть своя философия. Мир глобализма стал един, — вот только разума в нем не осталось, а значит, не осталось и моральных ресурсов для дальнейшего существования.

Геополитически Россия оказалась в полной изоляции в европейском мире, поскольку всем стало очевидно, что история петровского проекта закончилась, а другого пока не просматривается. В этом смысле, и азиатские страны подозрительно относятся к попытке российской стратегии дрейфовать в сторону Азии. Они, правда, идут на некоторое сближение с этой пока еще влиятельной «кучей исторического навоза», но все-таки осознают, что и менталитет, а главное, историческая судьба у нас разные. Так, азиатские

страны, которые еще как-то в состоянии в мировой цивилизации «шевелиться», не просто успешно структурировались в мировую экономическую систему, но и в не столь отдаленном будущем должны опередить и Америку, и Европу по экономическим показателям.

Мы, рационалисты, не собираемся отказываться от своего разума, когда все механизмы массового общества стремятся его ликвидировать. Отношение к русскому у нас такое, какое оно существует у последнего рубежа патриархальной мысли, которое было сформулировано Шпенглером как проект развития новой русско-сибирской цивилизации. Однако в отличие от концепции Шпенглера, где отсутствует объективно-рациональная основа мысли, мы исходим изнутри этих удушливых Темных Веков, в которых необходимо «прорубать окно» не в Европу и, уж тем более, не в Америку, а в историческое будущее мировой цивилизации в новом нравственном существе человеческой души.

В нашем понимании действительный дух национальный культуры есть реальность объективно-рационального развития мировой цивилизации, в котором доминирует патриархальное начало. Если мышление адекватно оценивает свое положение в мировой истории, то начало школы рациональной мысли положено, и, следовательно, впереди существует перспектива развития рациональных коммуникаций, жизненно необходимым для существования государства. И здесь речь идет уже не о подражании, а о самостоятельном проекте развития цивилизации, который, как это известно из событий мировой истории, начинается с двух необходимых признаков: возникновения самостоятельной рациональной философии и формирования кастовых союзов, в которые объединяются те, кто обладает разумом в окружающем их тотальном варварстве представлений о его существе.

Очевидно, что мировая цивилизация едина в своих процессах развития, однако внутри ее существуют различные модели рациональной топологии национального духа, поскольку высшая психическая организация человека развита не одинакова у различных народов. В основе развития высшей психики человека лежат глубинные свойства расовой бессознательной памяти, которая определяет меру нравственного вклада отдельного национального духа в уровень нравственного развития мировой культуры. Ведь нравственное в основе патриархального духа выражает необходимость пренебрегать «человеческим» в силу существования высшего сакрального начала бытия, ибо, в противном случае, мужество духа перестает существовать в непосредственной реальности человеческой жизни, постепенно трансформируясь в вязкую неразумность массовых бессознательных инстинктов.

Заметим, что одной из наиболее значительных интеллектуальных заслуг психоанализа Фрейда является интуиция нового критического отношения к существу человеческой воли, когда выделение источника бессознательных влечений в сексуальном инстинкте дает возможность осмыслить первичный мотив воли с принципиально новой психологической стороны. Так, если традиционные представления науки исходили из известной психофизиологической системы, когда не предполагалось «расщепление» бессознательного на неоднородные психические процессы, где они обладают малоизученной психической энергией, то современное рациональное понимание психики необходимо должно исходить из этой неоднородности психических процессов, разделяя высшие и низшие импульсы. При этом, если психоанализ Фрейда исследовал механизм вытеснения сексуальных влечений в качестве социальной активности человеческого интеллекта, то субъективный рационализм Ницше, фактически исходя из диаметрально противоположного, чем сек-

суальный инстинкт, инстинкта смерти, указывает на происхождение рациональной морали за пределами социальных представлений. Это вполне объяснимо с точки зрения мирового процесса расовой катастрофы, когда между двумя глобальными моделями мировых цивилизаций возникает временный «зазор», в котором доминируют модели буферных цивилизаций подобные эллинистическим государствам, Византии или США. Однако есть и принципиальное различие нашего исторического времени от предшествующих расовых катастроф, – мы не находим представления о боге или богах в будущем нравственном договоре между народами, поскольку фрактал религии сменил фрактал веры в научно–технический прогресс.

Глава 2

Понятие «фрактала» (лат. fractus – раздробленный, сломанный, разбитый) взято нами из современной математики, но смысл в него мы вкладываем чисто философский. Это впрочем, не исключает изначальной научной интуиции в понимании любых философских проблем, поскольку метафизическая мысль необходимо исходит из понимания природы, однако в философии отношение к науке ограничивается рациональным доверием к ней, но не верой в нее. Так, как известно, математические фракталы способны описывать физические явления, в которых повторяется определенный «рисунок» подобия некоторого количества элементов в некой единой структуре: повторяющийся рисунок листьев деревьев, ландшафтов, поверхности морей, кораллов, собственно, вполне вероятно фрактальное строение самой Вселенной. Фрактал – это определенная структура множества элементов, сохраняющая свое строение в процессе деления этой структуры

и ее роста. Важнейшая характеристика фрактала, следовательно, есть существование подобия структуры каждого элемента определенному множеству элементов как признака фрактальной структуры.

Необходимость введения понятия «фрактала» в осмыслении метафизического существа воли, состоит в требовании объединения онтологических начал структуры идеи у Платона и онтологической идеи воли к власти разума — у Ницше. Поясним нашу мысль на одном из серьезных вопросов современной геополитики. Почему, современная Россия, только номинально сохранившаяся в «клубе» европейских держав как европейское государство, еще не «сгнила» окончательно, откатившись на уровень политического влияния Турции или Пакистана? Поскольку мы стоим на позициях высших ценностей, то находим две причины. Одна, локальная, можно сказать вполне «человеческая» для понимания состоит в том, что «высшая точка математического мышления. Внутреннее просветление мира чисел (концепция Шпенглера)», швейцарский математик Эйлер, долгое время жил в России, где своей научной деятельностью заложил здесь начала математической школы, которая впоследствии развилась до мирового уровня в наше историческое время. И это несмотря на то, что первоначально русские ученики Эйлера даже не понимали содержания его работ. Именно современная физико–математическая школа мысли, на основе которой существует современный ВПК России, определяет потенциальные рациональные ресурсы воли нации. Вторая, глобальная, связанная с метафизическими процессами развития высших ценностей мировой истории, состоит в формировании Петром I основ русской армии по образцу прусской, где и были заложены подлинные начала нравственного основания русского духа в качестве перемещения моральной основы патриархального духа немецкого протестантизма в начала русской культуры. Собственно, эти

два фактора, постепенно образовавшие наиболее напряженный тензор процесса формирования новой расы *homo sapiens*, и определили нравственное развитие духа русской нации, поскольку нация, как мы полагаем, характеризует топологический «узел» фрактальной системы метафизического импульса воли в мировой истории. С одной стороны, мы имеем начало разложения «человеческого» как традиционного быта всех народов, проживавших в России, что было следствием петровских реформ, с другой, образование духа нации в мировой истории.

Мы можем рассмотреть и другой пример из мировой истории. Так, в 6 веке до Р.Х. Пифагор, живший в италийской колонии древней Греции, в городе Кротоне, заложил начала др. римской цивилизации, создав пифагорейские союзы, эти древнейшие системы лигаристических союзов. Известно, что попытка утвердить в греческих колониях мистически–рациональные знания, закончилась восстанием, в результате чего, как утверждает Порфирий, Пифагор погиб в антипифагорейском мятеже в Метапонте. Заметим, что некоторые историки свидетельствуют о проживании Пифагора в Д.Египте более 20 лет, что наводит на мысль о фрактальном подобии зарождения др. греческой философии и др. еврейского монотеизма (учитывая размышления Фрейда о Моисее) именно под влиянием высших ценностей др.египетской цивилизации.

Когда русский нигилизм рассуждал о России как «тюрьме народов», он справедливо указывает на начало Темных Веков как природной непосредственности духа. Однако чтобы дух очистился от природной непосредственности, он должен пройти состояние раздробленности, «сломанности» перед чем–то таким, что превышает способность человеческого понимания в интенсивности глубины сакрального чувства. Так, в моральном смысле, речь идет о фрактальном поле бытия, в котором сознание «человеческого» исчезает,

а самосознание оперирует не конечностью чувственного восприятия представлений, а фрактальным отображением сверхчеловеческого метафизического импульса воли в мировой истории. В Темных Веках раздробленное человеческое существо присутствует только как «тьень» исторической расовой памяти, ибо только расовая память остается единственной взаимосвязью рационального мышления в момент преодоления волей инстинкта смерти. Следовательно, чувство гибели человеческой непосредственности сознания – это необходимая составляющая процесса опосредствования (по Гегелю) рациональной мысли как подтверждения ее существования в историческом присутствии в метафизическом импульсе воли. И если у Гегеля человеческое все-таки восстанавливается в системе мышления абсолютных понятий, то во фрактальном поле исторического начала новой цивилизации это невозможно в принципе, поскольку именно максимум «размазанности» человечески непосредственного представления фракталом бытия дает возможность определить хотя бы минимальные контуры реальности мирового исторического духа.

Когда мы размышляем над онтологией фрактального поля мировой истории, то везде находим столкновения патриархального и матриархального сознания ценностей человека. При этом, первое стремится к иерархии, утверждая, что человеческое есть то, что «необходимо преодолеть», а второе – к равноправию: «свободе, равенстве, братстве». Психоаналитически, речь идет о полярно-противоположной ориентации сознания в соответствии с бессознательной работой психики человека. Если патриархальное начало души топологически ориентировано на сакральное, которое бесконечно превышает ценность человеческой жизни в метафизике воли, то матриархальное, наоборот, именно в самосохранении человеческой жизни видит основу своего нравственного начала. Но и в том, и в другом случае, па-

триархальные и матриархальные ценности не являются механическими противоположностями рассудка, а выражают постоянную глубинную борьбу импульсов различных слоев бессознательной психики: высших и низших. Можно сказать, что в сознании постоянно возникают чередующиеся отображения тензоров высших и низших психических состояний души, которые суть — отображение духа исторического времени, в котором присутствует бессознательное начало психики в качестве метафизики импульса воли и в качестве разного рода влечений. Причем, если историческое время лишено сакрального содержания для духа человека, то тогда полностью доминируют тензоры матриархального сознания, если, наоборот, время обладает максимальной сакральной силой воздействия на бессознательное, то сознанием владеет метафизический импульс воли.

Если присмотреться к цветным фотографиям математических фракталов, то мы увидим в них то, что Платон понимал под эйдосами, а именно образующую онтологического модель сущего, которая не предполагает монотеистической теологической составляющей, поскольку эстетическая целостность фрактальной структуры полностью самодостаточна. В этой минимальной антропоморфности свойств онтологической структуры фрактала мы находим онтологический принцип симметрии как направление к возникновению модели рациональной структуры из хаоса. Так, непрерывное (по Ницше — вечное) воспроизведение определенной метафизической структуры фрактала в хаосе, выражает основание онтологического принципа течения онтологического потока времени. Организация фрактального поля вещества, следовательно, и есть то, что Ницше определял как «воля в природе», когда полагал, что подлинная взаимосвязь человеческого восприятия природных

явлений отображают не монотонные влечения, а то, что их разрушает, то есть дионисическое начало души (инстинкт смерти). Именно здесь существует квинтэссенция его основного момента философского учения о «смерти бога». Фактически, объективно–рационально, критика нигилизма силы направлена в своей перспективе на отрицание возможности объективного существования разума в механической структуре, на представлении о которой выросла все системное мышление западноевропейской философии. Эта критика проистекает из отрицания возможности созерцать мир явлений как монотонно–механический, то есть отождествлять его с социально–упорядоченной функцией бессознательных влечений человека. Другими словами, эстетическое строение фрактала бытия отрицает доминанту сознания, где бог и материя определяются как «вечное» в силу достаточного «покоя» как психического состояния души человека, так и следствия этого покоя (момента инерции по Ньютону) механического интеллекта. И тогда возникает вопрос: если бог не является основанием мира, то как возник этот мир и что им движет?

Когда мы размышляем об одном из центральных утверждений метафизики Ницше, «бог умер», то менее всего имеем в виду атеизм представлений, поскольку атеистические представления последнего столетия не обладают патриархальным началом мысли, причастном историческому разуму, а, наоборот, все свои суждения выводят из поверхностного интеллекта. В действительности же, это суждение Ницше направлено в большей степени против «научного» атеизма, поскольку тотально отрицает возможность существования разума в том, что не обладает сакральной перспективой онтологического течения времени, из которого возникает метафизический импульс воли. Собственно, в этом философском тезисе заложена гегелевская идея отрицания отрицания, но только она не ограничивается спе-

кулятивным мышлением, а предлагает пережить ее во всей полноте мужества духа, способного оказаться наедине с откровением исторического времени, где нет ни человека и ни бога. Ведь объективно – онтологическая полнота бытия времени, а субъективно – полноценность души, все равно остаются, только они мыслятся в эстетическом феномене рациональной модели структуры фрактального поля реальности.

Продолжая объективно–рациональную реконструкцию субъективного рационализма Ницше, можно заметить, что его противопоставление Диониса – Христу имеет моральный аспект, корни которого уходят еще в идеологические споры между последними античными мыслителями и первыми христианскими проповедниками. Суть этого спора состоит в том, что античные мыслители вполне справедливо вопрошали о здравости суждений о воскрешении из мертвых христианских праведников в учении христиан о спасении. Вопрос этот очень серьезный, поскольку древняя героическая мораль античности учила, что гибель героя не предполагает загробного мира, не давая героям римской и греческой мифологии надежду на какое–то спасение (правда, чем ближе к христианской цивилизации, тем значительней в римской мифологии влияние идеи о существовании загробного мира). Собственно, вся разрушительная полнота первородного ужаса, которая существовала в др.аттической трагедии, по–видимому, состояла в том, что герой не ожидал спасения, ибо все его человеческое существо было полностью раздроблено метафизическим усилием воли (именно в последнем др.грек и полагал божественное начало в герое). Попытки же каким–то образом полагать родственными, например, др.германские мифы и др.греческие мифы не имеют под собой рациональных оснований, поскольку др.германская мифология была лишь грубым копированием поздней римской мифологии, в ко-

торой в полной мере появляется надежда человека на спасение (известная мифология о загробной Валгалле).

В понимании существа др.аттической трагедии мы находим у Ницше тот субъективно–рациональный элемент, который должен быть «ключом» в выражении современных фракталов морали. Ницше рассуждает о «летаргическом сне», в котором у человека из памяти начинает всплывать его прошлое в момент трагического переживания. Субъективно психологически, следовательно, речь идет о естественном переживании некоего подобия клинической смерти, в котором индивидуальное сознание освобождается от оков коллективной культуры, чтобы постигнуть себя в качестве подлинно самодостаточного субъективного начала. Это понимание начала трагического переживания в возвращении сознания в прошлое как отображение образов расового бессознательного и есть критерий наивысшего нравственного начала эстетического чувства. Именно в этом психологическом состоянии сознания мы находим и известное учение Платона о понимании мира идей, который отображается в известной притче о «пещере», где блуждают «тени» людей, лишённые разума. Другими словами, античная мораль в ее «чистоте» начального становления была выражением жизни в сознании, которое постоянно стремится переживать клиническую смерть, то есть освобождаться от коллективного опыта человеческой жизни. Но тогда подобного рода состояние души является одновременно: и варварским и сверхчеловеческим. Варварское оно, потому что отрицает в себе весь накопленный опыт коллективного знания культуры, а сверхчеловеческое, поскольку, освобождаясь от этого коллективного знания, оно постигает фрактал морали сакральной реальности духа своего исторического времени.

Легко заметить, что происхождение импульса воли из психических процессов человека близким состоянием клинической смерти предполагает, что вся высшая психика че-

ловека построена на «расщеплении» бессознательного инстинкта смерти. Так, в отличие от психической энергии влечений, которые обусловлены расщеплением сексуального бессознательного инстинкта, инстинкт смерти выражает метафизическую природу происхождения духа. Заметим главное, инстинкт смерти не может быть только «человеческим» инстинктом, поскольку в этом случае логика человеческой жизни как биологического существа теряет всякий смысл. Следовательно, мы должны предположить, что инстинкт смерти не является сферой только человеческого резервуара бессознательных психических реакций, а характеризует определенную сакральную взаимосвязь индивидуально-начала души с природными процессами фракталов бытия. Таким образом, мы должны полагать, что др. аттическая трагедия выражала сакральное переживание не процесса избавления от индивидуального начала души (как это полагал Ницше), а, наоборот, подлинное проявление индивидуального духа, в качестве концентрации метафизических импульсов воли как присутствия рациональной реальности сознания. Только это индивидуальное начало духа проявляло себя как сверхчеловеческое существо воли по отношению к влечениям. Основной рационально-объективный вывод о существовании др. аттической трагедии состоит в том, что существо дионисического отрицает возможность возвращения сакрального переживания к целостности человеческой души, на основании которой функционирует коллективное бессознательное. Значит, расовое бессознательное постоянно очищает индивидуальную психику человека от наслоений тепла матриархальной культуры, поддерживая мужество патриархального духа в его достаточной полноте. Именно в этом отрицании человеческого как абсолютной ценности личности: либо по отношению к богу, как тому учит монотеистическая мораль, либо по отношению к обществу, как то полагает мораль Просвещения, и состоит нравствен-

ный императив современного объективного исторического разума, который всегда выражает авангардную историческую сущность метафизического импульса воли. В этой проекции разум существует как отображение сверхчеловеческого импульса воли в метафизике онтологии феноменов исторического времени.

То, что характеризует онтологическую природу фракталов истории с точки зрения повторения определенных циклов развития цивилизации (по Шпенглеру), – это принцип подобия структуры фрактала, которым она пронизывает как жизнь отдельного человека, так и жизнь целых народов и государств. Понятно, что в этой топологически–фрактальной концепции мировой истории Шпенглер разрабатывал метафизическую идею вечного возвращения Ницше, однако подобного рода разработка не обладает разумным основанием понимания исторических процессов. С другой стороны, не трудно заметить, что в представлении о псевдометаморфозе, как о влиянии культуры большого стиля на зарождающуюся модель новой цивилизации, процесс выражения фрактала истории состоит в том, чтобы разделить и противопоставить друг другу два начала прарасового начала души: разумное (расовое) и племенное (недочеловеческое). Заметим, что российская история с 17–го года в процессе псевдометаморфозы расщепилась на эти две составляющие, где вторая составляющая практически полностью ликвидировала первую. Фрактальным аналогом этого периода мировой истории, вероятно, следует рассматривать процесс глубокой нравственной деградации германских племен после падения Римской империи, когда племенные языческие боги померкли, а единый бог был глубоко враждебен др. германцам, полагая их варварской недочеловеческой силой в позднеантичной цивилизации. Но исторические процессы, протекавшие в Российской империи последние четыре столетия, выражают более широкое и более кардинальное

изменение расового архетипа человека в опыте развития мировой истории, поскольку, в отличие от фрактала монотеистической религии, фрактал техники разрушает все этнические различия людей. В результате, этнические различия между людьми после нашествия большевистской орды стерлись, и образовалась единая аморфная варварская масса людей, лишенная какой-то индивидуальной особенности характера того или иного народа.

В мировой истории человечества, так же как и в природе, имеет место связывание целого во фрактальной структуре. Так связывается материя вещества Вселенной и так связывается духовное существо человека с мировым духом. Однако в процессе связывания духа человека с духом мировой истории не стоит забывать, что человеческое здесь всегда присутствует в раздробленном виде, и, более того, именно раздробленность человеческого и есть необходимое условие метафизического импульса воли в историческом событии. Когда мы размышляем над происхождением самой структуры фрактала, то вспоминаем, что и Платон и Ницше утверждают, что метафизика бытия имеет эстетическую природу. Заметим, что Платон ставит эстетически выше и бога, и логоса — Единое (по Плотину), то есть способность ума проникать в многообразии фракталов как в нечто сакральное, что мы рассматриваем как онтологической феномен времени. Единое, по-видимому, и есть выделение из физического вещества его фрактальной основы, то есть метафизической объективности. Ницше, как известно, в своей субъективной позиции разума последовательно отстаивал эстетический феномен как единственную возможность нравственного оправдания человека.

Самым значительным новым словом метафизической логики в онтологическом наследии философии Ницше

является само определение его учения как «нигилизма», поскольку в метафизическом действии воли рефлексия рационального мышления существует только при участии процессов расовой памяти. Здесь философия Ницше разрабатывает один из центральных элементов философии диалектики Гегеля, понятие «опосредствования». Заметим, что вся система диалектических переходов мышления философии Гегеля строится из принципа опосредствования борьбы противоположностей бытия в момент снятия этих противоположностей в понятии. Процесс опосредствования противоположностей суждений положений рассудка в единстве рационального понятия предполагает момент необходимости воспоминания рефлексии – для – себя, то есть воля целиком и полностью присутствует в основании метафизики исторического события. В противном случае, остается функциональность только рефлексии – в – себе, которая суть время чисто человеческого существования, фактически, социализированное время, для которого разум всегда выступает как то, что выходит за пределы конечных человеческих представлений (понятно, что в онтологическом смысле, разум здесь является трансцендентной реальностью, как это имеет место в философии Канта). Таким образом, Ницше является не просто последователем основного «технического» инструмента гегелевской диалектики, но и углубляет понимание его действия до онтологического «водораздела» времени в исторической динамике метафизического импульса воли.

Понятно, что разум в метафизике воли Ницше перемещается в область бессознательного высшего начала психики по отношению к классической западноевропейской школе мысли. Однако, с точки зрения структуры платоновской идеи, это область не бессознательного, а область перехода предельной концентрации высшей психики в сферу эстетического начала бытия, которая является единственной

возможностью сознания морального чувства противостоять слабоумию социальной культуры. Ведь разум существует только тогда, когда постоянно отвоевывает новую область познания из наиболее рискованных областей существования воли. И если гибель человеческого существа Ницше на алтаре рационального познания характеризует прорыв в понимание новой рациональной действительности, то это именно действительность, то есть действие воли к власти рационального рубежа нового горизонта познания, а не созерцательная позиция поверхностного рассудка. Однако социальные представления, всегда проистекающие из бессознательного инстинкта биологического самосохранения человека, наоборот, цепляются за максимальную монотонность психического состояния человека, за счет которого возможно противостоять разумным началам человеческой души. Единственная такая возможность — создание мистической секты, которая, апеллируя к фракталу мифологии рационализма новой цивилизации, к вере в научно-технический прогресс, доводит массовые инстинкты человека до максимальной активности, пытаясь тем самым наделить эту иррациональную активность инстинктов матриархата не только статусом «воли», но «исторической» идеей. Именно рациональная мифология бесконечно ослабленного духа является основой современной либерально-демократической системы морали массовых ценностей, отрицающей современную разумную историческую действительность.

Кем является крупный «хищник» в мировой истории, образ которого постоянно рисует эстетическая интуиция Ницше в аспекте исторического будущего? Здесь мы должны забыть о примитивных рациональных суждениях мифологического Заратустры, языком которого Ницше выражает свое субъективное существо имморализма, поскольку им-

моральное является таковым по отношению к старым законам морали, но никак не по отношению к существу откровения бытия новейшего времени мировой истории. Оставляя мифологические суждения ницшеанского Заратустры для слабоумных, которые способны воспринимать мир только эмоционально, то есть не в состоянии понять разумное существо действительности, мы должны всерьез отнестись к понятию «сверхчеловека», поскольку здесь речь идет уже о субъективном разуме новейшего исторического времени. Ведь само рациональное содержание откровения речей Заратустры фрактально подобно психологическому «срыву» Плотина в его молитве–обращении к единому богу, которое не может дать материала для рациональных размышлений, а лишь дает возможность осознать определенную историческую эпоху с точки зрения ее социальной основы.

Однако существует и один важнейший психологический момент в понимании обращения ницшеанского Заратустры к диким зверям, которые говорят с ним на одном интуитивном языке. Этот момент состоит в том, что состояние подобное клинической смерти, которое присутствует в подлинно трагическом переживании, максимально активизирует бессознательные свойства расовой исторической памяти. В сфере расовой памяти обнажаются и противопоставляются два не–человеческих начала психики: не–дочеловеческое (звериное) и сверхчеловеческое (эстетическое). В результате, чисто–человеческому, то есть социальному, места в топологии разума не остается, поскольку расовая память строится не на механической, а на эстетической связи образов. Главнейшим отличием эстетической связи образов от механической связи причинно–следственных отношений является то, что эстетические феномены отображаются в сознании в том состоянии души, где механическая взаимосвязь образов рвется, — в процессах высшей психики, которые протекают в энергетическом резервуаре непосредственно–

го воздействия инстинкта смерти на физиологию человека, то есть на непосредственный импульс воли. Воля, собственно, в ее подлинном понимании, и есть это «расплескивание» высшего психического потенциала психики до разумной действительности, которая топологически натянута на ту или картину эстетической реальности. Важно также отметить, что симптомы психической болезни Ницше в тот момент, когда он потерял человеческий рассудок, напоминают признаки клинической ликантропии, то есть самосознание хищника (волка–оборотня – в известной исторической традиции народов), где разрушительная психическая энергия бессознательного выявляет сакральное существо бытия как взаимосвязь с онтологическими феноменами времени. А если учесть, что первые признаки высшей культуры у др. египтян строились исключительно на этой мифологии ликантропии сознания, где человеческое начало души присутствует полностью раздробленным между не–человеческим и сверхчеловеческим, то тогда мы сможем понять подлинное основание происхождения бытия. Психологически, можно полагать, что начала высших ценностей протекают в становлении метафизического импульса воли в качестве отображения онтологической сущности исторического времени, когда образы этих ценностей имеют исключительно эстетическую структуру бытия.

Фактически, Ницше противопоставляет социальное и расовое, то есть в моральном смысле – матриархальное и патриархальное в глубинах человеческой души. Заметим, что он именно противопоставляет эти два начала в метафизическом понимании, а не связывает их, как это сделал национал–социализм, поскольку дух нации не может быть вожделением животного начала воли. По поводу ритуальных шествий фашистов очень пронцательно высказался Черчилль, заметив, что эта энергия воли слишком театральна, чтобы обладать моральным правом для господства над

миром, но достаточно эффектно, чтобы демонстрировать элементарное мужество духа в эпоху расовой катастрофы. И, здесь, как мы полагаем, в сознании Черчилля действовала бессознательная интуитивная оценка английского аристократа, то есть дух наиболее мужественной из всех западноевропейских аристократий в европейской истории.

Более древняя традиция высшей культуры, запечатленная в скульптуре др. египтян в образах многочисленных сфинксов, демонстрирует нам ликантропию сознания как необходимое условие активности высшей психической деятельности человека для отображения эстетических феноменов сознания времени. В этом смысле, можно полагать, что база высших ценностей в др. восточных цивилизациях реализовалась в египетском духе как максимальная разорванность человеческого духа, с одной стороны, в созерцании сакрального начала онтологических феноменов времени, а с другой, в качестве невыносимой муки отторжения спасительного тепла массовых инстинктов. Так, религиозное сознание — для народа, экономическое и технологическое сознание — для поверхностного интеллекта, не могут относиться к сфере великого искусства, которое демонстрирует реальность существования высшей расы в мировой истории. Для народа у др. египтян существовала религия Осириса, в котором идея спасения человеческой души стала отчетливым фрактальным прообразом и позднейшей религии Аполлона, и религии Христа, и религии Магомеда. Ведь мировая история — это не набор исторических фактов, которыми поверхностный интеллект, ссылающийся на «науку», жонглирует как фокусник, а бескомпромиссное усилие разума быть, быть даже тогда, когда все многообразие социального слабоумия окружающей его реальности полностью отрицает усилие высшей психики в проявлении

метафизического импульса воли. В этом смысле, история высших человеческих рас протекает ни в религиозном мирозерцании и ни в технологических достижениях мировой цивилизации, а в проекте становления, развития и постепенного исчезновения признаков существования расы homo sapiens. Момент исчезновения реальности существования расы homo sapiens, который характеризуется практически полным исчезновением средств коммуникации разумных людей, характеризуется резким возрастанием активности человеческих масс, то есть активности quasi homo. В результате, основы патриархального существования человека постепенно сменяются матриархальными социальными механизмами цивилизации, где слабость духа становится залогом успеха и благополучия человека. Понятно, что эти процессы часто растягиваются на столетия, протекая почти незаметно для подавляющего большинства людей, поскольку этому подавляющему большинству людей оказывается недоступной активность разума в душе. В процессе расовой катастрофы нравы кочевников упорядочиваются на основе какой-нибудь идеи спасения человека.

Каким же образом происходит восстановление патриархального духа мировой истории, когда в этом смешении варваров и вырожденцев цивилизации проблески разума почти гаснут? По-видимому, в этот момент начинают «зажигаться» новыми эстетическими гранями фракталы бытия, которые выявляют нигилизм силы как противопоставление метафизического импульса воли очевидному коллапсу полноценного человеческого существования. Все начинается с «начала», однако это «начало» имеет совершенно иную эстетическую структуры бытия, чем та, которая доминировала в прошлой модели мировой цивилизации, поскольку сам бессознательный расовый архетип homo sapiens кардинально меняется. Метафизический импульс воли – это максимальная концентрация духовной энергии челове-

ской психики в разорванности ликантропии сознания, которое выражает высшее просветление расовой памяти в момент бессознательного действия воли как исторической судьбы человека. Так, забвение бытия — это базовое основание матриархальной культуры, которое особенно активно проявляется в современной социально-демократической модели мировой цивилизации, где разум как действительность существования человека практически полностью исключен. Ведь только забвение разума дает возможность функционировать поверхностному интеллекту, в котором абстракция монотонного течения мысли формируют ту социальную базу массовой цивилизации, на которой держится охлократическая власть государства в период расовой катастрофы. Однако чем более энергично действуют массовые социальные структуры в усилиях по забвению разума в человеческой душе, тем более ожесточенной становятся основания действия метафизического импульса воли в отображении исторической основы разумного существования патриархального духа. Другими словами, восстановление суровой аскезы действия патриархального духа мировой цивилизации проистекает из вечного возвращения власти расовой памяти человека над его бессознательным существом, которое неминуемо разрывает сон разума, обволакивающий его волю со стороны многочисленных социальных влечений. Причем, в самой вечности закона возвращения расовой памяти есть что-то крайне разрушительное для непосредственного существа человеческой души, поскольку топологически «растягивает» существо человека на не-дочеловеческое и сверхчеловеческое. Первое в своем варварском натиске воли сминая слабоумие социальных представлений, а второе — устанавливает эстетическую структуру бытия в качестве границы с иррациональной активностью бессознательных влечений. Таким образом, фрактал разума является реальностью наличия или отсут-

ствия рациональной среды определенной коммуникации, которая никогда не бывает социальной. Вообще, представление о социальной основе государства является одним из наиболее глубоких предрассудков классической западноевропейской философии, который необходимо преодолеть в современном понимании объективности разумной исторической действительности государственного устройства новейшего времени. Но «винить» великих европейских философов за этот предрассудок также неразумно, как «винить» Платона в определении человека как «петуха без перьев». Каждое историческое время как поле онтологических фракталов бытия ставит как вопросы патриархального духа, так и вопросы матриархального сознания, часть из которых становится классическим основанием развития истории философии, а часть погружается в историческое забвение.

Каждая психология высшей расы оставляет свой специфический «след» в мировой истории как неповторимая нравственная основа для строительства будущей рациональной модели мировой цивилизации. Если в истории Др. Египта этим следом были великие пирамиды, в Др. Греции – классическая скульптура, то в истории западноевропейской цивилизации – это ритм классической музыки, к которому неминуемо бедует возвращаться психологическое основание разумных основ человеческой души в ее новой модели. Как происходит становление эстетической структуры бытия в качестве «роста» фрактала метафизического импульса воли, можно наблюдать по определенным этапам возникновения др.греческой скульптуры, где на первом ее этапе она почти полностью воспроизводит египетскую технику, от столетия к столетию постепенно приобретая самостоятельный особый стиль неповторимости др. греческой пластической формы.

Таким образом, онтология фрактала бытия тождественна онтологии сознания времени, в которой действительность исторического события сконструирована тензорами высшей психики человека. Однако особенность высшей психики человека состоит в том, что в ней варварское существо души всегда «переплетается» со сверхчеловеческим существом, поскольку в этом состоянии психики метафизический импульс воли является определенным «проводником», группой тензоров взаимосвязи между высшей психикой и сознанием. Вообще, когда мы размышляем над фундаментальным различием между бессознательными влечениями человека и его метафизическим импульсом воли, то осознаем, что различие это настолько глобально, насколько, скажем, оно глобально в различии между существом материи и духа. И если бессознательные влечения человеческой психики в любом случае протекают в ней в качестве отображения некоего относительно монотонного ритма, то метафизический импульс воли, наоборот, строится на экстремумах высшей психики, в которых активность влечений минимальна. Причину этой минимальной активности бессознательных влечений при условии действия метафизического импульса воли в историческом событии мы находим в «повороте» тензоров взаимосвязи бессознательного и сознания от чувственно – непосредственного, то есть того, что полностью фиксируют влечения, – к эстетическому, в котором уже отсутствует эта непосредственность, а значит, необходимо действует воля. Другими словами, эстетическое сознание проистекает не из непосредственности чувственных влечений, а из отображения онтологического феномена времени, то есть фиксации в неподвижности бессознательного инстинкта смерти определенной структуры бытия как изначальной. По – видимому, эта изначальная эстетическая структура и является основой формирования бессознательного расового архетипа человека,

который в свою очередь становится определенным полем производства постоянно возвращающейся расовой памяти.

Известно, что именно Гегель разрушил представления о Плотине в истории философии как философе–мистике, «иррационалисте», который чужд рациональному познанию. Наоборот, он утверждал, что Плотин обладает полноценным рациональным мышлением в себе и для себя, то есть является представителем классической философии, правда, в состоянии ее упадка, вызванного определенными историческими процессами расовой катастрофы. Мы также должны научиться понимать Ницше как родоначальника новейшего начала рациональной школы мысли, в учении которого эстетический феномен является единственным средством нравственного оправдания человека в онтологической структуре бытия, где мировой дух присутствует своим откровением исторического события.

Вообще, для понимания духа современного исторического времени и, как следствие, понимания исторических событий мы должны постоянно возвращаться к философии Гегеля и Ницше, поскольку это два наиболее значительных направления метафизической рефлексии философской мысли как базовых оснований современного рационализма. Неразумные же попытки различных постпозитивистских и постмодернистских направлений поверхностного рассудка подменять подлинный дух исторического времени, в котором только и существует объективный разум, – разного рода абстрактными логическими конструкциями, является той активностью матриархального начала человеческой души, которая лишена разума. К чему приводит фальсификация исторического разума, мы могли непосредственно пережить в безумной идеологической атмосфере советского режима власти, в котором «великий поход» вар-

варских агрессивных масс закончился тем, чем он и должен был неминуемо закончиться в любой человеческой орде, – сворачиванием всех псевдо государственных образований, которые были грубо «натянуты» на неразумные инстинкты варваров. Фактически, мировая секта коммунизма, аналогом которой мы видим секту манихеев в 5–7 веках, распространилась почти на весь мир в тех его исторических местах, где патриархальная психология человека была либо максимально ослаблена, либо вообще существовала в самом зачаточном состоянии. При этом мы видим, что русская философия конца XIX начала XX энергично способствовала разрушению патриархальной основы народной веры, занимаясь рефлексией религиозных вопросов, которые не могут быть предметом рассмотрения разума. Именно из этой рефлексии религиозной философии и вырос тот нигилизм слабости, который является особенностью русского нигилизма как базового аморального основания всего многообразия неразумных социально–политических структур, существующих в России с XX века. В этом смысле, атеизм коммунистической идеологии просто отбросил последние скудные остатки патриархального поля культуры, в котором беспомощно «барахталась» русская религиозная философия, подменив их агрессивной матриархальной верой в спасительную историческую роль мирового пролетариата.

Когда мы обзираем псевдофилософское поле современной мысли России, то находим либо этих неразумных сектантов марксистов, злорадствующих по поводу того, что российская государственность оказалась разгромленной вследствие угасания племенного духа варварской орды, либо слабоумных болтунов, рефлексирующих по поводу своего безвольного присутствия в социальных структурах, где разум необходимо отсутствует. Однако реальная власть по факту остается у этих полубезумных сектантов, поскольку, хотя племенной дух варваров и закончил свой

«великий поход», он не собирается признавать существование исторического разума. Ведь воровская психология, ставшая единственной психологической основой социальных нравов в современной России, демонстрирует тип государственности подобный Зимбабве или Анголе, то есть странам, в которых, как и в России, эта государственность формируется из раздробленной активности племенных инстинктов под воздействием научно-технического прогресса. Кроме того, нравы этой воровской малины возникли не в новейшей истории государства Российского с 91 года, а в последнее десятилетие советской власти, где и происходило первоначальное распределение собственности трофеев «великого похода».

Глава 3

Когда мы размышляем над существом национальной идеи, то менее всего предполагаем какую-то религиозную или научно-технологическую основу ее существования. Здесь важно понять, что вклад нации в мировую историю должен происходить только на основе ее вклада в высшие ценности, а высшие ценности не предполагают идеи спасения человечества. Можно однозначно утверждать, что подлинной основой национальной идеи является ее вклад в утверждение разумных основ человеческой жизни. Причем, процесс этого утверждения часто пересекается и с религией, и с наукой, но никогда не бывает ни религией, ни наукой. В основном, вопросом понимания высших ценностей занимается философия, а возможность появления подлинной философии обусловлена наличием аристократизма духа в определенной исторической реальности.

Невозможность нашей опоры на предшествующий опыт философской мысли в российской культуре обусловлен

тем, что ни в русской, ни, тем более, в советской философии не существует необходимого условия философского присутствия знания, – полноценности человеческой души, которая обращается к философской мысли не в силу своей убогости, а в силу переизбытка жизненной мощи метафизического импульса воли. Так, русская философия, пытающаяся утвердиться на «чужой» территории, в религиозном мирозерцании, очевидно, не относится ни к народной вере, ни к национальной мысли. Советская псевдофилософия, обслуживавшая мировую секту коммунистической идеологии, не может полагаться таковой ни в каком своем проявлении, поскольку матриархальная психология человека является неразумной в самом своем основании. Наше понимание рациональной философии состоит в том, что в этой мысли предлагается какая-то новая рациональная модель исторического развития мировой цивилизации. Только в этом смысле, Декарт является французским философом, Платон – греческим, а Гегель – немецким. Так, решая реальные исторические проблемы разума своего времени, нация становится исторической реальностью, а не выдумкой скачущих интеллектуалов, заседающих в дамских будуарах своего времени, как это имело место в русской псевдофилософии серебряного начала XX века. С этими дамскими будуарами, как показали Темные Века российской истории, варвары особенно не церемонятся, выкидывая фантазеров туда, где им мечтается спокойнее, в домашнюю социальную атмосферу Западной Европы. Ведь варвары – это живая стихия неразумной природы, которая заполняет пустоту, возникающую вследствие исторического исчерпания патриархальной культуры своей агрессивной, но бессмысленной по отношению к историческому разуму активностью. Это буйство поразительной активности варварских масс людей обусловлено освобождением их неразумного животного существа души от непосредственного вожде-

ния, которое они воспринимают как «свободу» и «счастье». И тогда это животное вожделение, которое варвары в силу отсутствия разума понимают как «волю», крушит остатки скудных островков патриархальной культуры, чтобы везде и во всем установить свою матриархальную веру. И всем понятно: люмпены – они и есть люмпены, какой бы психологией они не прикрывались: коммунистической или либерально-демократической, и каким бы капиталами они не обладали, поскольку им отведено строгое место суровым судом мировой истории: не обладать ни правом на будущее, ни правом на прошлое.

То, что стало слишком очевидным для всех в наше время для тех, кто обладает хотя бы минимальными проблесками разума, – это то, что современная социальная модель российской государственности ни имеет под собой никакого исторического основания. Мы находим эту причину в том, что современная социальная модель России возникла не в тысячелетней российской истории, а в диких нравах большевистской орды, то есть в той психологии воровской малины, которая двигала животными вожделениями анклавов нации и которая глумилась и куражилась в России первые 10 лет после нашествия. Представления об этих исторических событиях как о «гражданской войне» возникли в сознании поверхностных интеллектуалов, которые никогда не обладали присутствием национального самосознания. То, что Сталин «заморозил» эту дикую варварскую силу до необходимой активности для устройства варварского государства, никак не решало проблему чуждости этих диких масс каким-то морально-патриархальным нормам жизни. Ведь нравственная дикость есть отсутствие какого-то проблеска разума в человеческой душе, вследствие чего в человеческой психике неизбежно начинается глубокая ее деградация. Однако животное начало души, с которого сброшены все требования

нравственного долга кроме одного – агрессивной веры в пролетарскую революцию, ни на что не способно кроме тупого однообразного образа жизни. Мы полагаем, что это варварское государство так бы долго не просуществовало, если бы не исторические события второй мировой войны, в которых варварские социальные институты были вынуждены минимально «перестроиться» в возврате к неким традиционно патриархальным ценностям русской истории. Собственно, и недавние события «перестройки» также были вызваны потребностью всех народов, а не только русских, к возвращению хотя бы минимально патриархальных норм жизни. То, что активность новой «перестройки» также закончилась варварским разрушением всех зачатков патриархальных норм жизни, которые фронтовики создали после второй мировой войны, и разграблением государственной собственности, было вызвано опять-таки всей той же исторической причиной: невозможностью племенных инстинктов варваров подчиняться абстрактным представлениям о каком-либо праве. С другой стороны, бессмысленная попытка полагать «естественное» западноевропейское право началом правовых норм в российской цивилизации, всегда приводило к «естественному» праву воровской природы ставить свои интересы над интересами государственными. Чтобы понять эти процессы, мы должны спроецировать их даже не на Азию, а на Африку, в которых национально-освободительные движения топологически «натянули» достижения научно-технического прогресса на непосредственность племенных инстинктов.

Когда речь идет о национальной мысли, то никогда ее содержание не является проявлением национализма, поскольку рационализм и национализм несовместимы. Одна-

ко это никак не предполагает, что национальная мысль есть нечто аморфное по отношению к судьбе морального состояния человека, ибо именно моральное самосознание человека и отображает реальную волю нации. Наоборот, национальное самосознание необходимо и неизбежно восстанавливает утраченные позиции морального пространства патриархальной культуры, но, в отличие от традиционной морали народа, в соответствии с радикально изменившейся исторической ситуацией.

Главным вопросом современной национальной русской культуры, как, впрочем, и всей российской цивилизации, в целом, является вопрос о перспективах ее будущего существования: сохранится она или исчезнет? Этот вопрос необходимо решать не в плоскости экономической или научно-технологической, а в области моральной, то есть в способности национального духа осознавать себя в мировой истории не из поверхностных схем мышления, а из сурового духа происходящих мировых исторических событий. Ведь историческое событие свершается не потому, что так «думают» и так предполагают люди, а потому что в самой истории в ее онтологическом существе присутствует сакральное начало бытия, определяющее ее ход развития. Взгляд на мировую историю как на историю человеческих масс, который восторжествовал в массовой цивилизации в качестве утраты ею каких-то рациональных коммуникаций, демонстрируют нам победу психологии торговцев (по Платону), которая полностью игнорирует влияние разума на исторические процессы.

Основой национальной русской идеи мы полагаем историческую подготовку для становления морального договора, который бы удовлетворял все национальные элиты мира. Заметим, что речь идет именно о национальных элитах, а не о симуляции таковых, которые мы наблюдаем в массовой цивилизации. Фактически, мировая цивилизация

оказалась в ситуации Темных Веков, правда, для одних народов и государств уже наступивших, а других только касающихся зловещей тенью неизвестности исторического будущего. При этом необходимо правильно понимать подобие фракталов мировой истории, когда, например, библейский ветхий завет оказывается основанием для морального договора христианских народов, а «ветхий завет» европейского рационализма – основанием для морального договора всех народов мира. Собственно, объединение на основании мифологии европейского рационализма Нового Времени уже произошло, если учесть постоянно растущие многочисленные коммуникации массовой цивилизации в сфере научно–технического прогресса. Однако эти коммуникации неразумны, поскольку построены не на высшем психическом начале человеческой души, а на непосредственности животных влечений, которые мировые процессы производства используют как свое «топливо», а также на том, что их обслуживает, на поверхностном интеллекте.

Процесс расовой катастрофы, происходящий в метафизическом пространстве мирового духа в последнее столетие мировой истории, характеризовался разрушением патриархального пространства культуры, то есть пространства, где необходима активность высших психических ресурсов. Низшие психические ресурсы, определяемые влечениями, в отличие от высших, обусловленных присутствием метафизического импульса воли, неспособны существовать в мировой истории, поскольку являются частью неразумного существа человеческой природы. Однако именно низшие психические ресурсы всегда были опорой восстания рабов в морали, которые опирались на те или иные прогрессивные идеи: на веру во Христа – в поздней Римской империи или на научно–технический прогресс – в последние века западноевропейской цивилизации. Фактически, мораль рабов является основанием матриархальной культуры, в ко-

торой происходит процесс забывания расовой памяти патриархального присутствия метафизического импульса воли в событиях мировой истории. Процесс этот глобально–метафизический, то есть он протекают в судьбе всех мировых народов, сопровождаясь катастрофическими потрясениями: нашествием разного рода орд, разрушением государств и возвращением психической жизни человека к первобытной непосредственности души с полной ее ориентацией на животный инстинкт самосохранения.

Размышляя над метафизической необходимостью процесса забывания расовой памяти, которое глобально происходит в процессе мировой расовой катастрофы, мы приходим к выводу, что оно вызвано необходимостью стереть все негативные воспоминания, которые удерживаются в человеческой памяти как момент жертвы человеком части своей души некой высшей сакральной силе. А поскольку основанием исторического разума является способность расовой памяти постоянно возвращать это воспоминание, то следствием забывания расовой памяти является забытие разума, и, как следствие, погружение его в толщу бессознательных влечений, где он постепенно растворяется как нечто случайное и незначительное. Подобного рода забытие разума, которое, однако, демонстрирует его самое минимальное пассивное присутствие, мы наблюдаем в философии Юма и Гоббса, а также в психоанализе Фрейда. Нельзя сказать, что в этих аналитических размышлениях разума нет вообще, но нельзя также не понимать, что содержание его в них практически стремится к нулю, поскольку исключает действие метафизического импульса воли в историческом событии. С другой стороны, понятно, что этот ничтожный минимум разума всегда был основанием как социальной культуры любого народа в любой исторической эпохе, так и основанием развития любой технологической мысли. Более того, этот минимум характеризует также и религиоз-

ное мирозерцание. Таким образом, с точки зрения рациональной объективности процессов мировой истории, фрактал теологии и фрактал техники являются тождественными, поскольку происходят из этого наименьшего возможного присутствия разума в человеческой душе.

Дальнейшая наша мысль является основополагающей для понимания объективной сущности исторического разума новейшего времени. Мы утверждаем, что, как история библейского еврейского монотеизма была «ветхим заветом» для морального договора христианской веры, так и история западноевропейской мифологии рационализма, основанная на вере в научно-технический прогресс, является «ветхим заветом» для новейшего исторического понимания разума. Именно поэтому главной задачей объективного разума новейшего времени является избавиться от авторитета науки, но не противопоставлять себя ее развитию. Такой подход обусловлен тем, что современная эмпирическая наука обречена неразумно «крутиться» в русле старых идей в силу отсутствия иного, как экспериментального, понимания существа научного разума. Собственно, субъективный рационализм новейшего времени в известной формуле Ницше «бог умер» начинается именно с отрицания ценности научного знания, в котором эмпиризм является доминирующей основой, поскольку, психологически, эмпирическое сознание отображает бессознательную монотонность влечений человеческой души в качестве неразрывной взаимосвязи непосредственного чувственного восприятия и сознания. В воле же, наоборот, эмпирическое сознание сминается расовой памятью, ибо метафизическая действительность оставляет для эмпирической достоверности только область наивного мира, детской непосредственности души, которая ограничена «слепотой» поверхност-

ного рассудка. В результате, между нравственным миром человека, дух которого определен непосредственностью влечений, и миром человека, чей дух вовлечен в метафизический импульс воли, существует глубокая психологическая пропасть, которая, собственно, сводится к почти полярной системе ценностей: низших и высших. В частности, следствием этой глубокой психологической пропасти является и понимание важнейших категорий бытия, например, «иррационального» и «рационального». Так, если с точки зрения монотонности психических состояний человека, определяемого как социального существа, все многообразие социально-массовых коммуникаций является «разумным», то с точки зрения психических состояний человека, определяемого метафизическим импульсом воли, наоборот, оно неразумно, поскольку требует сохранять детский инфантилизм психики. Фрейд, как известно, исследовал именно этот тип инфантилизма сознания, обусловленный забытием расовой памяти, и, как следствия, резкого возрастания воспоминаний детства. С точки зрения объективного существа исторического разума, бессознательное есть источник всего многообразия памяти, однако только расовое бессознательное способно активизировать взаимосвязь с духом мировой истории, на что, в частности, указывает и известная работа Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия». Но намного раньше по этому поводу высказался Платон в своей известной притче о пещере, утверждавшего, что инфантильное сознание человека созерцает не сами идеи вещей, а только их тени.

Если разум в душе современного человека активен, то с позиции метафизического импульса воли он должен осознавать себя под мощнейшим «прессингом» всего многообразия иррациональных коммуникаций, которые определяют социальную инфраструктуру массовой цивилизации. Можно сказать, что высшая психика человека должна выдерживать

воздействие внешнего «мусора» иррационального многообразия массовых коммуникаций, которые давят на нее с самого детства до конца жизни, не давая возможности сосредоточиться на разумном понимании вещей. Другими словами, человеческая душа пребывает в хаосе иррациональных влечений в объективности экономически-технологических процессов массового мегаполиса, которые поверхностный интеллект выдает за признаки «человеческого разума», то есть направленного действия человеческой «воли» в социальном усилии. Такого рода фальсификация «разума», как мы полагаем, исторически, была вызвана бессознательным наделением феноменов природы, которые непосредственно воспринимает человек, антропоморфно-социальными свойствами человеческой души, в которых явления природы мыслятся в качестве «вечного» воспроизведения механических закономерностей.

Основой тождественности фрактала религии и фрактала научно-технического прогресса является, во-первых, линейное представление о процессах мировой истории, а, во-вторых, социально-ориентированное представление о возникновении мира и человека. С другой стороны, именно представления научно-технического прогресса в наше историческое время стали бессознательной основой для активизации инфантильных состояний психики. По-видимому, существование этих глубинных бессознательных блоков памяти не случайно, являясь основой полноценного функционирования инстинкта самосохранения человека как биологического существа. Именно максимальная активизация инстинкта самосохранения человека, достигающей своей наивысшей активности, и является основой глубинных механизмов памяти социально-родового, а не индивидуально-разумного, начала человеческой психики.

Когда мы рассуждаем о «патриархальном» и «матриархальном» характере нравов культуры, то констатируем очевидный факт современного развития исторического разума, который состоит в том, что после исчезновения его активности в западноевропейской модели мировой цивилизации, вопрос о глобальной стратегии его развития остается открытым. Ведь нельзя же признать рациональной «стратегией» развития мировой цивилизации принципы экономических отношений, которые поддерживаются практически отсутствующей позицией разумного субъекта в либерально-демократической системе власти. В результате, мы видим, что миром правят не разумные люди, а торговцы, «стратегией» которых является не нравственный долг человека, а получение собственной выгоды и накопление капитала любой ценой, что они оправдывают биологическим инстинктом самосохранения человека.

Рассуждая о рациональном характере патриархальной психологии, в отличие от психологии традиционной, мы полагаем, что в патриархальной психологии происходит неизбежная историческая переоценка разума, его ревизия, которая характеризует всю меру полноты разрушительного воздействия духа исторического времени на человеческую психику. Так, можно сказать, что старая фрактальная реальность рационального развития модели мировой цивилизации исчезла и необходимо построение новой модели, которые должны быть топологически связаны. С расовой же точки зрения, речь идет об исчезновении реальности существования определенной психологии *homo sapiens*, которая сопровождается обрушением всех рациональных коммуникаций и возникновением множества иррациональных связей социума, однако по инерции обыденных представлений называемых «разумными». Эти иррациональные коммуникации буквально опутывают бессознательные влечения человека, подчи-

няя их топологической необходимости отчуждения от расовой (исторической) памяти, погружая его в психологические ассоциации социального, то есть инфантильного, сознания.

Проблема ревизии подлинной исторической сущности разума в патриархальной культуре обусловлена неизбежностью развития мировой цивилизации в нравственно рациональном смысле, которая требует определенного мужества воли. А это мужество, в свою очередь, равносильно переживанию всей полноты исторического прошлого, вплоть до его отдаленнейших патриархальных рубежей. Более того, чем более интенсивен метафизический импульс воли, тем глубже, с точки зрения событий мировой истории обнаруживается след расовой памяти, поскольку каждый рубеж нового понимания рациональной мысли — это более полный и более глубокий по отношению к бессознательному отпечатку исторического прошлого рубеж. Другими словами, расовый потенциал бессознательного (как резервуар высшей психики) реализуется в качестве той или иной меры интенсивности метафизического импульса воли.

То, что, безусловно, было противопоставлено в психоанализе Фрейда с точки зрения анализа бессознательных влечений, — это эстетическое восприятие и восприятие этически-моральное, где область приоритета интеллектуальной мысли признавалась за вторым. В результате, мышление, как бы оно не мыслилось в различных психоаналитических теориях, рассматривалось исключительно как продукт социальной культуры. В этом смысле, коллективное бессознательное Юнга было лишь одной из разновидностей массового бессознательного, то есть все тем же аналитическим материалом бессознательным влечений, а не пониманием действия воли. Мы же рассматриваем новый вид бессозна-

тельного, — расовое бессознательное, которое кардинально отличается от массового бессознательного отсутствием монотонности процессов психики, которые доступны человеческому рассудку. Расовое бессознательное формируется тем инстинктом, который выходит за пределы социальных представлений о морали, поскольку в нем действие психического аппарата определено фракталом разорванности человеческой психики между недочеловеческим и сверхчеловеческим. И действительно, нельзя принять, что разумный человек по своей воле «влечется» к смерти как к определенной цели топологического сворачивания своего биологического существа, что противоречило самой идеи полноценной человеческой души. Однако в нашей философии метафизического импульса воли, являющегося основанием всех достижений высших ценностей в истории человечества, человек есть в первую очередь не биологическое, а духовное, существо, которое использует биологический материал для достижений своих рациональных целей. Главной метафизической предпосылкой для понимания действия воли в мировой истории является сознание, что инстинкт смерти никуда не влечет человека, но лишь определяет его присутствие в сакральном существе исторического времени. Сознание здесь конструируется исключительно эстетическими феноменами, поскольку только эстетические феномены способны сохранять рефлексивность мышления в разрушительном по отношению к влечениям доминированию инстинкта смерти. Собственно, именно максимальная сила духа, как то или иное доступное усилие метафизического импульса воли, и есть сила отображения сакрального начала бытия таким, каким оно мыслится в качестве границы между материальным и духовным миром, между животным и сверхчеловеческим, в котором человек есть «канат» над глубиной собственной расовой памяти. Именно поэтому Кант полагал, что чистый разум существует как трансцендентное начало бытия, что

человеческий рассудок не обладает средствами для описания возникновения фракталов исторических процессов, поскольку природа событий мирового духа всегда выходит за пределы человеческого разума.

Наши рассуждения о существовании «патриархальной» и «матриархальной» культуры, а не о разного рода либеральных, консервативных и других интеллектуальных конструкциях поверхностного рассудка, обусловлены характером исторических событий, которые протекают в Темные Века. Эта реальность такова, что здесь научный эмпирический рассудок оперирует не разумными элементами реальности, а мифологическими фантомами, которые рождаются в многообразии обыденных представлений человеческого рассудка. Другими словами, многообразие социальных представлений-фантомов исключает историческое понимание разума как действие разумного духа, связывающего человека, как с многообразием феноменов природы, так и с многообразием мирового духа в онтологическом потоке исторического времени. Темные Века потому и «темны», что разум существует здесь в самых глубинах человеческой души, практически, между иррациональными процессами бессознательного и начальным горизонтом онтологического потока метафизики действия воли. Но все-таки он, безусловно, существует. Когда мы сравниваем это ничтожно малое проявление разума Темных Веков с минимальным существованием разума в основе духа английской эмпирической философии, то должны отдавать себе отчет в историческом «фокусе» его топологического понимания. Так, если историческое время появления английского эмпиризма демонстрирует нам переход расовой памяти средневекового человека в область зачаточной активности разума, первоначально выразившейся в механическом его понимании, то с «высоты» нашего уровня рационального содержания исторического мышления оно является инфантилизмом со-

знания поверхностного рассудка, который потерял элементарную основу метафизики исторической воли. В результате, начальный момент перехода сознания от бессознательного «котла» высшей психики к первым признакам воли в мировой истории, который был обозначен во фрактале техницизма эмпирической философии, отодвинулся в нашем историческом времени к детской наивности мифологии рациональной веры. Это в полной мере демонстрирует современный образ жизни английской нации, где окостеневший механизм доверия традиции остается единственной основой вялого течения безвольного образа жизни человека. Но проявление разума в формировании новейшей рациональной модели цивилизации совсем иное. Оно структурируется из первого опыта мужества патриархального духа, который возникает не из области уже достаточно обжитой в суровости закона средневековой морали нравственного чувства, а из принципиально новой рациональной модели развития мировой цивилизации.

В нашем понимании, движущей силой мировой истории является раса *homo sapiens*, которая является «высшей» в своем нравственном развитии. В этом смысле, мы полагаем, что биологическая классификация человеческих рас является ложной вместе с ложным пониманием сущности человека в современной биологической науке, которая рассматривает человека как продукт биологической эволюции. В метафизических процессах мировой истории расы различаются по структуре тензоров взаимосвязи между бессознательным инстинктом смерти и импульсом воли. Как только «огонь» расовой воли исчезает, расы «гибнут» как система существования рациональных коммуникаций мировой цивилизации, то есть исчерпываются ресурсы высшей психики, на основании которой существует импульс волевого начала человеческой души. Лишенная воли, раса исчезает в мировой истории. Так исчезли древние египтяне, древние

греки, древние римляне и множество других народов, чей расовый потенциал воли исчерпался, а пассивная активность влечений была неспособна сопротивляться внешней агрессии варваров. Однако этот «огонь» полностью не исчезает, поскольку метафизический импульс воли в мировой истории – это метод отображения онтологического существа времени в непосредственный образ жизни человека через расовую память, который может иметь только одну основу – эстетический феномен. Как опыт мирового духа в расовом бессознательном он переходит в сферу исторической активности новых варваров, которые, теряя свои родоплеменные символы веры, постепенно замыкаются в зловещем котле нравов Темных Веков, из которых почти не просачивается свет разума. Таким образом, нравы Темных Веков обусловлены началом производства высшей психической энергии воли, которая должна стать нравственной точкой отсчета новой модели мировой цивилизации.

В топологической концепции мировой истории Шпенглера тысячелетний период формирования новой рациональной модели мировой цивилизации определяется понятием «прараса». В этом понятии указаны две составляющие: родоплеменное и, собственно, расовое начало. Первое, присутствует в качестве пассивного начала матриархальной психологии человека, а второе как стойкое сопротивление новой субстанции мирового духа внешнему влиянию, которая ранее не имела места в опыте мировой истории, то есть в новой патриархальной психологии. С другой стороны, нельзя не заметить интуитивное отрицание Шпенглером попытки фашистской идеологии полагать биологическое неравенство человеческих рас как некую идею развития мировой истории, поскольку скудные сведения об арийской расе отрицают возможность рационального обоснования полагать, что она являлась «высшей». Представление об арийской расе как о «высшей» расе противостоит

его топологической концепции мировой истории, поскольку мифология арийской расы исходит из линейных представлений об процессах истории. Кроме того, исторический факт появления ариев в I–II до Р.Х. свидетельствует, что они, как и др.евреи, были еще примитивными племенами в тот момент, когда в Др. Египте уже существовала развитая цивилизации. Поэтому и др. арии, и др.евреи должны были неминуемо оказаться под влиянием культуры великого стиля др. египетской цивилизации. То, что др. евреи оказались под наибольшим влиянием культуры великого стиля, и определило их судьбу в мировой истории, как в прошлом, так и в настоящем. Аналогичным образом, и русские стали тем замкнутым резервуаром расовой памяти духа античности, который был законсервирован в них через интенсивное влияние византийской религиозной традиции. Это не столь важно, что византийская цивилизация является буферной между двумя отчетливыми промежутками существования великого стиля расы homo sapiens, важно то, что в период распада топологии последнего опыта разумной модели цивилизации, этот резервуар расовой памяти крайне востребован. Ведь и др. евреи сохранили в своей расовой памяти не столько реальность великой нравственной силы патриархального духа др. египетской цивилизации, сколько бессознательно–матриархальное ее влияние.

Известно замечание Фрейда о том, что существуют только два искусственных вида массы: церковь и войско. Остальные социальные функции человека новейшей истории, по–видимому, Фрейд относил к массовому бессознательному, то есть к «ожившей» орде. И именно по отношению к анализу подсознательной основы института церкви и организации войска метод психоанализа оказывается неубедительным, поскольку попытки применения к этим двух объединениям людей понятий «отца небесного» или «отца войска» оказываются за пределами элементарного

разумного понимания существа исторического явления. Массовое бессознательное отличается от расового бессознательного тем, что в массовом бессознательном сознание есть отражение социальных комплексов, которые формируют все многообразие поведенческих функций человека в его влечениях. Расовое же бессознательное, в отличие от массового бессознательного (и его разновидности, коллективного бессознательного) построено на воздействии расовой памяти на мотивацию метафизического импульса воли. В противном случае, инстинкт смерти не может быть преодолен, поскольку все социальные воспоминания ограничены конечностью человеческой жизни, где в силу яркости воспоминаний инфантильные образы детской памяти являются самыми сильными. Момент преодоления бессознательного инстинкта смерти в сознании расовой человеческой памяти и есть начало метафизического импульса воли в историческом событии. Кроме того, расовая память в сознании имеет только один тип мышления – эстетический. Если же эстетическое начало в восприятии отсутствует (как это имеет место, например, в запрете Ветхого библейского завета на изображение единого бога или в практически «нулевом» эстетическом чувстве в техническом прогрессе современной цивилизации), то в человеческой душе постепенно тотально устанавливаются матриархальные инстинкты души.

Вообще, отношение рациональной философии к процессам бессознательной психики человека кардинально отличается от чисто психологического отношения к бессознательным влечениям, которое имеет место в известном распространении методов научного психоанализа в XX веке. Философия всегда ищет разумные начала духовной организации человека, которые являются той или иной метафизикой, тогда как психология, как разновидность социального сознания, ограничена конечностью

представлений в научной сфере интеллектуальной мысли. Ведь фрактал теологии в истории мирового исторического разума топологически тождественен фракталу технического прогресса, если мы рассматриваем их в качестве матриархального основания ценностей массового человека, то есть человека неразумного, или *quasi homo*, как мы его определяем. А потому методы чистой психологии всегда ограничены конечностью человеческих представлений.

Таким образом, научно–технический проект развития мировой цивилизации как мировая господствующая мифология матриархальной психологии последнего столетия есть бессознательный «сон» мысли в современном понимании исторического разума, а потому должен быть преодолен в качестве ценностей мифологии рационализма в новой модели мировой цивилизации. Наиболее отчетливо ее сформулировал Шопенгауэр в эпитафии своего основного философского сочинения: «Выйди, друг, из детства, проснись!» (Ж.Руссо). Фактически, Шопенгауэр призывает начать ревизию классических начал западноевропейской философии именно с кардинального противопоставления метафизического импульса воли – мышлению, в котором оно «спит» инфантильностью представлений социальных предрассудков о реальной сущности исторического происхождения разума.

Мы полагаем, что доказательство ложности представлений о началах высшей исторической культуры в истории арийской расы состоит в отсутствии у нее архитектурных памятников, в которых отображается архитектоника величия разумного духа расы. Аркаим, как, например, Стотенхем в Англии – это полупервобытная архитектура, где нет начала государственности как признака высокой нравственной организации, то есть наличия рациональных коммуникаций.

Понятно, что нельзя назвать первобытной архитектурой ни великие пирамиды в Египте, ни греческую скульптуру. Здесь разумный дух замыкается в неподвижности отображения единства наивысшего метафизического импульса воли с тем, перед чем «смирятся» наиболее разрушительно-агрессивные начала души, проникая в сакральную полноту бытия, в онтологический поток времени. С другой стороны, и в греческой, и в египетской культуре ликантропия сознания отображается в качестве непосредственного отпечатка присутствия духа высшей расы как разорванности человеческого существа в душе образа хищника, на что указывает древнейший архитектурный образ египетского Сфинкса, в первую очередь.

Когда мы рассуждаем о реальности существования расового существа человека, то полагаем, что разумная действительность является ее отображением в качестве непосредственного участия метафизической воли человека в историческом событии. В противном случае, то есть в случае отсутствия волевого импульса, влечения создают ту или иную мифологическую реальность поверхностного интеллекта, где социальная активность имитирует историю за пределами ее действительного основания, то есть присутствия разума. Ведь воля — это то, что зарождается в глубинах бессознательной расовой памяти человека, а не во внешних механизмах социума. Собственно, зарождение метафизического импульса воли в глубинах расовой памяти нельзя свести к какой-то отчетливости конечных представлений рассудка, а потому и исторический разум нельзя рассматривать исключительно как нечто «человеческое». Исключительно «человеческим», то есть продуктом социальной культуры, он становится тогда, когда исчезает присутствие метафизического импульса воли в сакральном существе исторического события, однако в этот момент разум исчезает, становясь тем бесконечно малым, что ха-

рактирует полное отсутствие риска существования бытия в следующий момент времени. Отсюда возникает и выбор предмета исследований псевдофилософии: например, структуры языка, а также попытка ликвидации метафизических вопросов мышления. В результате, то, что должно быть авангардным развитием мировой цивилизации – философская мысль, становится ее арьергардом, какой-то мистической сектой людей, у которых проблемы с рациональным мышлением еще больше, чем у обычной домохозяйки. Домохозяйка, по крайней мере, не путает физический объект своего интереса – кастрюлю, с субъективными действиями своих привычных действий на кухне. Но такова вообще историческая сущность подлинной философии: либо быть авангардным развитием мировой цивилизации, либо не быть вообще, выпадая в «осадак» пустой болтовни, за которой ничего не стоит, кроме тщетных попыток мыслить.

Раздел II

**Метафизика
динамики
волеизлияния**

Достижения философской и исторической мысли по данному вопросу

В истории философии часто случалось так, что философия куда-то «исчезала». Это «исчезновение», как мы полагаем, всегда было обусловлено тем, что ритм времени процессов мировой истории «замедлялся», то есть цивилизация впадала в состояние нравственного «болота» мысли, в котором ничего не происходило с точки зрения объективного разума. В это время происходил «естественный» процесс фальсификации разума, то есть стремление бессознательного инстинкта самосохранения человека исключить разум из непосредственного образа жизни, то есть «защититься» от исторической памяти высших ценностей в их воздействии на непосредственную жизнь человека. Однако онтологический поток времени неминуемо восстанавливал свои позиции тогда, когда нравственная деградация человека превышала все мыслимые нормы, поскольку для человека инстинктивно «естественно» быть разумным существом, а не животным. Таково наше историческое время, когда разум пребывает в забвении, а воля в мировой цивилизации полностью отсутствует как наличие рациональной психологии человека.

Поскольку наше историческое время, как мы его чувствуем и понимаем, предполагает появление новых всемирно-исторических сил, которые должны заложить новую раци-

ональную модель развития мировой цивилизации, то требуется восстановление позиций рациональной психологии человека в среде, где она практически отсутствует. Можно сказать, что необходимо «разгрести» этот исторический «мусор», которым оказалась «заваленной» рациональная психология человека в массовой цивилизации, чтобы увидеть определенную стратегию развития разума в оценке реальности процессов развития мировой истории. Однако расчистка этого «завала», то есть «очистка» существа разума от многообразной «кучи» бессмысленных обыденных представлений, которым живет массовый социум, не может происходить без возврата к достижениям предшествующей философской мысли. Именно эту задачу и решает данный раздел.

Понятно, что «хлам» мысли, возникший вследствие исчезновения метафизического импульса действия воли в мировой истории, в котором отсутствует разумное начало жизни и к которому относится многочисленная болтовня постмодернизма, полностью подорвала уважение к предмету мысли самой философии. При этом из слабоумного «хлама» мысли звучат утверждения, что «философия исчезла», то есть от имени философии стали выступать те, кто не имеет разума от природы, однако пытается судить о существовании философии. Такова реальность Темных Веков мировой истории, в которой человеческое слабоумие является нормой, а забвение разума — фактом отсутствия рациональных коммуникаций в цивилизации. В такой исторической ситуации слабоумие человеческого рассудка ставит псевдофилософию на «службу» массовому распространению иррациональных представлений низших ценностей, которые как «проказа» поражает те области, которые всегда исторически являлись авангардным исторического разума: искусство и науку. В такой исторической ситуации наш нравственный долг состоит в том, чтобы возвратиться к по-

следним достижениям философской и исторической мысли, чтобы восстановить историю философии как основание понимания стратегического авангарда развития мировой цивилизации, поскольку для нас, очевидно, что именно философская мысль является наиболее концентрированной сферой действия этого авангарда. Понятно, что наша мысль не имеет никакого отношения к опыту псевдофилософии, утвердившийся во второй половине XX века вследствие процессов расовой катастрофы, то есть к области слабоумия человеческой мысли, лишенной разумного основания.

При возврате к началам подлинной рациональной философии мы полагаем наивысшей ценностью то, что в современной псевдофилософии оценивается как «иррационализм» и «эклектика», то есть к философскому наследию Ницше. Понятно, что иную позицию не может занимать человеческое слабоумие по отношению к авангарду последнего рубежа рационального познания, поскольку, в противном случае, это слабоумие само будет оценено как «иррационализм» и «эклектика». Кроме того, наша рациональная концепция понимания процессов мировой истории проистекает из исторической концепции Шпенглера, в которой главной движущей силой мировой истории является расовое стремление разума к высшим ценностям, которая также в псевдо-исторической мысли оценивается как «иррационализм».

Глава 4

Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому»
Мандельброт

Задачей современной объективно-рациональной философской мысли является ее восстановление из ничего, каковым является современное положение философской исторической мысли почти целый век, когда после философии

Ницше она была прервана. Ведь подлинная философская мысль существует, как способность разумного духа проникать в самые отдаленные горизонты событий мировой истории, оставляя человеческое существо, которое крайне инертно и консервативно, позади, чтобы впоследствии, опираясь на нравственный опыт рационального авангарда мысли, подтянуть это существо к патриархальным рубежам культуры.

В аспекте переосмысления мирового исторического философского опыта, в первую очередь, конечно др. греческой философии, следует осознавать, что ее содержание нельзя рассматривать как «неисторическое» на том основании, что в ней человеческая личность имеет бесконечно малое значение по отношению к тому положению, которое оно имело в средневековой схоластической школе мысли и в западноевропейской школе философского мышления нового времени. У истоков такого понимания следует видеть последовательные размышления о существе воли в контексте платоновской идеи у Шопенгауэра, но еще более – в воле к власти у Ницше. В основе подлинного понимания философии Платона существует особое течение исторического времени, на которое указывал еще Плотин, которое состоит в том, что сакральное существо времени отсчитывает не время существования человека, а того, что пребывает в неподвижности отдельных элементов сущего как метафизика фрактальной целостности бытия. В нашем понимании, речь идет об онтологии времени, то есть особых свойствах расовой памяти человека – созерцать себя в сознании неуничтожимой сущности духа. По-видимому, в существе этой сакральной сущности времени антропологическое начало духовной традиции минимально, как было оно минимально в др. египетской духовной традиции и др. греческой традиции. Причины минимальности этой антропологической основы ценностей древних цивилизаций состоят в том, что

от начала до конца они построены на максимальном подавлении матриархальных инстинктов человека, которые существуют за пределами мужества духа.

Российская государственность, хотя и понесла, по-видимому, наибольшие потери в основах патриархальной культуры вследствие нашествия большевистской орды и деятельности ее морального наследника, партии КПСС, тем не менее, оказалась в авангарде возможного строительства новой модели цивилизации. Этот исторический факт, из которого мы должны исходить в понимании неизбежности становления новой рациональной модели мировой цивилизации на территории бывшего соц. лагеря. Фактически метафизический фрактал научно-технического прогресса был почти столетие на территории бывшей Российской империи новой «религией», а по существу, одним из анклавов мировой секты коммунизма как вероучения. «Огонь» матриархальной веры, каковой является коммунизм с точки зрения патриархальной основы человеческого разума, стер в ней все традиционные основы патриархального духа религий, связывавших российскую культуру с историческим прошлым. Таким образом, традиционное основание человеческой души оказалось здесь «стертым», за исключением сознания расовой памяти бессознательного, поскольку эта сфера человеческой психики, которая определена ее высшими психическими импульсами, а потому неподвластна разного рода социальным потрясениям.

Когда мы размышляем над рациональной моделью российской цивилизации, то понимаем, что современный массовый социум возник в ней не из тысячелетней истории российского государства, а из диких нравов большевистской орды, поэтому новейшая история государства приблизительно равна истории африканских государств.

Нравственная дикость и варварство, активизировавшееся здесь вследствие разрушения традиционно патриархальных норм жизни, постепенно структурировались в массовый социум из хаоса дикости, характеризующее состояние человека, потерявшего взаимосвязь с разумными началами жизни. Поэтому попытки механически возвратиться к традиционно-нравственным нормам жизни из тотальной власти массовых институтов социума являются полностью бессмысленными с точки зрения исторического разума. Эти попытки являются неразумными в силу того, что основы массового социума, ставшего основой варварского государства в России, начиная с 17-го года, исключают какую-либо нравственную взаимосвязь с патриархальным опытом мировой истории. Ведь коррупция, преступность, моральное разложение, существующие в современной России, есть результат разрушения патриархального слоя жизни, продолжавшегося от начала нашествия большевистской орды – до распада СССР, а также появления новой орды, «перестроечной».

Основная проблема возрождения российской государственности, а стратегически – становление самостоятельной российской цивилизации, состоит в том, что массовый социум является неразумной коммуникативной системой, возникшей в качестве доминирования интересов западноевропейской цивилизации над остальными странами и народами. В основе массовой психологии социума лежит состояние забвения нравственной взаимосвязи с историческим разумом, то есть осознание человеком себя животным, а не разумным существом. Так, в основе психологических коммуникаций массовой цивилизации существует фрактальная историческая тождественность тоталитаризма власти христианской церкви над человеческой душой в позднее Средневековье Западной Европы, которая характеризуется отрицанием обратно симметричного типа: ис-

ключать всеми возможными средствами сознание того, что человек есть первоначально дух, а уже затем — материя. Заметим, что первым рационалистом новейшего исторического времени, потребовавшим решительного разрыва с мифологией рационализма, был Ницше, который предлагал возвратиться к трагическому миросозерцанию ранней др. греческой исторической эпохи. Мы же добавим, что он требовал возвратиться к тому духу времени, в котором отсчет ведется не от «очеловеченного» времени иудео-христианской традиции сакрального переживания человеческой личности, а от нравственного опыта др. греческой культуры как нравственного оправдания человека в героическом мифе. С точки зрения топологии исторического разума, неожиданного здесь ничего нет, когда, например, библейская ветхозаветная вера в конце исторического времени античности пресекла нравственное разложение римской цивилизации. Ведь требование возврата к классическим образам античности было заявлено еще в начале Возрождения. Другое дело, что римский романтизм — это в психологическом смысле нечто совсем иное, чем дух аттической трагедии. В нравственном смысле, многообразие мифологии поздней Римской империи смыкается с требованиями ветхозаветной веры, тогда как дух древней аттической трагедии стоит на полярно противоположной нравственной основе начала души, в котором время имеет циклическую, а не линейную природу.

Если учесть, что историческим предназначением тысячелетней русской истории прарасы является сохранение в законсервированном виде расового опыта античной цивилизации (как аналогичным образом для евреев — консервация расового опыта др. восточных цивилизаций), то тогда конфликт русского национального самосознания с ценностями современной западноевропейской массовой цивилизации становится понятным. Его суть — возвращение мо-

рального опыта древней античности в непреклонности его расового существа как нравственное оправдание человека в героическом мифе. А этот моральный опыт состоит в том, что он исключает социальное сознание. Понять это, конечно, трудно после двух с лишним тысячелетней истории западно-европейской цивилизации, однако именно это требование выражает центральная идея Ницше — идея вечного возвращения, в котором он утверждает, что в каждом человеке его расовое бессознательное возвращается к последнему нравственному опыту достижения высших ценностей мировой истории. Подчеркнем, что это характеризует каждого человека: и европейца, и азиата, и африканца, поскольку факт научно-технического прогресса разрушил все патриархальные нормы жизни через неразумные коммуникации массового мегаполиса. Здесь следует заметить, что ислам сохранил свою преемственность традиции только за счет упорного противопоставления себя историческому разуму, при этом обладая определенными геополитическими ресурсами (современным оружием и современными научными технологиями) только за счет неизбежного проникновения в свое нравственное пространство ценностей мировой веры в научно-технический прогресс.

В вопросе понимания начал современной исторической рациональной мысли мы должны полагать, что таковые отсутствуют в известных нам современных псевдофилософских учениях. Вообще, мы не находим каких-то попыток продолжать развивать концепцию Шпенглера о блоках высших культур как внутренней пружине мировой истории, поскольку все-таки для развития представлений о мировом проекте истории необходима нравственная взаимосвязь философской мысли с реальностью существования каких-то всемирно-исторических сил. Либерализм и коммунизм — эти две матриархальные системы массовых ценностей, боровшиеся на идеологическом поле последние полвека,

являются в наше время идеологическими «трупамии». И если коммунистическое вероучение проиграло в своей борьбе за геополитическое пространство, то инерция доминирования либерально–демократических ценностей в массовой цивилизации реализуется только за счет полного «штиля» каких–то внятных оппозиционно рациональных настроений в политическом мире. Ведь нельзя же противопоставлять новой мифологии веры в научно–технический прогресс – ностальгические чувства по исчезающей традиции, которая ничего не может противопоставить агрессивному глобализму экономических коммуникаций западноевропейской цивилизации. Такое положение дел мы объясняем просто: все народы мира оказалась втянутыми в иррациональную паутину массовой цивилизации, в которой потеряли национальный разум и волю, подпав под частичное или почти полное влияние западноевропейской модели мировой цивилизации, функционирующей на основе глобальной активности иррационализма производственно–экономических связей. Фашизм, который попытался в сер. XX века противопоставить этому тотальному втягиванию человечества в иррациональные процессы, идеологически и, конечно же, морально оказался несостоятельным, поскольку не смог предложить какую–то разумную модель развития мировой цивилизации. Пытаясь играть на ностальгии по высшим ценностям и патриархальным нормам жизни, фашизм, фактически, пропагандировал оккультизм вместо элементарных позиций исторического разума, то есть вместо одной системы иррационализма – массового общества предложил другую систему иррационализма – расово–биологическую основу.

Основная проблема русской культуры, в нашем понимании, состоит в том, что в ее истории никогда не существовало школы подлинного рационализма. С субъективной точки

зрения, речь идет о том, что в ней животное и человеческое начало души никогда не различались в подлинном понимании основ современного исторического разума. Такое положение дел возможно для культуры, которая существует на периферии мировой цивилизации, а потому не претендует на какие-то геополитические цели. Однако историческая судьба русской нации сложилась таким образом, что в наше время вопрос о ее возможности дальнейшего существования равносителен вопросу об исторической цели, которая показывает: а чем, собственно, является русская нация в мировой истории в наше время? Различая судьбу народа и судьбу нации в истории, мы должны понимать, что народ всегда взаимосвязан с бессознательным инстинктом самосохранения, тогда как дух нации, наоборот, разрывает этот инстинкт, погружая метафизический импульс воли в онтологический поток исторического времени.

Мы полагаем, что поверхностные разговоры об экономической и социальной перспективе развития массовой цивилизации — суть полнота человеческого слабоумия, которое захлестнуло современную псевдоинтеллектуальную среду в момент полного исчезновения какой-то рациональной стратегии развития мировой цивилизации. Но первоначально, как мы видим, эта идеология псевдоинтеллектуальной мысли возникла в массовой западноевропейской культуре, то есть в системе низших ценностей, с помощью которых низшие ценности сначала активизировались в западноевропейской психологии человека, а затем их идеология была экспортирована во все народы мира. В результате, весь мир, за исключением западноевропейского мира, погрузился в Темные Века, получив название «третьего мира», когда манипуляции этим третьим миром стали осуществляться за счет контроля над

низшими влечениями человека через средства массовой информации. Понятно, что в нравственном смысле, то есть по отношению к реальному духу исторического разума, и западноевропейский мир также погрузился в Темные Века, однако любая рациональная модель распада мировой цивилизации имеет очень сильную инерцию, а потому ощущение этого «мрака» в них не так сильно.

Главная оценка современной исторической ситуации в мире по отношению к судьбе мирового разума состоит в том, что разумная воля исчезла в процессах развития массовой цивилизации, то есть цивилизации варварской по отношению к разумному началу человеческой души. Психологически, это объясняется мощными блоками разрушения расовой памяти различных народов мира, когда вместо нравственного долга по отношению к памяти духа предков им навязывается психология потребления различного уровня жизни. Ведь массовая психология, как психология биологического выживания, — это психология животных влечений души, уничтожающая на бессознательном уровне все разумные движения психики, которые сосредотачиваются в расовой памяти человека. А расовая память человека концентрируется в бессознательном инстинкте смерти, то есть во фрактальном пресечении в глубинах бессознательного течения массовых влечений, на основе которых строятся коммуникации связей массового общества. Это пресечение отображает в сознании нравственную взаимосвязь человека с древнейшим историческим прошлым, которое как в топологическом «зеркале» различных рациональных моделей цивилизаций показывает непрерывность взаимосвязи высших ценностей в истории рас *homo sapiens*, периодически появляющихся и также периодически исчезающих как единый архитектурный каркас разумных событий мировой истории.

В нашем понимании, идея существования, или национальная идея, состоит в противопоставлении нравственного импульса воли, который существует в метафизическом начале исторического события, — иррациональным ценностям социальных коммуникаций массового общества. Речь здесь идет не поверхностном противопоставлении России — Западу, о котором исторически рассуждали славянофилы или сектанты — коммунисты, а о противопоставлении начал новой рациональной модели исторической цивилизации — модели, в которой рациональный проект практически свернулся. Так, мы наблюдаем совершенно ассиметричную картину политической борьбы. С одной стороны, Америка старается сохранить внутри себя консервативные ценности, а с другой стороны, агрессивно экспортирует все многообразие иррационального мусора массовых ценностей всему остальному миру. Понятно, что такая ситуация может продолжаться только до того момента, когда в мире о своем существовании не заявят новые всемирно — исторические силы.

Размышления над русской национальной идеей приводят нас к мысли о том, что Средние Века отличаются от Темных Веков тем, что в них новые всемирно — исторические силы начинают концентрироваться вокруг принципиально нового морального договора, который высвечивает топологию разума в ее объективном присутствии субъективного начала метафизического импульса воли в мировой истории. Таким образом, противостояние между современным русским духом и западноевропейской геополитической моделью мировой цивилизации — это конфликт между новой топологической моделью исторического разума и практически «свернутым» проектом его существования, который характеризуется исчезновением метафизических вопросов и, собственно, метафизики как основания действия воли в мировой истории. С психологической точки зрения, речь идет о противостоянии расовой памяти, которая в качестве

судьбы истории мирового духа сосредоточилась в современной России, поверхностному рассудку, который лишен исторической стратегии разума, сосредотачиваясь в своем эпицентре в США.

В понимании противостояния становления новой рациональной модели мировой цивилизации — проекту, чья модель себя исчерпала, речь идет не о «столкновении цивилизаций», о которой рассуждают поверхностные умы, а о единой топологии развития мирового разума, в котором субъективность резко меняет архитектуру расовой памяти в онтологическом потоке времени. Так, если в основе последних двух веков развития мировой цивилизации существовала моральная парадигма протестантизма, где пружина активности рациональной воли концентрировалась в возвращении христианских ценностей к их реставрации в переосмыслении Ветхого Завета, то новейшее историческое время характеризуется значительно более рациональным переходом — к духу нравственного начала др. греческой аристократической морали героического мифа. Понятно, что эта глобальная перестройка расового архетипа человека значительно глубже, чем это имело место в идеях Контрреформации. Таким образом, в вопросе противостояния между моделью становления русско-сибирской цивилизации (по терминологии Шпенглера) и современной западноевропейской цивилизацией существуют глубинные противоречия расовой памяти. Если протестантская культура опиралась и опирается на попытки очищения христианского вероучения от его эстетической составляющей, то православие, как известно, возникло и всегда сохраняло первоначальную функцию равноправия эстетического и этического, то есть являлось нравственным компромиссом между поздней античностью и ранним христианством.

Когда раннее христианство резко критиковало римские нравы за их разложение, за стремление к грубым наслаждениям и за отсутствие высшего нравственного долга, то главным аргументом в конфликте с античной моралью было утверждение, что человек – это не животное, а божественный дух. Однако следует полагать, что, вероятно, и ранний античный дух, важнейшим проявлением которого Ницше вполне справедливо полагал дух др. аттической трагедии, стремился избавиться от влияния разложившихся нравов древних восточных цивилизаций через резкое противопоставление тех бессознательных образов расовой памяти, которые очищали от животного начала души в момент максимальной активизации высших психических процессов. «Метод» реализации этого морального начала был вполне в духе язычества – ликантропия сознания, которая характеризует бессознательные процессы человеческой психики, полностью захваченные мучительным «отделением» животного начала души от индивидуального инстинкта смерти, который является «производителем» духовного основания высших процессов психики. Можно сказать, что в этом моральном начале в полной мере проявлялась психология аристократического духа античной нравственности, когда утверждалось, что героическое сознание суть мера мужества индивидуального духа опираться на постоянную гибель человеческого существа, для которого нет надежды на спасение. Эти отдаленные отголоски памяти аристократического духа античности можно почувствовать в музыке русского романса, где пытается пробиться исторический разум нового расового архетипа человеческой души.

В понимании непрерывности исторического развития мирового разума мы должны осознавать, что рефлексия присутствия сознания в реальности исторического собы-

тия осуществляется за счет постоянного возвращения расовой памяти в качестве «всплеска» высшей психической энергии в реализации метафизического импульса воли. Эти всплески, отображенные от разрушительного действия бессознательного инстинкта смерти, и являются реальным источником первичного действия воли, которое проецирует метафизическую действительность самосознания. Все остальные движения бессознательного, которое мы определяем как «массовое» и которое практически полностью характеризуется социальными функциями души, так или иначе, сводятся к чисто человеческой психологии сознания. Таким образом, вся область бессознательной психики человека, за исключением, инстинкта смерти, определяет его как существо социальное и, с точки зрения исторического разума, существо неразумное.

Мысль Ницше в своей «прелюдии философии будущего» указывает на бессознательный побудительный мотив исторической воли, который необходимо отличать от бессознательных мотивов влечений. С другой стороны, поскольку речь идет о восстановлении позиций героического мифа, то в нем мировая история движется не прямолинейно, а по «кругу», то есть во фрактальном подобии моделей цивилизации эстетической архитектоники бытия, остающейся неподвижной по отношению к расовой памяти человечества. В этом смысле, топологический принцип исторического разума характеризуется «вечным» возвращением человеческого существа к нравственным первоистокам высших ценностей прошлого, то есть к очередному преодолению матриархально-социальных нравов, активизирующихся в момент расовой катастрофы. Расовая катастрофа – это ослабление духа патриархальной психологии, когда патриархальная основа традиции либо подвергается постоянному глумлению (как это имело место в России, начиная с петровских реформ по отношению к православию), либо

в ней естественно исчезает та сокровенная глубина нравственно – полноценной жизни аристократического духа, которая характеризует современную английскую традицию.

В вопросе о существовании «сверхчувственного» следует обратить внимание, что вопрос этот существует только в классической философии, поскольку, когда классическое основание философии исчезает, то исчезает и этот вопрос. Так, одним из признаков исчезновения классической философии в XX веке была попытка отождествить философию с наукой, а также полагать, что метафизика «закончила» свое существование. Мы же полагаем, что вопрос о существовании сверхчувственного следует рассматривать в аспекте расовой памяти человека, поскольку именно Платон был великим родоначальником течения идеализма, которое определяло собой все развитие последующей классической философии. Ницше же, противопоставивший свою моральную (или имморальную – все зависит от начальной точки зрения) философию всей традиции идеалистической философии, начиная с Сократа, лишь объяснил в аспекте философии новейшего времени, что идея Платона имеет характер действия расовой памяти, то есть воли к власти разума как эстетической реальности фрактальных элементов бытия. Другими словами, в вопросе сверхчувственного следует понимать, что это чувственное «особой» природы. Это чувственное настолько «особо», что его существование описывается только в качестве эстетического феномена, который отображает различную меру онтологической полноты исторического времени. Мы имеем дело с множеством фрактальных тензоров перехода от высшей психики, чья энергия протекает в инстинкте смерти, к сознанию эстетического феномена как присутствия онтологической перспективы времени. Значит, разумная воля – это всегда

идея, а идея – это то, что существует безразлично к человеку, поскольку требует от него испытывать всю полноту исторического духа, а не строить поверхностным рассудком научную историческую «схему», которая возникает в силу определенных социальных представлений. Ведь научная историческая схема – это всегда конечный человек в истории в пределах ограниченности его рассудка, а не идея, не историческая воля, то есть это всегда то, что постоянно «спасает» от разрушительного воздействия исторического духа времени.

Рациональная структура онтологического фрактала времени показывает, что человек есть определенная топология расового архетипа, которая характеризуется спецификой расовой психологией *homo sapiens* своего времени. В свою очередь, расовая психология *homo sapiens* является отображением патриархального духа, то есть той меры мужества, которая характеризует авангардные позиции возможности метафизического импульса воли присутствовать в основании мирового духа. Именно в этом аспекте следует рассматривать достижения советской власти в качестве фрактала научно–технического прогресса, который исторически тождественен распространению библейского Ветхого Завета в аналогичные Темные Века Западной Европы. Фрактал научно–технического прогресса заложил новую мифологию реальности рационализма веры. Однако, с нравственной точки зрения, историческим результатом распространения этой мифологии веры в России мы имеем нашествие большевистской орды и процесс ликвидации разумной индивидуальности на фоне сектантского представления о «коллективном разуме» в марксистском вероучении при советской власти.

Таким образом, рассуждая о человеке, мы всегда имеем в виду, что в его сознании отображается как низшая система жизненных ценностей, обусловленная его бессозна-

тельными влечениями в качестве социального существа, так и высшая система жизненных ценностей, которая характеризует его историческую волю. Сознание, фактически, оказывается полем борьбы высших и низших состояний психики, где низшие социальные импульсы определяются полем бессознательных влечений, а высшие — неподвижностью инстинкта смерти, из которого производятся побудительные мотивы воли. С метафизической точки зрения, важно понимать, что принципиальное различие между социальным рассудком и историческим разумом выражается в том, что в социальном рассудке есть только конечно-человеческое, что, собственно, всегда определяется матриархальным сознанием материального происхождения мира и человека, тогда как в историческом разуме метафизический импульс воли есть всегда определенный канат над бездной расовой памяти. Исторический разум — это мера понимания метафизического импульса воли в историческом событии, к которому постепенно «подтягивается» традиция.

Размышления над периодом советской власти в России приводят нас к двум полярно-противоположным оценкам ее деятельности. С одной стороны, мы имеем орду, каковыми явились агрессивные большевистские массы в 17-ом году, где разумная индивидуальность исключена как историческая реальность, с другой, мировой исторический фрактал веры в научно-технологический прогресс, который является тождественным воздействию библейского Ветхого Завета на души варваров в Темные Века Западной Европы. Из этой двойственности мы и должны исходить, когда исследуем положение рациональной культуры в русской истории в последнее столетие. В этом смысле, конечно, появление мировой секты коммунизма, в которой отсутствовало элементарное начало разумной индивидуальности, есть мифология рационализма самого примитивного уровня представлений.

В основе действия онтологического фрактала имеет место подобие многообразия определенному целому. Фрактал истории показывает цикличность перехода начального действия расовой воли, в которой возникает прообраз мировой истории, к ее исчезновению, когда она растворяется во влечениях как вода в песке. Но всегда в первообразе новой модели мировой цивилизации существует нравственный опыт предшествующей модели, поскольку расовая память никогда не исчезает, а только «консервируется» в глубинах бессознательного, «всплывая» в сознании тогда, когда высшие ресурсы психики истощаются. В этом смысле, библейский Ветхий Завет выражает «обрезанные» моральные истины египетской «Книги мертвых» (их, как известно, около 42, вместо 10 в Ветхом Завете), а основы русской нации – утверждение невинности человеческой души в ее нравственном существе, как это являлось естественным для героического мифа др. Греции.

Размышляя над топологическим тождеством в мировой истории фрактала теологии и фрактала научной технологии, мы обнаруживаем, что главная их психологическая характеристика – это тотальное доминирование бессознательных влечений при условии отсутствия разумного импульса воли. Подобного рода власть матриархального начала психики над человеческим существом демонстрирует власть институтов массового социума над бесконечно ослабленным духом человека. Если христианская церковь была историческим образованием, в котором существовало безусловное требование даже для слабого человеческого духа – быть, то есть участвовать в непрерывном возвращении к расовой памяти предков, то для массового человека, *quasi homo*, массовые институты требуют полностью избавиться

ся от высших, то есть расово-бессознательных, процессов психики. То, что это невозможно в принципе даже для минимального проблеска разума, в полной мере продемонстрировала работа Фрейда о Моисее, когда в конце жизни он был вынужден исследовать собственные расово-бессознательные, а не только массовые, начала психики. Ведь очевидно, что массовое бессознательное, под «жернова» которого попадает человек со слабой психикой, начиная с детства и заканчивая своей смертью, является системой иррационального состояния души, которое формирует из него матриархальный продукт культуры, где «субъект» есть неразумное по существу. Таким образом, фрактал теологии и фрактал научной технологии (в контексте, например, теории Фрейда), являются тождественными историческими конструкциями культуры, характеризующими психологию человека Темных Веков, который вполне искренне «верит» в свое субъективное «я» в качестве единственности существования социальной реальности. Основой этого тождества является отсутствие метафизического импульса воли, когда либо в Темные Века Западной Европы бог осознается как абсолютное, которое исключает, практически сводя к нулю, реальность материи, либо материя, наоборот, осознается как единственный вид реальности, практически полностью исключая сакральные силы мирового духа, что характеризует варварские нравы современного массового социума. Причем, нравы Темных Веков распространяются топологически, а не линейно, то есть где-то появляются своей «тенью» (как это имеет место в современной западноевропейской цивилизации), а где-то обрушиваются на человека тотально, как это произошло в России в момент нашествия большевистской орды. В целом, исторические эпохи сменяют друг друга не как механические «блоки» машинных процессов, в которых отчетливо видны их начальная и конечная стадия, а в качестве топологических

деформаций рациональных коммуникаций, их возникновения и исчезновения, отображающих бесконечную сложность явления мирового духа. В этом смысле, известная работа Ницше «Странник и его тень» как раз указывает на эту «тень» наступающего варварства новейшего исторического времени, которое требует не пустых разговоров о либерально–демократических ценностях, а присутствия сурового духа рыцарских орденов, в которых существует понятие о долге и чести. Другое дело, что, например, в Византии «темнота» наступающих нравов новой цивилизации не была столь глубокой и «удушающей», как это имело место в Темные Века в Западной Европе по отношению к разуму, поскольку в византийском социуме сложились те буферные начала цивилизации, в которых существовала возможность функционирования человека и без опоры на разум. Такого рода «буферные» цивилизации, будь то эллинистические государства, возникшие после смерти А. Македонского, Византия или современные США – суть топологические «перестройки» разумных начал человеческой души, в которых разум, как действие метафизического импульса воли, отсутствует. В этой низшей системе ценностей онтологическое основание разумного понимания жизни исчезает, а остается только «человеческое». Это «человеческое», в отличие от существования метафизического импульса воли, характеризующего дух великих цивилизаций, всегда ограничено чем–то социальным, то есть неразумным образом жизни, где разумная индивидуальность отсутствует. Основной признак буферных цивилизаций – исчезновение эстетической картины бытия, в которой существует метафизическая основа реальность определенной фрактальной структуры бытия в отображении соответствующей онтологии времени.

Центральной идеей нашей работы является утверждение, что активность влечений человеческой души всегда усиливается, когда воля ослабевает, как, впрочем, и наоборот. Подобная симметрия процесса функционирования человеческой психики обусловлена ее раздвоенностью между животным и разумным основанием. Ведь позиция разумных начал жизни обладает властью над человеческой душой только тогда, когда разумный дух обладает способностью владеть субъективным существом психики. Причем эта сила и власть являются основанием экспансии высшего начала психики над животным существом человека, контролируя все многообразие объективных целей и мотивов поведения. Именно с точки зрения поиска основания этой безусловной власти духа над психическими процессами мы и рассматриваем идею Ницше о вечном возвращении. Субъективность позиции философии Ницше практически невозможно установить, исходя из субъективизма метафизики, в которой сакральное начало, так или иначе, обусловлено понятием «бог». По поводу этого понятия сам Ницше высказался однозначно. Таким образом, метафизика Ницше предполагает иной род сакрального, чье основание мы должны искать в очищающем действии трагического восприятия бытия, достигающего онтологического масштаба метафизической реальности. Основой же «дионисического» начала души (отметим, именно начала, а не «влечения»), как об этом, например, пытался рассуждать Юнг), является исключительная полнота жизненной силы, которая характеризует основы полноценной человеческой души. Эта сила черпается не из человеческих влечений, а из того, что буквально «раздирает» человеческое существо на части, то есть фрактализирует (Frangere — ломать, разламывать) в силу высшего нравственного подъема полноты жизни.

Другими словами, трагическое переживание указывает на субъективность как продукт расового бессознательного, в котором инстинкт смерти отображает присутствие сверхчеловеческого начала в качестве «разъятости» человеческой души в онтологическом потоке времени. И здесь возникает невозможность классификации философии Ницше с точки зрения ее отнесения: либо к материалистическому, либо к идеалистическому типу мышления. Заметим, что аналогичная проблема, как, впрочем, и проблема понимания наличия или отсутствия метафизического как такового, характеризует и философию Платона, хотя практически вся история философии определяет Платона не только как идеалиста, но и как родоначальника идеалистического направления школы мысли. В действительности, трагическое восприятие, лежащее как в основании субъективизма философии Платона, так и субъективизма философии Ницше, не обладает психологическим «равноправием», в котором матриархальные и патриархальные психологические импульсы уравновешены. Этим двух философов объединяет безусловное признание патриархального начала психики доминирующим, когда матриархальные импульсы требуют максимального контроля со стороны действия метафизического импульса воли. Такого рода абсолютный приоритет патриархальной психологии, которая имеет место в философии Платона и Ницше, вероятно, нет более ни у одного философа в истории философии (за исключением Гераклита), и именно поэтому понимание метафизического основания этой философии требует особого подхода, в котором субъект–объектная основа мышления строится на онтологии фракталов бытия во времени.

Глава 5

В основе нашего понимания материи лежит структура фрактала, которая показывает, что Вселенная и все многообразие ее элементов образовано разного рода фрактальными связями. Эти связи – суть современные авангардные позиции представлений о геометрически–пространственной структуре мира, которыми занимается математика. Но в нашем понимании, существует особая онтология фракталов бытия, которая топологически тождественна онтологии времени.

Начнем с понимания того, чем является субъект в определенной временной длительности трагического восприятия бытия. Понятно, что речь здесь идет не о какой–то субъективности присущей любому человеку, а потому не нуждающейся в философском исследовании, а о восприятии, которое имеет специфическую природу чувственности. Очевидно, что естественное состояние человеческой души отвергает трагическое восприятие, поскольку оно несет в себе ощущение гибели и разрушения обыденных представлений о мире, которые человек получает в качестве опыта коллективного знания, в результате лишая сознание психического «равновесия», поскольку в трагическом восприятии происходит резкое смещение психики в сторону экстремальных переживаний. Таким образом, именно экстремальное состояние психики является основанием фрактальной философии. Здесь следует заметить, что не–экстремальное состояние человеческой психики вообще не нуждается в философии, поэтому любая классическая философская мысль отображает тот или иной характер трагичности человеческого бытия.

В первую очередь, в трагическом восприятии мы обнаруживаем иное, чем это имеет место в естественном восприятии человека, отображение потока течения времени,

где начинает ощущаться какое-то «лишнее» присутствие человеческого существа. Причем, если для античной мысли Платона подобного рода «излишне» человеческое является психологической нормой, то для Ницше это «лишнее» присутствие человеческого существа в метафизическом импульсе воли становится причиной крайнего раздражения и постоянной атаки со стороны актуализации сверхчеловеческого.

Основные рациональные идеи философии Ницше

Рационально-объективное содержание идеи «вечного возвращения»

В понимании центральной идеи вечного возвращения у Ницше мы должны отбросить ее мистически-поэтическое содержание, которым он окутал сущность этой идеи в силу остроты откровения бытия, характеризующего новую расовую сущность человека. С психологической точки зрения, речь идет об активизации инстинкта смерти в глубинах бессознательного как основного инстинкта высшей психики человека, то есть о началах субъективности, резко отличающейся от субъективного начала души, заявленного в западноевропейской философии Декартом. Это отличие, как мы уже ранее говорили, состоит в особом роде возврата к «естественному» восприятию, которое принципиально отличается от его «естественного» восприятия в новоевропейской школе мысли, характеризующей ее развитие: от английского эмпиризма — до диалектики Гегеля. Ницше утверждает для полноценной человеческой психики, что «естественным» является именно трагическое восприятие, поскольку это единственный род восприятия, где эстетиче-

ское созерцание удерживает взаимосвязь с умопостигаемой сущностью сверхчеловеческого в движении онтологического потока времени.

Первое, что характеризует трагическое восприятие, — это утрата человеком своего сознания в системе обыденных моральных представлений о ценностях, вследствие чего возникает необходимость понимания особого рода морали (или имморализма, если встать на точку зрения субъективной позиции разума). Так, если западноевропейская философия Нового Времени никогда не подвергала сомнению сознание сакрального начала мира в представлении о едином боге, хотя и противопоставляла свои рациональные системы религиозному мирозерцанию, то трагическое восприятие метафизики действия импульса воли у Ницше полностью разрывает с этой систематизацией, переходящей в область мифологических представлений. Понятно, что речь в данном случае, не идет о недоверии научному знанию, а о том, что научная мысль уже не обладает метафизической сущностью бытия, уходя в реликтовые рациональные связи «техномагических» представлений «ветхого завета» рационализма в становлении новой модели цивилизации (особенно активно, как известно, этими техномагическими действиями увлекались фашисты). Другими словами, речь идет об исчезновении метафизики научной мысли, и, как следствие, исчезновении метафизического основания фундаментальной науки, которые исчезают в мифологии веры в научно-технический прогресс. Ведь именно мнимая монотонность явлений природы, воспринимаемой как объективность механических процессов, дает возможность строить систему научных представлений. Но в новейшее историческое время исчезает именно вера в метафизическое основание науки, что Ницше сформулировал в известной мысли «бог умер». Здесь мы акцентируем внимание на том, что умер именно механический бог науки Нового Времени,

однако его «смерть» не могла быть фактической, поскольку метафизическое содержание мысли никогда полностью не умирает, а перемещается лишь в область инфантильного сознания, то есть в сознание людей, разум которых бесконечно слаб, становясь опорой культуры матриархальной.

Известно, что Ницше постоянно подчеркивал, что он противопоставляет мифологии духовности и мифологии идеализма здоровые человеческие инстинкты, в которых выражено агрессивно-хищное начало психических импульсов воли. Важнейшим моментом этого противопоставления, в нашем понимании, является совершенно новое для западноевропейской школы рационализма представление о воле, которое рассматривает ее как метафизическое пространство, где место есть только максимальному мужеству духа. Следствием этого нового понимания воли является новое понимание сакрального начала исторического события, в котором воля получает статус метафизической сущности бытия, по отношению к которой все остальные критерии существования: мышление, рассудок, мораль, социальное и другие становятся второстепенными.

Одним из основных последствий трагического восприятия реальности является исчезновение устойчивого потока влечений к чему-либо, поскольку в трагическом состоянии души влекущееся человеческое существо вообще исчезает как нечто устойчивое, чему субъект может доверять в психосоматическом состоянии трагического созерцания. В трагическом восприятии остается единственное устойчивое ощущение почти магического присутствия, — это усиливающийся, подобно музыкальному напряжению, действие инстинкта смерти. Подчеркнем главное, инстинкт смерти — это не влечение, а наоборот, неподвижность присутствия сакрального начала бытия по отношению к течению времени, где вре-

мя созерцается как метафизическая реальность фракталов объективного многообразия материального мира.

Следствием топологического «стягивания» человеческого начала души в трагическом восприятии к «нулю», является исчезновение какого-либо социального и научного опыта субъекта, когда он оказывается наедине с разрушительными процессами высшей психики. Эти процессы нельзя полагать монотонными, которые характеризуют низшие психические импульсы, где время осознается как длительность, имеющая определенную возможность измерения. Вместе с исчезновением ощущения течения «человеческого» времени, которое в равной степени характеризует и библейское время иудео-христианской традиции, и новое время течения событий научно-технического прогресса, возникает такое его ощущение, где ближайшей его мерой является эстетическая категория «бездна». Эта категория, используемая в философии Ницше в качестве невозможности ограничения известной человеческому сознанию меры онтологического потока времени, указывает на начало действия воли из фактического отсутствия какого бы то ни было традиционного элемента культуры. Но, с другой стороны, поскольку мышление Ницше определено полем патриархальной психологической прерогативы ценностей жизни, то исчерпание известного морального поля традиции он предлагает заменить действием метафизического импульса воли как средства восстановления морали без ее социально-ограничительных представлений, то есть использовать высшие ресурсы психики («дионисическое» начало души). Здесь мы имеем кардинальный поворот в истории философии рациональной морали, соизмеримый по радикальности с тезисом Сократа «познай самого себя». Сократ, наоборот, в силу исчерпания ресурсов высшей психики в действии героического мифа, предложил «уравнять» его сознание с ценностями «человеческого» начала души,

то есть предложил идею равенства между патриархальной и матриархальной психологией, тем самым заложив идею существования социума.

Когда мы размышляем над идеей «вечного возвращения», то понимаем, что первое, что является фрактально-тождественным для этой идеи в истории философии, – это теория «анемнезиса» Платона. Так, по-видимому, высшая часть человеческой психики, которая определяется процессами расового бессознательного, хранит в себе память о полноценной генетической основе человека, фрактальные коды исторического прошлого, которые постоянно воспроизводятся в мировой истории. В этом смысле, все известные исторические эпохи, описанные в философии истории Гегеля: Темные Века, Средневековье и Новое время отображают движение «человеческого» по «кругу», которое характеризует разворачивание уже известного опыта обыденных представлений рассудка в социальном образе жизни человека в каждой из моделей мировых цивилизаций в системе низших ценностей. Иное дело – высшие ценности, которые неповторимы в своем эстетическом свидетельстве вершин мирового духа.

Модель действия метафизического импульса воли, как объективной действительности идеи «вечного возвращения» по Ницше, следующая. Высшая психика, в отличие от низшей психики, не имеет направленности бессознательного влечения в эмпирическом восприятии, то есть «человеческого» как определенной идеи «спасения» всего комплекса влечений, когда обнаруживается их первичный и конечный импульс в социальных представлениях. То, что высшая психика активизировалась в подсознании, указывает ликантропия сознания, связанная с исключительно болезненным психосоматическим состоянием, которое раз-

рушает «человеческое» до нуля. Этот «нуль» мы полагаем причиной возникновения нигилизма как основного философско-исторического представления XX века. Дальнейшая судьба этого человеческого «нуля» различна. Если этот «нуль» имеет очень слабое расовое основание, как, например, это имеет место в русском нигилизме, то происходит психосоматическое разряжение его в биологическую агрессию массовых инстинктов, и мы имеем социальную активность человека, которая реализовалась в Советском Союзе. Здесь тоталитаризм матриархального представления о мире обусловлен ростом этого «нуля» до активности биологической агрессии, которая не является волей, а выражается лишь массовой истерией, а также полным равнодушием к разумным началам индивидуальности. Если ликантропия сознания развивается последовательно, то есть приобретает внутреннюю структуру основания мужества духа, то воля начинает расти вместе с действием бессознательного расового воспоминания, разворачивающего исторические коды полноценного генетического существа души. В этом случае, мы имеем дело с системой, в которой имеет место постоянный переход человеческого «нуля» в метафизический импульс воли. Таким образом, мы имеем метафизическую систему лигаризма, где возникновение человеческого «нуля» и его преобразование в метафизический импульс воли протекает как основание присутствия сакрального существа исторического события, где и бог, и человек существуют по ту сторону от высших ценностей. Речь идет об определенной пульсации мирового духа как постоянного действия бессознательной расовой памяти, которая обостряется вместе с обострением в человеческой душе бессознательного инстинкта смерти.

«Возврат» к расовой памяти, с точки зрения Платона, и есть существование признака разумности человеческой души, поскольку все остальные навыки мышления, приоб-

ретаемые в результате получения многообразных знаний, являются не более чем информацией, накапливаемой в механической памяти человека, как в компьютере. Душа, по Платону, вспоминает то, что в ней заложено наиболее полноценного с точки зрения расовых кодов генетических связей в бессознательном, эстетически отображая бытие в качестве фрактальной целостности Единой неподвижности сущего как отображения онтологического потока времени. Ведь инстинкт смерти неподвижен в качестве человеческого «нуля», не имея в этом «нуле» каких-то традиционных элементов культуры. Следует заметить, что в известной иудео-христианской традиции этот человеческий «нуль» возвращается в сознание в качестве идеи божественного начала мира. Но фрактал теологии, в отличие от фрактала научной технологии имеет кардинально иную природу расового архетипа человека, когда современный материалист-ученый, будучи служителем новейшего «ветхого завета» мифологии рационализма, верит в магическую силу науки на основании откровения в ней первых представлений об эмпирическом существе разума.

С рационально-объективной точки зрения, идея «вечного возвращения», таким образом, конструирует в истории философии новые начала субъективности, которые объективно определяют и новые контуры модели мировой цивилизации, где массовый социум выражает опыт существования человека в Темных Веках этой новой модели. Разумное в этой новой модели мировой цивилизации присутствует в объективной реальности, которая моделируется действием системы: трагическое восприятие — инстинкт смерти — метафизика воли. Возврат назад, к расовым истокам памяти, заложен самой генетической особенностью человека быть разумным существом, а не животным.

Когда мы рассуждаем о «системе» действия метафизического импульса воли в мировой истории, то должны понимать, что он не имеет социального направления. В том то и состоит кардинальное отличие действия воли от действия влечения, что воля, во-первых, существует только в экстремальных условиях субъективно-трагического восприятия реальности, а, во-вторых, направлена на достижения высших исторических ценностей, которые могут быть только эстетическими. Последнее обусловлено тем, что в психической энергии инстинкта смерти субъективно способен существовать только эстетический феномен в качестве умозрительной конструкции мышления, и только эстетический феномен способен нести этический заряд высших ценностей.

В процессе возникновения эстетической конструкции, отображающей структуру действия метафизического импульса воли, всегда возникает нравственное «очищение», получившее определение в др. греческой философии понятие «катарсис». Только в понимании этого древнейшего морального императива мужества патриархального духа мы можем понять основу существования исторического разума в древнейших восточных цивилизациях. Ведь известно, как примитивно рассуждал Гегель о характере исторического разума в др. восточных цивилизациях, утверждая, что в них свободен был лишь один деспотичный правитель государства. Но субъективность свободы – это критерий не патриархальной, а матриархальной души, которая лишена нравственного опыта расовой памяти, а ведь патриархальному духу др. восточных цивилизаций приходилось иметь дело с памятью первобытной расовой психологии, преодолевающая непомерную инерцию первобытных нравов матриархата. Вообще, этой легкомысленной легкости суждений спекулятивного рассудка, лавирующего в иррациональных представлениях о массовом существе человека, не достает

той непомерной «тяжести» патриархального духа, которая определяет и античную, и др. восточную судьбу рациональных моделей мировой цивилизации.

Помимо новой субъективной позиции разума в мировой истории, идея «вечного возвращения» обладает и описательным моментом мысли, — это повторение однообразных целей и забот массового человека в социуме, которое повторяется во всех моделях мировых цивилизаций. Так, человек стремится (влечется) к продлению рода, к заботе о своих близких, к трудовой деятельности, к научному знанию и так далее, и тому подобное — всегда, то есть во все исторические времена на уровне существующей в ней системы обыденных представлений рассудка. В этом смысле, он существо не историческое, а социально-массовое. Социально-массовое существо человека не обладает активной позицией разума и воли, а потому все эти влечения постоянно повторяются, возвращая одни и те же конечные цели низшего существа человеческой души. Во всем этом «круге» повторения одного и того же всегда присутствуют два основных фактора: человеческое и социальное, которые так или иначе сводятся к инстинкту самосохранения человека как биологического существа. В этом смысле, экономически-социальная основа современной массовой цивилизации не имеет никакого отношения к историческому разуму.

Если мы продолжим развивать рациональный смысл идеи «вечного возвращения», то приходим к необходимости признать, что эта идея углубляет и расширяет понимание мирового разума у Гегеля. Понятно, что это вопрос принципиальный, поскольку если поверхностный рассудок еще готов принять рационализм Гегеля с его «реверансами» в сторону идей социальной свободы и опорой философии на науку, то «мистический» смысл идеи «вечного возвращения» для поверхностного рассудка не может быть осознан

ни при каком условии. Ведь в этом случае, поверхностный рассудок оценивается как некая опора всего многообразия иррациональных современных социальных процессов, которые происходят в массовой цивилизации, где разумный субъект как реальность исключен. Однако философия, в отличие от религии и науки, обладает такой «роскошью», которую может позволить себе только подлинно мыслящий человек с позиции метафизического импульса воли — обладать историческим разумом, и именно на основании исторического разума понимать многообразие явлений бытия. С другой стороны, должно быть элементарно понятно, что и религия, и наука, и искусство существуют в глубочайшем нравственном кризисе в эпоху расовой катастрофы, когда патриархальные нормы человеческой жизни подорваны, поскольку таков вообще характер духовной жизни субъекта в Темные Века. Возвращаясь к топологической взаимосвязи разума в философии Гегеля и Ницше, следует признать очевидное, а именно то, что в истории философии, как и в истории фундаментальной науки, любая метафизическая мысль обосновывается предшествующим опытом рационального познания.

То, безусловно, новое, что привносит идея «вечного возвращения» Ницше в понимание исторической сущности мирового разума, — это осознание исторического разума как свойства расовой памяти человека активизировать метафизический импульс воли в мировой истории. С другой стороны, во-первых, эта идея бесконечно расширяет в прошлое существование исторического разума, включая в него также и опыт др. восточных цивилизаций и, одновременно, распространяет поле его действия не только в сфере научно-технического прогресса, но и на весь нравственный опыт народов всего мира на основе неповторимости сакрального существа их расового опыта. Но самое главное, понимание разума, как свойства дей-

ствия расовой памяти, дает возможность рассматривать историю не линейно, а топологически, то есть в качестве постоянного воздействия на сознание потока расового бессознательного, как в судьбе отдельной человеческой индивидуальности, так и в смене различных рациональных моделей мировых цивилизаций.

Рационально–объективное содержание идеи «воли к власти»

В понимании «исторической необходимости» воли к власти разума, исходя из идеи вечного возвращения расового опыта человечества, мы полагаем, что каждой модели мировой цивилизации соответствует специфика метафизического импульса действия расы *homo sapiens*. Другими словами, мы резко расходимся с утверждением современной биологической науки о происхождении расы *homo sapiens* от вида приматов, поскольку подобного рода теория объясняет только анатомические свойства человека, а также механизмы действия его низшей психики (систему бессознательных влечений), но не происхождение исторического разума как метафизического импульса воли. Чтобы понять одну из основных моральных идей Ницше «по ту сторону добра и зла», то есть указать на «эту» ее сторону, мы должны объективно рационально определить метафизический импульс воли как его присутствие в онтологическом потоке исторического времени, на который указывает Платон в качестве известного учения о «катарсисе». Здесь освобождение от низших влечений души никак не предполагает освобождения от метафизического импульса воли, но и наоборот, требует, чтобы этот импульс был максимален. Так, «низшее» — это суть влечения, которые мешают максимальному напряжению метафизического импульса воли, то есть мешают

чистоте единства патриархального пространства, в котором полностью господствует разум.

В аспекте требования Платона избавиться от низших влечений души, мы осознаем то, что, собственно, он понимал под «сверхчувственным». Здесь речь идет не о спекулятивном мышлении, а о необходимости последовательного погружения сознания в углубляющие слои расовой памяти, которые философ определял как различного рода эманации идей. Образы расовой памяти формируют эстетические конструкции, которые выражают сущность бытия, как волю к власти исторического разума. Следовательно, в понимании сверхчувственного у Платона мы имеем дело с особым психосоматическим состоянием души, которая полностью «вычищена» от животных влечений, чтобы усилить максимальное действие воли. В философии и Платона, и Ницше «естественным» для полноценной человеческой психики признается трагическое восприятие, которое под «добром» понимает то, что в др. греческой философии определялось понятием «калокагатии», то есть совпадение эстетического и этического в качестве высшей ценности нравственного долга, определяющего сущность патриархального духа.

В современной фрактальной действительности научных технологий массовой цивилизации, где практически исчезли начала патриархальной основы человеческой жизни, мужество духа является такой редкостью, что, по-видимому, представитель подобной позиции разума покажется «инопланетянином» в среде тотальной активности конечных человеческих целей и поверхностных представлений. Но представителем такой «чужеродной» силы всегда были разумные люди в социуме, начиная с Гераклита, которого мы полагаем родоначальником философии, поскольку действие подлинного исторического разума – это постоянный процесс «очи-

щения» мышления от слабоумия социальных представлений. Ведь слабость человеческой мысли – это и есть ослабление духовного начала высших психических процессов души, то есть ослабление естественно–трагического восприятия бытия и активизация неестественно–обыденных представлений о жизни. Таким образом, поддержанием «огня» разумного начала человеческой души всегда занималась философия, которая производила необходимые «хирургические» операция над человеческой душой, чтобы разум в ней не исчезал в текучей серости забот матриархальных представлений слабого духом человека о собственном выживании. Однако массовые инстинкты, как проявление животного начала человеческой души, очень сильны. И именно поэтому в состоянии распада очередной рациональной модели мировой цивилизации в массовых ценностях начинает доминировать сознание «домохозяйки», в котором семейные, экономические и технологические цели создают вязкое пространство человеческого слабоумия при полном отсутствии действия разумной воли.

Добро, следовательно, с рационально–объективной точки зрения, есть максимальное мужество сознания духовной основы бытия, которая всегда субъективно доказывается метафизическим импульсом исторической воли. При этом понятно, что такой род патриархального «добра» всегда существует по ту сторону от «добра» матриархального, которое ассоциируется с той или иной матриархальной заботой о человеке, о его выживании или спасении. Но для нас важно, что это «по ту стороннее» всегда является «нашей» стороной бытия как метафизическая реальность действия воли, в отличие от животного–естественного течения влечений. И в этом смысле, «вечное возвращение» расовой памяти человека как наивысшая полноценность человеческой жизни всегда утверждается в воле к власти объективного исторического разума. Если бы не было этой бессознательной активности

расовой памяти человека, то в процессе сворачивания очередной рациональной модели мировой цивилизации человек бы возвращался к состоянию варварства, которое неизбежно оборачивается наступлением Темных Веков, преодолеть которые невозможно. Но преодоление нравственной дикости по отношению к разумным началам человеческой души в Темные Века всегда происходит в качестве становления топологии новой рациональной модели мировой цивилизации.

Основные рациональные идеи исторической концепции Шпенглера

***Rasa homo sapiens* — движущая сила мировой истории**

Не трудно понять, что окружающая нас массовая цивилизация практически полностью построена на иррациональных коммуникациях. Это возникновение иррациональных коммуникаций массовой цивилизации произошло вследствие почти окончательного сворачивания рационального проекта развития, который возник и сформировался в западноевропейской культуре. Причем, процесс сворачивания прошел достаточно незаметно, поскольку заметить, что в непосредственной жизни человека исчезло присутствие разума, может только субъективный разум, проистекающий из достаточного мужества человеческой души, а это то, что встречается крайне редко в повседневной жизни человека.

Понятно, что историческая концепция Шпенглера продолжает разработку субъективного рационализма Ницше в понимании процессов мировой истории, однако, как и субъективный рационализм Ницше, требует рационально-объективного осмысления своей основы. Так, известно, что

Шпенглер резко критиковал идеологию биологического понимания расового существа человека, что вытекает из его понимания сущности мировой истории. Подобная критика, очевидным образом, обусловлена тем, что расовая сущность человека определена не инстинктом выживания, что характеризует массовую психологию человека, а инстинктом смерти, то есть высшими процессами бессознательно-го. С другой стороны, высшие процессы психики могут быть объективно структурированы только в объекте эстетической реальности, ибо эстетическая реальность – это единственная область отображения трагического восприятия, где все обыденные человеческие чувства стянуты в «нуль», поскольку только в этом случае действует метафизический импульс воли. Ясно, что понимание метафизического происхождения расовой сущности человека, необходимо должно было привести позицию Шпенглера к конфликту с доминирующей в фашистском режиме биологической теорией неравенства человеческих рас.

Не сложно заметить, что, с одной стороны, историческая концепция Шпенглера ориентирована на реализацию в мировой истории высших культур, а с другой стороны, отсутствием рационального понимания, чем являются эти высшие культуры. Подобного рода противоречие определено невозможностью «втиснуть» момент обыденного представления в трагическое восприятие, возникающее всегда, когда речь идет о событиях мировой истории. Ведь рассуждения об «аполлоническом» начале античной души и фаустовском начале западноевропейской души – суть отстраненное представление об исторических процессах истории, в котором непосредственная субъективность остается во власти обыденных представлений. В нашем понимании, о мировой истории нельзя рассуждать абстрактно, поскольку речь в этом случае идет о мифологическом представлении, какими бы «научными» схемами не аргументи-

ровалась эта мифология. Таким образом, поверхностный схематизм концепции Шпенглера мы рассматриваем как наиболее близкий к реальности исторических процессов, однако лишенный понимания внутренней рациональной взаимосвязи этих процессов.

Мы полагаем, что мировая история имеет магистральный путь своего развития, когда все ее события, начиная от тех, которые протекают в эпицентре, и заканчивая теми, которые имеют место на периферии, определяются волей расы homo sapiens, которая является «высшей» в том смысле, что наиболее полно и последовательно реализует действие разумной воли субъективного начала человеческой души, опираясь на мужество духа патриархальной психологии человека. Понятно, что чем дальше от магистрального пути развития мировой истории, или от реализации ее абсолютной идеи (по Гегелю), тем активность метафизического импульса воли ослабевает, вследствие чего активизируются биологические инстинкты человека.

Было бы легкомысленно не заметить, что идеи «вечного возвращения» и «воли к власти» не имеют своего значительного момента происхождения из идей философии Шопенгауэра, у которого речь идет о первой попытке противопоставления воли и влечения на метафизически-философском уровне. Одновременно, мы понимаем, что Шопенгауэр был первым, кто заметил момент «вечного возвращения» расовой памяти к прошлому, пытаясь реконструировать трансцендентальную философию Канта и идеализм Платона в теории существования мировой воли.

Первое, что определяет сущность «мировой воли» по Шопенгауэру – это ее «злое» метафизическое начало. «Зло», в данном случае, является трагическим мотивом познания, ко-

торый всегда направлен против обыденных представлений, «спасающих» человеческую сущность в пределах представлений матриархальной культуры своей исторической эпохи. Ведь «злое» начало в мировой воле Шопенгауэра — это инстинкт смерти, который и является источником той или иной метафизической сущности трагедии, требующей волевого участия в реальности. Так, трагическое — суть условие полноценной эстетической позиции разума, которая отделяет мужество духа от иных состояний человеческой психики, являясь психологическим «топливом» для создания кастовых союзов, где сознание нравственного долга и чести неизмеримо выше ценности человеческой жизни.

Очевидно, что Шпенглер, описывая события мировой истории, стремился каким-то образом структурировать процесс «роста», «расцвета» и «угасания» культур, чье существование он пытался уподобить каким-то живым органическим структурам. Однако в этом и состояла основная ошибка его концептуального подхода к мировым историческим процессам, поскольку расовое бессознательное, на основе которого всегда возникают начала высших ценностей, не имеет первообраза живой органической структуры. Расовое бессознательное вообще не предполагает представление о культуре в каком-то «органическом» понимании. Так, возврат расовой памяти в момент максимального действия инстинкта смерти в душе, демонстрирует невозможность существования конечного представления рассудка в метафизическом импульсе воли, поскольку нельзя контролировать сакральное, — оно само контролирует высшие процессы психики. Это только романтическое сознание предполагало, что разум владеет волей, тогда как в разумной действительности, наоборот, именно сакральный момент метафизики воли владеет разумом.

Когда мы размышляем над попыткой Шпенглера осмыслить в пределах обыденных представлений реальность расовой сущности психических процессов, которая движет волей всех исторических народов, то понимаем, что она является малоубедительной хотя бы потому, что пытается поставить знак тождества там, где он недопустим. Такого рода попытки, очевидным образом, обусловлены очень примитивным философским основанием его исторической концепции. Если пытаться проецировать исторические события на образ жизни человека, то мировая история не может иметь какой-то цели по существу, ибо очевидно, что человек смертен, а смертное — не обладает метафизикой стратегии своего развития. Стратегическое развитие мировая история может иметь только по отношению к какому-то метафизическому основанию бытия, то есть по отношению к тому, что выражает сакральную взаимосвязь с началом бытия в мировой истории. Именно здесь определена та глубина нравственной дистанции между субъективным разумом Ницше и исторической концепцией Шпенглера, где последний, несмотря на очевидную перспективность своей схемы мировой истории, остается на позиции обыденных представлений поверхностного рассудка. Мы же в своей объективно разумной позиции следуем за Ницше, который вполне отчетливо указал на цель мировой истории — выявление и утверждение высших ценностей, которые суть мужество духа быть. В этом смысле, процесс появления и исчезновения расы *homo sapiens* является процессом метафизическим, в котором момент ее появления, существования и исчезновения нельзя уподоблять существованию органической структуры. Стремление к высшим ценностям — это стремление не человеческое, а того наивысшего напряжения духа, в котором метафизический импульс воли

не предполагает состояния психики, которое традиционно связывается с представлением о чем-то «живым». Если есть представление о чем-то «живом», значит, еще есть какая-то взаимосвязь с непосредственностью влечений, то есть с животным началом психики, и, следовательно, что-то еще не брошено в огонь познания, то есть в реализацию высших ценностей. И если цель мировой истории – высшие ценности, то это не значит, что это есть цель человека и человечества. Ведь не можем же мы полагать, что целью развития др. египетской цивилизации было создание великих пирамид или гигантской скульптуры Сфинкса, а др. греческой – классической скульптуры. Скорее, великие произведения искусства и архитектуры были созданы вопреки инстинктивному стремлению человека к выживанию, к его естественной потребности быть расчетливым в хозяйственных заботах и заботах о своей семье. Эта реализация метафизического импульса воли вопреки естественному течению бессознательных влечений животного начала души, – и есть пространство расовых ценностей, где дух расы *homo sapiens* только максимально мобилизует высшие ресурсы психики. Можно сказать и более определенно: высшие ценности достигаются ценой полного преодоления человеческого в метафизическом импульсе воли, когда человеческое забывается в могуществе натиска расовой памяти опыта предшествующих мировых цивилизаций.

Понятно, что подобного рода реконструкция мировой истории у Шпенглера только интуитивно угадывается, но не предъясняется как объективная рациональная действительность ее процессов. Ведь иерархия онтологической сущности бытия всегда обоснована какой-то метафизикой реальности, а метафизика реальности всегда предполагает какие-то всемирно-исторические силы, чей проект стратегического развития мировой цивилизации перво-

начально характеризуется как топология моделирования разумом подлинного понимания различия между человеком и животным.

Рациональная модель русско–сибирской цивилизации

Шпенглер, с одной стороны, вполне справедливо негативно отзывается о линейной концепции философии истории Гегеля: Древний мир – Античность – Новое время, однако повторение этого исторического возвращения «круга»: Темные Века – Средневековье – Новое время, в различных моделях мировых цивилизаций, как известно, берет за основу. Также известно, что для русской истории Шпенглер вводит понятие «псевдоморфизма», то есть скрытого становления психологического основания расы *homo sapiens* в формировании прарасового опыта культуры. Псевдоморфизм, в частности, он рассматривает в известных реформах Петра I, где был заложен тот государственно–социальный подражательный проект культуры, который и определял развитие российской государственности вплоть до нашествия большевистской орды.

Конечно, хотелось бы сослаться за какие–то рациональные объяснения событий, происходящих в российской истории до нас, но мы подобные размышления не находим, поскольку в российской истории отсутствует рациональная школа мысли, предполагающая определенную метафизику понимания исторического события. Религиозная же вера всегда ограничена бессознательной задачей спасения человека, то есть инстинктом самосохранения, а потому может активизировать волевые усилия только в локальных исторических процессах на уровне народной воли. Эти действия характеризуют, например, в русской истории ополчение Минина и Пожарского. Мы же осознаем себя ча-

стью национальной воли, а потому рассматриваем только сферу рациональных коммуникаций, где присутствует магистральный путь развития мировой цивилизации.

Мы полагаем, что точка отсчета современной модели российской цивилизации в Темных Веках отображает уровень здесь рациональных коммуникаций и, как следствие, время исторического пути, которое пройдено с момента нашего шествия большевистской орды в 17-ом году. С другой стороны, тысячелетний расовый опыт русской культуры с этого исторического момента «зарыт» под слишком глубоким слоем идеологической лжи и того тотального морального удушья, который характеризует весь XX век и начало века XXI. Так, еще два десятилетия назад сектантское мистическое представление о «коллективном разуме» культивировать здесь почти на уровне религиозного сознания, уничтожая все проблески объективного исторического разума.

Очевидно, что периодичность появления и исчезновения различных моделей мировых цивилизаций обусловлена не «человеческим» временем разного рода забот социальной культуры, а историческим временем течения метафизического импульса воли, который обозначает направление достижения высших ценностей в магистральном пути развития мировой истории. В этом смысле, в современной российской цивилизации отсутствует историческое время, то есть время, в котором мировой дух определяет присутствие объективно-рациональных коммуникаций между разумными индивидуальностями, обладающими исторической волей. Другими словами, национальная воля пока еще не в состоянии «пробиться» сквозь цепкие связи иррационализма массовой культуры, в котором разум исключен как реальность.

Не трудно заметить, что в формирование социальных связей массовой культуры вовлечено неразумное начало человека через тотальную активность бессознательных влечений. Воля в социальных массовых институтах отсутствует, поскольку воля предполагает мужество духа быть, тогда как социальные массовые институты, наоборот, предполагают дух настолько слабый, что в нем практически полностью исключена разумная организация души. Кроме того, социальные массовые институты скрывают реальное положение катастрофического состояния психического здоровья человека, поскольку человек, чей дух бесконечно ослаблен, стремительно вырождается, ибо для человека естественно быть разумным существом, в отличие от животного. Однако когда это отличие, как норма психической жизни человека, исключено в принципе, то именно неразумность психики становится той «нормой», отклонение от которой в сторону разума исключается.

Таким образом, психологическая атмосфера Темных Веков характеризуется психическим и правовым инфантилизмом, исключаящим волю по существу. Ведь разумная воля предполагает, что в государстве существуют какие-то сообщества людей, для которых сознание нравственного долга значительно выше непосредственной ценности человеческой жизни. Однако для кочевников именно непосредственность их неразумной души есть единственная реальность, которой они доверяют в силу отсутствия в душе разума. Кочевник не способен соблюдать какой-то моральный закон, поскольку современная государственно-социальная организация в России имеет свое историческое происхождение в нравах большевистской орды, которая утвердилась на развалинах Российской империи именно за счет почти полного разрушения патриархального быта русского народа. Наивно требовать от кочевника соблюдения каких-то правовых норм, ибо условием соблюдения правовой нор-

мы является рациональная психология человека, имеющая какой-то опыт метафизического импульса воли, то есть наличия расовой памяти, где бессознательные мотивации субъекта отталкиваются не от животного инстинкта самосохранения, а от нравственного опыта индивидуального переживания высших ценностей.

Когда мы размышляем над аналогами исторических событий, произошедших в России в XX веке, то находим их, например, в отдаленном прошлом др.греческой цивилизации. Наиболее вероятным историческим фрактальным подобием, в нашем понимании, является нашествие дорийских орд на ахейское государство, когда ахейские города были разрушены, а на территории бывшего государства утвердились варвары. Понятно, что все исторические сведения о дальнейшей судьбе ахейцев исчезают, поскольку Темные Века не предполагают каких-то коммуникаций между разумными людьми, ибо варвары выражают неразумный образ жизни, лишенный взаимосвязи с историческим духом времени. С другой стороны, то, что является исключительно важным в понимании процессов расовой катастрофы, — это то, что начала восстановления государственности на территории бывшего ахейского государства начинается с возникновения лигаристических союзов, то есть военно-патриотических образований, где метафизический импульс воли пробивает себе дорогу патриархальным образом жизни спартанских союзов. Очевидно, что взаимосвязь между разумными индивидуальностями в среде варваров, первоначально, возникает как военно-патриотическая организация, поскольку начала нового патриархального быта требуют насилия воли над нравами варваров, по крайней мере, в области моральных ценностей, практически полностью отсутствующих в неразумной душе. Аналогичным образом, и рыцарские ордена

в Западной Европе возникали в среде варваров в качестве военно–патриотических союзов, то есть замкнутых кастовых образований. Ведь кастовый принцип лигаристического союза является «фильтром», который не пропускает в свою среду человека матриархального склада психики, это болтливое безвольное существо, которое способно существовать только в неразумном социуме.

Когда мы рассуждаем о Темных Веках в современной России, то наш метафизический импульс воли упирается во что–то устойчивое в исторической расовой памяти, когда, с одной стороны, мы осознаем впереди тысячелетний период развития новой модели цивилизации, русско–сибирской, а с другой, испытываем взаимосвязь с тысячелетним историческим прошлым русской истории. В этом случае наша расовая память указывает нам на опыт мирового разума всех цивилизаций, начиная с др.восточных и заканчивая западноевропейской моделью ее развития, где русская история является прарасовым опытом становления нового магистрального пути развития мировой истории. Рассуждая в пределах исторической концепции Шпенглера, можно сказать, что псевдоморфоza петровской культуры в наше историческое время закончилась вместе со сворачиванием доминирующей рациональной модели развития западноевропейской системы мировой цивилизации.

Глава 6

То, что характеризует судьбу европейской цивилизации, начиная с развала СССР, – это великое переселение народов, которое определило исторические события, когда кочевники и полукочевники хлынули с территории бывшего соц. лагеря в сторону территории западноевропейских государств. Понятно, что как это имело место в исторических

событиях между гибелью Римской империи и погружением Западной Европы в Темные Века, более цивилизованные народы примыкали своими территориями к Римской империи, однако, с другой стороны, были в большей степени подвержены моральному разложению, которое характеризует процесс расовой катастрофы, протекающей в конце существования античной цивилизации. Собственно, кочевники периода великого переселения народов во всех исторических событиях сворачивания одной рациональной модели развития и появления другой модели являются именно зловещими провозвестниками начала Темных Веков.

Когда мы сравниваем государственную основу Российской империи до нашествия большевистской орды, то понимание того, что это именно русское государство ни у кого не вызывает сомнений. И дело здесь, конечно, не в этнических различиях народов, проживавших на территории Российской империи, а в том, что русские всегда исторически были оседлым народом, который формировался на основании честного методического труда. Однако с нашествием большевистской орды моральная ситуация на территории бывшей Российской империи кардинально меняется. Как известно, достаточно длительное время единственным при советской власти историческим «документом», свидетельствующим о существовании какой-то «истории» России, являлась «Краткая история ВКП(б)». При этом, если адекватно оценить марксистское учение с точки зрения исторического разума, то аналогом его в Темные Века может служить какая-нибудь манихейская секта. Вследствие почти столетнего ига кочевников, психология оседлого образа жизни была практически вытравлена из подсознания человека в России, когда жизнь постепенно стала базироваться на психологии варваров Темных Веков. Торговля сырьем, совершенствование военных техно-

логий и, связанных с ними, военных областей науки, стало основой кочевого образа жизни, в котором следы русской нации практически теряются.

Современное положение доминирующей мифологии массового сознания трансформировалось из религиозной веры — в веру в научно–технический прогресс, который, однако, не выражает позиции современного исторического разума. Только так можно объяснить тот исторический факт, что маленькая агрессивная секта большевиков смогла политически утвердить свою антирелигиозную власть в огромной стране, где подавляющая часть людей были православными верующими. Собственно, момент перехода веры из непосредственного сакрального переживания в область наивной мифологии характеризуется именно угасанием взаимосвязи сознания с метафизическим импульсом воли, который протекает в патриархальной психологии человека. Таким образом, миф о спасении определяет массовую психологию человека, которая всегда характеризуется той или мерой матриархальной доминанты. При этом формирование нового массового мифа происходит в результате перехода авангардных позиций разума в область его арьергарда, «переплавляя» патриархальные инстинкты человека, связанные с его бессознательным инстинктом смерти, в матриархальные нравы жизни, которые определены инстинктом самосохранения. В результате, в бессознательной человеческой психике постоянно «бурлят» импульсы воли и влечений, однако последние, очевидно, характеризуются определенной стабильностью и повторяемостью, являясь основой для формирования определенных привычек, и, собственно, формирования быта. Влечения вводятся в состояние «привычных» действий наименьшим действием усилия воли именно определенной мифологией сознания, тогда как максимальное усилие метафи-

зического импульса воли, наоборот, характеризуется почти полной утратой веры, и, наоборот, максимальной активностью разума. В этом смысле, невозможность спекулятивной мысли понять современные исторические события с точки зрения объективного разума, к которой всегда стремилась западноевропейская философская школа, начиная с Декарта, состоит в попытке полагать равноправие бессознательных импульсов воли и бессознательных импульсов влечений.

Наше понимание явления расовой катастрофы определяется в качестве бесконечного ослабления действия традиционного морального закона, когда его опора на метафизический импульс воли невозможна в силу «ускользания» героического сознания в иную рациональную модель цивилизации. В результате невозможности действия исторической воли в системе иррациональных коммуникаций массового общества, сознание человека стремится полностью раствориться в монотонности влечения, вследствие чего и возникает правовой и психический инфантилизм массового сознания. И если в Темные Века западноевропейской цивилизации этой опорой обыденных представлений была теология, отрицающая эстетическую прерогативу метафизического созерцания реальности, то в Темные Века новейшего времени опорой этих обыденных представлений является вера в научно-технический прогресс, аналогичным образом отрицающий эстетическое сознание субъективных рациональных конструкций существования воли.

Процесс расовой катастрофы является периодическим в истории мировой цивилизации, определяя собой гибель одной рациональной модели и становления ее новой модели. Катастрофические последствия, сопровождающие процесс расовой катастрофы, а именно: нашествие вар-

варов, исчезновение действия традиционных моральных норм, перемещение центра интересов человека с разумного на неразумное, — все это суть исчезновение метафизики воли. Ведь метафизика воли — это авангард патриархальной нравственной жизни разумной субъективности, в которой рациональный объект сокрыт для настоящего сакральным существом времени существования мирового исторического духа. Этот объект может быть только эстетически структурирован, поскольку психический императив воли — это неподвижность инстинкта смерти в героическом усилия духа быть, которое требует максимального мужества от человеческой души.

Когда мы размышляем над причинами, которые дали возможность советской власти существовать почти столетие, то находим их в началах героического сознания, которое сформировалось как необходимость присутствия патриархального начала жизни человека. Это патриархальное начало было сформировано официальной героизацией активности большевистской орды на территории бывшей Российской империи, когда кочевники требовали рассматривать в качестве всеобщего «блага» разрушение старого патриархального быта, то есть разрушение многовековой расовой психологии человека. Таким образом, даже в варварской орде необходима система героизации жизни, поскольку героическое сознание, даже несмотря на неразумное сектантское вероучение, требует хотя бы минимума метафизической активности воли, чтобы строить основы государственности. В противном случае, орда «расползается», поскольку лишена элементарного наличия психологии оседлого образа жизни, что можно было наблюдать после развала СССР. Так, онтологический ритм времени, в котором расовое бессознательное объединяет людей не из при-

вычных житейских представлений, чья обыденная система ценностей не меняется с точки зрения мотиваций с течением тысячелетий, а исходя из приближения или удаления от реализации высшей системы ценностей. Поэтому даже события нашествия разного человеческого орд, разрушение рациональной модели цивилизации и появление на ее территории варваров имеют в своем основании историческую необходимость обновления резервуара высшей психической энергии человека, поскольку эта энергия неизбежно истощается. Интенсивность ее истощения прямо пропорциональна расположению от эпицентра мировых исторических событий, где реализуется или подготавливается реализация высшей системы ценностей. Если метафизический импульс воли существует в эпицентре мировых исторических событий, захватываясь процессом влияния высших ценностей, то высшая психическая энергия человека неминуемо истощается, поскольку постепенно разрушаются рациональные коммуникации, которые их производят. Если же оценить деятельность научно-технического прогресса с точки зрения метафизического импульса воли в мировой истории, то его активность соответствует такому минимуму воли, который с трудом «переваливает» через животное существо человека, фактически же оставаясь в его власти. Отсюда проистекает основная активность интеллекта – получение многообразной научной информации о мире, то есть конструирование «поверхности» понимания бытия. Отсюда, в частности, и проистекает доминирующее представление о происхождении расы *homo sapiens* как продукта истории эволюции происхождения биологических видов.

Единственным проявлением исторической воли русской нации в XX веке была победа во второй мировой войне, которая выразилась в проявлении подлинного духовного му-

жества в мировой истории, то есть в способности защищать самостоятельную модель цивилизации в экстремальных условиях. Так, мы знаем, что позиции фашистского национализма, которые были противопоставлены духу русской нации во второй мировой войне, фактически, были сломлены величием благородства мирового духа. Произошло то, что в принципе не могло произойти с точки зрения человеческого разума: разгромленная нация, чье наличие в исторической реальности полностью исчезло после нашествия большевистской орды, показала максимальную суровость действия разумной воли в мировой истории без какой-либо идеологии, в состоянии оккупации агрессивной ордой, после последовательного и планомерного геноцида. Однако именно так проявляется подлинное мужество духа в мировой истории, когда расовое «добро» проистекает из самых зловещих инстинктов души, пресекая инстинкты мелких «хищников», которые влекутся к наживе, земной власти и животным наслаждениям. Но главное, с точки зрения действия метафизического импульса воли в мировой истории, следует понять, что новая раса *homo sapiens* определила горизонт своего появления в мифологии научно-технического прогресса.

Последствия нашествий различных орд на исторические народы заканчивается либо их исчезновением, либо оттеснением варваров и становлением новой модели цивилизации, которая предлагает миру принципиально новый рациональный проект развития. Понятно, что после нашествия большевистской орды русские могли исчезнуть, поскольку патриархальные нормы жизни не предполагали возможность своего существования в среде кочевников. То, что мы находим в качестве первой попытки восстановления государственности в среде варваров после нашествия

большевистской орды, — это полувоенные союзы, которые получили определение «Союза Советских Социалистических Республик». Понятно, что за этой аббревиатурой скрывалась попытка восстановления государственности на основании новой всемирно-исторической реальности, где фрактал научно-технического прогресса стал интенсивно разрушать основы патриархального быта, строящегося на традиционных религиозных представлениях. Вследствие исчезновения патриархального быта, население бывшей Российской империи стало стремительно возвращаться к кочевой психологии, в которой отсутствовала какая-то взаимосвязь с историческим прошлым. Перелом от психологии кочевника к каким-то зачаточным основам нового патриархального быта, вероятно, следует относить к сталинской эпохе власти, где в определенной степени был преодолен хаос антигосударственности. С другой стороны, очевидно, что огонь веры этой «манихейской» секты ослабевает после разгрома «гвардии» большевистской орды в сталинских репрессиях. Эта сектантская психологии веры начинает поиски возврата к какой-то патриархальной норме, однако, очевидно, что это ей так и не удастся, если учесть рецидив возвращения активности этой орды в 91-году. Таким образом, сталинизм, вероятно, следует рассматривать как первую попытку построения нового патриархального быта практически из ничего, поскольку после интенсивного геноцида большевистской орды над русской нацией ее тонкий слой, определяющий тысячелетнюю историю, был уничтожен, а осколки рассеяны.

В становлении государственности СССР мы находим два фактора: один, крайне негативный, состоит в факте власти морального наследника большевистской орды, партии КПСС; второй, безусловно, имеющий далеко идущую стра-

тегическую основу, состоящий в том, что «советские союзы» формировались в качестве очень грубой структуры подобию лигаристическим союзам. Понятно, что эти структуры не могли иметь будущего, поскольку формировались не на основе исторического разума, а в качестве единства мировой секты с ее прогрессивной верой в науку. Однако в период между распадом старой рациональной модели мировой цивилизации и возникновением ее новой модели всегда огромные массы людей объединяются в различные секты, в том числе и в мировые секты. Это вызвано тем, что в процессе расовой катастрофы традиционные ценности перестают подкрепляться метафизическим импульсом воли в историческом событии, тогда как традиция сама по себе, не связанная с патриархальным началом психики, быстро становится беззащитной перед глумлением и преследованием со стороны агрессивности неразумных сил. Таким образом, название государства «Союз Советских Социалистических Республик» имеет вполне отчетливую структуру подобию лигаристическим союзам, когда государственность формировалась в качестве утверждения военно-патриотического начала жизни. Другое дело, что за основу этого патриотизма была взята идеология, которая принципиально не могла быть предпосылкой для становления новой рациональной модели мировой цивилизации в силу отсутствия в ней объективно-исторической идеи высших ценностей. Поэтому, если начало XX века характеризуется в истории нашествием большевистской орды, то практически весь XX век определяется попыткой осколков национальных сил объединиться.

О структуре лигаристических союзов в мировой истории известно мало, поскольку Темные Века характеризуются отсутствием в них отчетливой позиции метафизического начала воли, когда родоплеменные отношения практически тотально господствуют в человеческих нравах. Но, вероятно, одним из самых главных и принципиальных моментов

их существования является, во-первых, кастовый характер замкнутости внутренней организации, а во-вторых, военно-патриотический момент. Поэтому нет смысла строить какое-то «научное» исследование этого исторического явления, а достаточно найти точку отсчета начальной рациональной основы государства в момент перехода от Темных Веков к Средневековью. Достаточно понять, что лигариристический союз – это плавильный «котел» расового бессознательного, в котором мировая воля истории формирует новые рациональные элементы своей модели развития. Субъективно, в таких союзах человек учится мужеству исторического духа. Объективно, этот союз является первым нравственным опытом новой мировой цивилизации даже тогда, когда новый нравственный закон еще не стал в полной мере основанием духовного начала человеческой души, поскольку понятно, что фрактал научно-технического прогресса, являясь откровением разума в его мифологической основе, будет доминировать в ближайшее тысячелетие

Когда мы размышляем над различными видами современных массовых социальных коммуникаций, то начинаем понимать, что все они существуют за пределами современного объективного исторического разума, поскольку построены на основе низших процессов психики. В этих коммуникациях функции поверхностного рассудка соответствуют работе массового бессознательного, которое не обладает внутри своей психической энергии способностью отображать высшие процессы психики. В активности массового бессознательного человеческое существо является существом животным, хотя это животное существо и социально структурировано в качестве объективности массового общества. С точки зрения истории философии, мы находим причины этой тотальной активности животного

начала человеческого существа в стремлении западноевропейской метафизики достичь максимально спекулятивной основы мышления. Собственно, эта основа и стала причиной возникновения современной массовой социальной модели, поскольку метафизический импульс воли, связанный с классическими ценностями эпохи Возрождения, где основанием было эстетическое мышление, практически иссяк. Следствием этого нравственного разрыва с классическими ценностями Возрождения стало тотальное распространение массовой, то есть неразумной, культуры. Вообще, возникновение доминирующего положения массовой культуры характеризуется потребностью понимать импульс воли исключительно как нечто «человеческое», устраняя из него его метафизическую основу существования разумных начал бытия.

Так, мы полагаем, что в основе рациональной модели каждой мировой исторической цивилизации существует расовое бессознательное, которое отображает накопленный резервуар высшей психической энергии и за счет которой, собственно, и способен функционировать метафизический импульс воли в историческом событии. Накапливается этот резервуар расового бессознательного *homo sapiens* в историческом периоде существования прарасы, где псевдоморфоза (по Шпенглеру) оказывает определяющий характер на государственную модель и уровень научно-технического прогресса в том или ином народе. С другой стороны, этот резервуар расового бессознательного *homo sapiens* медленно смещается с течением веков с одной географической территории на другую, когда мы находим его основные блоки-модели в таких лигариристических конструкциях как: египетско-греческая система, греко-римская система, римско-германская система, наконец, германо-славянская система. Во всех этих системах определяется эпицентр расового бессознательного *homo*

sapiens в онтологическом потоке времени. Система расового бессознательного является отображением онтологии времени homo sapiens определенной исторической эпохи. Под «системой» мы понимаем взаимосвязь перехода импульсов расового бессознательного в непосредственную метафизическую активность воли, которая осуществляется топологическими тензорами сознания как структурами объективного разума.

То, из чего мы исходим в понимании метафизики воли, состоит в убеждении, что в отличие от импульсов влечений, воля активна только в момент трагического восприятия реальности, то есть когда сознание выходит за пределы непосредственной монотонности течения бессознательных влечений. Это отображение реальности в трагическом сознании определяет ритм онтологии времени, а он, в свою очередь, определяет ритм времени исторического. При этом, очевидно, что онтологический ритм времени не может течь прямолинейно, поскольку инстинкт смерти, эта метафизическая точка отсчета действия волевого импульса, из которого он рождается вследствие действия расовой памяти, является неподвижной открытостью сущности бытия, где сущее протекает в качестве присутствия множества метафизических связей фракталов реальности. Мы полагаем, что единство метафизического импульса воли и онтологического потока времени суть единство субъекта и объекта метафизической реальности бытия, в которой сознание топологически «натянута» на присутствие разумной действительности. В результате, речь идет о максимальном присутствии воли к власти рациональной мощи множества метафизических фракталов бытия, топологически упорядочивающих процесс конструирования и структурирования бытия как эстетического целого.

Когда мы размышляем над сакральными силами, действующими в метафизическом импульсе воли, которые не дают возможности психике возвратиться к животному существу души, то находим их в активности совершенно иного начала психики, на основе которого действуют влечения, а именно на основе максимальной активности инстинкта смерти в бессознательном. Так, психика очищается от животного состояния естественным образом, а не вытесняется вследствие воздействия социальной культуры. Это естественное очищение суть движение активности волевого потока, который минимален при отсутствии трагического восприятия, поскольку при отсутствии трагического переживания психикой практически полностью владеют животное существо влечений. Направление этого волевого потока всегда обусловлено последовательностью отображения образа расовой памяти в первичном мотиве действия воли, поскольку бессознательный расовой образ памяти возникает в тот момент, когда активность инстинкта смерти максимальна в психике. То, что объективность сознания метафизического импульса воли является эстетической реальностью, было осознано еще Платоном, который выводил существование идей из множества самоподобных отображений от первичного онтологического первообраза времени, возникающего в расовой памяти. Математической моделью этой структуры, отображающей мировую волю в природе, является фрактал, чья организация самоподобия указывает на ускользающее в бесконечное многообразие первообраза онтологического момента времени становления структуры объекта. Таким образом, постоянное воспоминание – продуцирование этих образов и есть реальность разумной действительности. В результате сакрального действия метафизического импульса воли, разум оказывается объективным «канатом» над бездной субъективности. Реальным основанием действия расовой

морали в непосредственных нравах человека является максимальная активизация инстинкта смерти, который создает отрешенность от влечений. Наоборот, механизм вытеснения влечений формирует интеллектуальную среду массовых коммуникаций. Чем выше плотность массовых коммуникаций, тем ниже плотность рациональных коммуникаций, поскольку в первом случае, максимально активны бессознательные влечения, а во втором случае, максимально активно действие метафизического импульса воли. При этом, массовые коммуникации возникают и расширяются только при условии катастрофического ослабления воли, то есть вследствие процесса расовой катастрофы.

Сворачивание рациональных коммуникаций, которые всегда удерживают взаимосвязь расовой памяти человека с историческим временем, является процессом расовой катастрофы, то есть разрушением основ патриархальной психологии, за счет которой человек является существом оседлым, а не кочевником. И действительно, движение разного рода орд в мировой истории, крупнейших, подобно орде монголов в период существования Золотой Орды, или мелких, постоянно прокатывающихся в государствах, где уровень оседлой психологии человека стремится к нулю, указывает на то, что животное начало человеческой души существует в постоянном конфликте с необходимостью быть разумным существом. С другой стороны, эти орды могут прокатываться и в новейшее время, как это имело место, например, в России в период так называемой «перестройки». Здесь новая орда, подобно орде большевистской, быстро разграбила бывшую собственность СССР.

Особенностью психологии кочевника, в отличие от психологии оседлого человека, является практически полное отсутствие разумных движений души, вследствие чего он является существом матриархальным, то есть лишенным ка-

кой–то взаимосвязи с нравственным законом. Вследствие отсутствия каких–либо разумных движений в душе, то есть отсутствия какой–то отчетливой разумной субъективности, кочевник не обладает волей, то есть каким–то действием в разумной действительности, поэтому его образ жизни не связан ни с историческим прошлым, ни с какой–то разумной исторической перспективой будущего. Так, именно с точки зрения наличия коммуникаций патриархального начала психики, современная Россия существует на уровне Африки, тогда как на уровне интеллектуальном она, безусловно, является европейской страной. Однако магистральное развитие мирового исторического разума протекает именно по «руслу» патриархальной психологии человека, а потому мы и оцениваем современное поле нравственного развития человека в России как Темные Века. Это русло движения мирового разума в глубинах человеческой психики есть свойство расовой памяти человека постоянно возвращать его сознание к нравственному опыту расового прошлого.

Размышляя над возникновением лигаристических союзов в варварском пространстве нравов Темных Веков, мы понимаем, что их возникновение должно происходить полностью за пределами той нравственной дикости, которая доминирует в представлениях массового сознания о ценностях окружающей социальной реальности. Ведь главное предназначение лигаристических союзов – заложить основы для реализации высших ценностей в среде, где отсутствует даже минимальное усилие воли, то есть разумное действие людей в соответствии с утверждением высших ценностей. Заложить – это значит, действовать в соответствии со всем нравственным опытом мировой истории, который протекает в русле патриархальной психологии как определенного исторического «рубежа» мужества духа в реализации высших ценностей.

Любая новая рациональная модель мировой цивилизации начинается с ослабления и исчезновения влияния внешнего воздействия старой рациональной модели, которая сворачивается в силу отсутствия ресурсов расового бессознательного homo sapiens в определенном регионе существования. Так, любой рациональной проект развития мировой цивилизации – это концентрация доминирования высшей психики человека, создающего среду коммуникации, где активны образы мировой расовой памяти человечества. Причем в каждой новой рациональной модели развития мировой цивилизации они различны. Последняя рациональная модель наиболее полно реализовала их в духе классической музыки, где и была поставлена задача познания онтологического потока времени. Собственно, с точки зрения объективного исторического разума, именно субъективность метафизического импульса воли и есть та подлинная реальность, которая является максимально приближенной к онтологическому ритму исторического времени.

Проблема становления рациональной психологии как базовой основы для коммуникаций в среде кочевников является одной из центральных в современной России, а во многом и определяющей в качестве дальнейшей перспективы существования государства. Так, модель государства, которая доминирует в современной России, где социально–политическая активность «натянута» на нравы племенных инстинктов кочевников, утвердившихся на развалинах Российской империи после 17–го года, не способна существовать на основе права, которое содержит в себе какие–то субъективные рациональные основания. Право же, как интеллектуальная схема, которое функционирует в системе массового общества, является «правом» quasi

homo, а не правом homo sapiens, поскольку сложилось в качестве «замораживания» варварских инстинктов в некое жалкое существование, где речь идет даже не о рабстве, а о каком-то бессмысленном прозябании психически ущербных людей, лишенных элементарного усилия воли. В этом сообществе психически ущербных людей происходят какие-то социальные процессы неразумного характера, не имеющего в своей основе никакой современной разумной патриархальной нормы, поскольку этот неразумный социум сложился при советской власти как система, направленная на ликвидацию всех традиционно-патриархальных основ жизни. Поэтому попытка механического возврата назад, к религиозным патриархальным нормам морали, которая предпринимается в наше время, не может дать основания для полноценных начал души, ибо само сакральное существо времени переместилось из традиционно-патриархальных норм религиозной морали в сферу мифологической веры в эмпирическую достоверность реальности. Мы убеждены, что подлинно патриархальные нормы жизни человека всегда существуют в авангардных процессах мировой истории, поскольку так устроена расовая память человека: вспоминая свое духовное прошлое, утверждаться метафизическим импульсом воли в будущем. В противном случае, не обладая взаимосвязью с нравственным опытом прошлых поколений, человек необходимо вырождается, поскольку субъективный разум всегда есть результат определенного усилия расовой памяти человека, возвращающей его бессознательный импульс воли к сознанию нравственного долга.

Размышление над методами, которыми должны пользоваться члены лигарилистического союза по отношению к среде кочевников, приводит к мысли, что аналогом ее могут быть методы большевиков, но только в точности до наоборот. Так, если большевистские банды уничтожали в России

все, что хоть ничтожно малым образом было связано с благородством души, чувством чести, национальной гордости и патриархальной нормой жизни, то нравственное единство людей, чья воля существует в историческом эпицентре мировых событий, требует подавления активности кочевника, которая доминирует через многообразие коммуникаций массовой культуры. Речь идет о формировании такого нравственного пространства реальности, в котором невозможна активность неразумного существа человеческой души, — задача, если оценить ее адекватно, крайне сложная. И, действительно, большевизм, по меткому замечанию Черчилля, являлся «чумой» для всего элементарно достойного в человеческой природе, когда ликвидация всякого человеческого достоинства стала результатом почти столетнего ига неразумного образа жизни в России. Более того, эта «чума» за время своей почти столетней активности в человеческой природе не только не исчезла, если оценить нравственное состояние человека в современной России, но и приобрела масштабы национальной катастрофы.

Если рационально оценить последствия нашествия на Россию большевистской орды, то главным катастрофическим результатом ее активности стало исчезновение национальной воли, которая является признаком существования в государстве основ патриархальной психологии человека. Так, попытка национальной воли каким-то образом упорядочить нравственную жизнь кочевников в грубом подобии лигаристических союзов — «Советском Союзе», была заранее обречена на неудачу, поскольку сектантская вера коммунизма строилась не на патриархальной, а на матриархальной, основе ценностей. С другой стороны, неразумно кого-то винить в состоянии безумия огромных масс людей, потерявших нравственные основы жизни в период расовой катастрофы, когда неспособность обладать разумной волей естественным образом приводит к состоянию нравствен-

ной дикости. Мы вообще не можем рассматривать разум в какой-то известной исторической перспективе в Темные Века, поскольку его новая модель формируется практически из ничего, когда человеческого в этом разуме присутствует бесконечно мало, поскольку здесь историческое бытие существует в своем разрушительном откровении онтологического потока времени.

То, что и спартанский союз, и рыцарские ордена были, в первую очередь, мужскими союзами, объясняется нравами Темных Веков, в которых матриархальная психология человеческой души всегда тотально доминирует. Это доминирование требует присутствия метафизического импульса воли, где разумная субъективность может определить его только в военно-патриотическом союзе, когда патриархальная норма имеет специфику существования мужества духа как основы человеческой коммуникации. Понятно, что мужество духа определяется доминированием в бессознательном существе человека инстинкта смерти, который преодолевает не сам человек, а его расовая память, поскольку очевидно, что все конечные доводы человеческого рассудка о необходимости влечения к жизни разбиваются об этот инстинкт. С другой стороны, расовая память и есть присутствие онтологического момента исторического времени, в котором формируется и объективно действует метафизический импульс воли.

Не может существовать равенства между разумным субъектом и массовым человеком, поскольку первый всегда действует в авангардной позиции мировых исторических событий метафизического импульса воли, а второй — в том, где существует процесс распада психики под влиянием потока монотонных влечений, так или иначе характеризующих его как животное существо. Таким образом, любой

человек всегда характеризуется расовым и массовым началом души, где первое бессознательно вовлечено в процесс действия расовой памяти, а второе – в животный инстинкт самосохранения. С другой стороны, процессы мировой истории постоянно колеблются между активностью новых всемирно–исторических сил, выражающих метафизический импульс воли, и «болотом» массовых инстинктов, к которым отстывает мировая цивилизация в процессе расовой катастрофы. При этом идеология исторического «болота» мировой цивилизации, опирающегося на разного рода социально–массовые структуры, стремится всеми своими ресурсами замедлить инерцию распада старой рациональной модели мировой цивилизации, чтобы дать возможность сформироваться новой патриархальной психологии человека. Именно таково историческое предназначение всех буферных цивилизаций: эллинистической, византийской и современной американской.

Причины, по которым бездействует русская национальная воля в современной России (если, конечно, не учитывать разного рода ее имитации), следует видеть в становлении подсознательных психических реакций человека в современной социально–политической системе государства под влиянием поведенческого архетипа кочевника большевистской орды. Собственно характер этой дикости состоит в отсутствии какой–то элементарной патриархальной нормы жизни, которую необходимо должен иметь человек, если он ощущает себя частью какого–то разумного права и закона. Возникнув как «грязная пена» агрессивных низших инстинктов, излившихся в животных влечениях большевистской орды, эта неполноценная основа человеческой души дала начало той социально–политической активности российской государственности, которая доминирует и в наше время, когда ничего психически здоровое не может проникнуть в социальную систему «авгиевых конюшен»,

производимых неполноценной человеческой душой. Таким образом, становление лигаристических союзов в России должно начаться за пределами этого тотального безумия, которое характеризует массовые инстинкты не знакомые с опытом мирового исторического разума.

Не следует забывать, что опыт Советского Союза был не только негативным, если иметь в виду тот факт, что государство строилось на военно-патриотической идеологии. Понятно, что мифология героизация агрессивных инстинктов большевистской орды, разрушившей Российскую империю, не могла долгое время питать своей безумной истерией массовые инстинкты. Рано или поздно агрессивный заряд биологических инстинктов орды исчерпывается, оставляя после себя нравственную пустыню почти полного отсутствия расового единства нации. Именно эти руины известных представлений о разуме мы и наблюдаем в наше время, когда имитация национальной культуры в массовых инстинктах неполноценной человеческой души вызывает у каждого психически здорового человека отвращение и чувство брезгливости. Таким образом, процессы экономики, на которых поставлен основной акцент в современной социально-политической системе российской государственности, имеют такой же нравственный эффект по отношению к стратегической перспективе будущего развития мировой цивилизации, как и аналогичные процессы в современной Африке, где экономическая активность социума топологически «натянута» на первобытные племенные инстинкты. Таким образом, путь экономической интеграции, как подражание аналогичным процессам интеграции в западноевропейской цивилизации, мы полагаем малоэффективным в развитии новой рациональной модели цивилизации.

Основой современной мифологии мышления является то, что еще несколько столетий назад было основой рационального развития мировой истории, а именно эмпи-

рическое мышление. Фактически же, в нашем понимании, здесь был заложен тот фрактал мифологии представлений о «разуме», который обладает массовой доступностью для человека. И действительно, особенностью такого понимания «разума» является полная отчетливость эмпирического восприятия каждому человеку, поскольку оно не требует от него мужества духа. Именно такого рода психологическое состояние стало основой современной либеральной системы ценностей, которая характеризует англосаксонский темперамент воли, вообще говоря, существенно отличающийся от психологического состояния психики, которое характеризует импульсы воли материковой психологии европейца. Это отличие, в первую очередь, состоит в том, что материковая психология европейца определяется волей как действием метафизики субъективного импульса, который выражает трагическое ощущение исторической реальности. В трагическом ощущении исторической реальности, человеческое как таковое, человеческое как социальное, является минимизированным фрагментом объективных процессов мировой истории, отрицаемом на основании различных рациональных моделей мировой цивилизации, концентрирующихся в субъективной расовой памяти высшей психики. Объективно, в расовой памяти привычка и опыт имеют мало значения, поскольку метафизический импульс воли топологически «натянут» на сакральную неопределенность следующего онтологического момента времени, тогда как привычка и опыт – это то, что характеризуется именно полной определенностью и предсказуемостью во времени.

Раздел III

Онтологический поток времени

Топология фрактальных элементов бытия

Нам необходимо осмыслить определенные объективные структуры онтологического потока времени, в котором зарождается метафизический импульс воли. Ведь сакральное начало бытия существует в этом потоке, оказывая интенсивное влияние через высшую психику на психосоматическое и, в частности, непосредственно физиологическое состояние человека. Именно здесь мы полагаем, что в основе рациональной действительности существует метафизика фракталов бытия, то есть присутствие эстетической картины реальности, где конструкции субъективного разума оказываются топологически «натянутыми» на структуры объективного действия метафизического импульса воли как отображения онтологического момента времени. В этом смысле, когда Ницше рассуждает о философии сверхчеловека, то имеет в виду именно воздействие метафизики воли на соматическую часть души, которая инстинктивно действует в соответствии с восприятием высшей ценности жизни, то есть жизни как отображения разумной действительности (низшие ценности не могут дать ресурсов психики в преодолении бессознательного инстинкта смерти).

Таким образом, с точки зрения психофизиологической, человек отличается от животного тем, что способен мыслить, поскольку процесс мышления и процесс действия метафизики импульса воли есть одно и то же, если рассматри-

вать их с точки зрения онтологического потока времени. Другими словами, фрактальные элементы реальности, образующие, как научную сферу физико–математического понимания действительности, так и сферу метафизического пространства воздействия высших ценностей через непосредственное отображение образов расовой памяти человека, характеризуют понимание бытия как свойства эстетической реальности. В противном случае, то есть в случае разного рода мифологии конечных представлений рассудка, речь идет не о рациональном мышлении, а о его симуляции мышления.

Глава 7

Критерием осознания себя в историческом событии является пространство патриархального духа, в котором субъективный разум человека обнаруживает взаимосвязь с неуничтожимым началом бытия. Так, здесь сложно говорить о «вере», поскольку любая психологическая основа веры, так или иначе, определена в поле бессознательных влечений. Эти влечения взаимосвязаны с социумом как сферой коммуникаций (в том числе и проекцией «небесного» социума на загробную жизнь в религиозных представлениях). А поскольку социум – это область матриархальных коммуникаций, то в патриархальном сознании он воспринимается как мифологическая реальность, в которой объективный разум отсутствует. Вопрос лишь состоит в том, какой матриархальный фрактал реальности является основанием этой мифологии. Если в Темные Века Западной Европы этот фрактал был теологическими представлениями библейского ветхого завета, то в наше темное время – это фрактал веры в научно–технический прогресс. Главное, что их внутренне связывает – это отсутствие метафизического момента

мысли в подобных представлениях, то есть существование философии, поскольку философия существует только там и только тогда, где вера уходит на второй план в силу необходимости исследования скрытой во времени сущности объективного исторического разума.

Что отсчитывает механическое время современной технократической цивилизации? Если вдуматься в ее психологическую составляющую, то есть только один вывод, — ничего. Механическое время не связано с расовой памятью человека, выполняя функцию регулятора социальных процессов, то есть регулятора сознания, проистекающего из динамики животных влечений человеческой души. Аналогичным образом, воспринималось и библейское время ветхого завета в Темные Века, когда его противопоставление духу высших ценностей античной цивилизации утверждало это нравственное единство животных вожделий варваров и расовых вырожденцев, в душе которых разум отсутствовал. С другой стороны, не трудно заметить, что время течения классической западноевропейской музыки и есть время расовой памяти нравственного опыта высших ценностей исторического прошлого, которое концентрирует нравственное сознание, действующее как прообраз новой рациональной модели мировой цивилизации. Если же продолжить объективно рационально оценивать механическое время существования массового социума, то это отсутствие какой-то разумной цели его существования в мировой истории объясняет нам известную идею Ницше о «смерти бога». И действительно, понятие «бог» является прерогативой не только монотеистической веры, но и основанием старой рациональной школы метафизики великих научных открытий, когда метафизическая мысль существовала именно за счет представлений об абсолютности простран-

ства и времени. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что это представление об абсолютности пространства и времени является бессознательной проекцией монотонности влечений животного существа человеческой души, которое обладает достаточной стабильностью и предсказуемостью для контролирующей деятельности интеллекта. Ведь представление о «вечности» механических законов Вселенной проистекает из инстинктивной взаимосвязи человека с наблюдением за собственным инстинктом самосохранения, который и есть нравственно–психологическое основание эмпирической философии.

В понимании рациональной идеи Ницше о «смерти бога», мы должны осознавать ее в качестве современного рационального понимания существа научно–технического прогресса, который отображает собой взаимосвязь между двумя топологически–рациональными моделями мировой цивилизации. Одна из них, западноевропейская цивилизация, существующая в состоянии инерционного распада, вторая, русско–сибирская (по терминологии Шпенглера), находящаяся в первой стадии самоидентификации в эпоху Темных Веков. И здесь следует указать на эстетическое противопоставление Ницше дионисического начала души в эпоху становления рациональной модели античности – христианской мифологии морали. Если учесть, что религия Диониса на ранней стадии своего возникновения выражала два экстремальных состояния человеческой души: первобытный ужас перед всей полнотой ничем не ограниченного бессознательного инстинкта смерти, с одной стороны, и бесконечный восторг перед всепоглощающей глубиной жизненной мощи откровения первородных сил природы, проистекающих из этого инстинкта, то тогда мы поймем, чем в действительности является метафизический импульс воли в мировой истории. Он является способностью бессознательного инстинкта смерти человека топологически

«натягивать» на себя объективно структурно упорядочивая метафизическое существо воли.

Нам необходимо понять, что значит новое откровение метафизики сил природы в онтологическом потоке времени, поскольку это новое понимание природы в контексте ее метафизического начала происхождения. Это то, что Шопенгауэр называл «мировой волей», то есть фрактальной действительностью многообразия топологического «сворачивания» и «развертывания» метафизическими фракталами определенной плотности тензоров сущего бытия. В этом процессе сворачивания и одновременного развертывания тензоров текучей метафизики подвижности сущего, безусловно, присутствует неоплатоническая основа метафизического понимания сакрального начала времени как первообраза бытия, возникающего в качестве его неподвижности в созерцании сознанием, находящего под воздействием высшей психики. Фактически, появление образов расовой памяти, которые характеризуют действие разума, осуществляется за счет тензоров напряжения между высшими психическими процессами души и непосредственным процессом мышления. В такой системе расовая память осуществляет процесс становления метафизического действия воли, то есть разумную действительность, в которой существует объективность определенного горизонта бытия, стянутого к локальной точке момента времени.

Одной из причин отсутствия самостоятельной модели развития цивилизации в России является полное отсутствие философской рациональной школы исторической мысли, когда грубая стихия агрессивных инстинктов здесь воспринимается как «воля», а интеллектуальная поверхностная схема всегда требует какой-то опоры на «веру». То, что воля действует только тогда, когда она опирается не

на веру, а на наличие в себе разума, не имеет опыта в нравственно-правовой основе человеческих отношений в русской истории. Однако подлинно национальный опыт истории требует именно такой психологической основы коммуникаций, когда действие метафизического импульса воли не предполагает какой-то веры в силу своей авангардной позиции в мировой истории. Более того, национальная воля всегда присутствует в наивысшей экстремальности переживаний исторического времени, настолько интенсивной, что в этой интенсивности исчезает все человечески-конечное, то есть привычное и устойчивое в какой-то знакомой системе исторической традиции.

Когда мы рассуждаем об авангардной сущности патриархальной мысли, то имеем в виду не веру в какую-то традицию, а способность субъективной воли человека преодолевать историческое безвремяе, которое всегда характеризует процесс расовой катастрофы. Фактически же, патриархальная мысль всегда обращена к расовой памяти человека, то есть существует как непрерывный процесс обновления нравственной сущности человека в качестве вечно изменяющегося направления и содержания онтологического потока времени. Понятно, что онтологический поток времени не имеет никакого отношения к механическому времени, поскольку механическое время течет в соответствии с математическим пониманием длительности, в независимости от духа исторических событий, тем самым нивелируя все события до уровня ценностей массовой цивилизации, за которым угадывается бессознательная монотонность влечения.

Мы полагаем, что метафизический импульс воли, который проецируется в историческое событие, характеризует не-человеческий ритм времени, то есть онтологический поток времени имеет мало ассоциативных связей с сознанием временной длительности, которая характеризует

рассудочное мышление человека, не испытывающего на себе влияние высших процессов психики. Так объясняется, например, тот факт, что мы мало что знаем о характере исторических событий в различные времена Темной истории человечества, поскольку в них отсутствует активность воли как проявления разумного существования человека. С другой стороны, исторические эпохи, где разумная воля человека активна, наоборот, поражают множеством мелочей и деталей происходивших исторических событий. Для этого достаточно сравнить, например, события западноевропейской истории, начиная с VII в. и до XIV в., с событиями, происходящими в Римской империи в период правления Ю. Цезаря, которые происходили почти тысячелетие до этого. Так, архитектура исторических событий, в которых проявляется воля разумного человека, всегда является отчетливой, выражая какую-то пластическую отточенность топологии человеческих характеров и целей исторических личностей, как, впрочем, и всего разумного смысла происходящего. Первое, что характеризует эту пластику исторического события в динамике разумного действия воли, — это эстетическая неповторимость эмоциональной окраски индивидуального характера исторической эпохи, тогда как эстетически-индивидуальное отсутствует в том историческом времени, где разумные действия людей практически не имеют места. Причины такой безликости исторических эпох, где разум человека почти отсутствует, объясняются с точки зрения полного доминирования в человеческой душе низших инстинктов, следствием чего и является отсутствие какой-то эстетической картины реальности. Ведь эстетическая картина исторической реальности формируется эстетическим созерцанием, которое есть единственная сфера мышления, не разрываемая воздействием постоянного влияния инстинкта смерти на психические процессы бессознательного. Когда же метафизический импульс воли

ослабевает в период распада рациональной модели мировой цивилизации, то вместо классических форм искусства и пластической эстетики непосредственного быта человека мы обнаруживаем агрессивный иррационализм красок умирающего могущества этой модели, где критерии красоты исчезают, уступая место крикливой истерии животной жажды жизни разного рода проходимцев и варваров. В эти смутные времена господствует богиня «удачи», то есть матриархальный инстинкт жизни. Мысль становится поверхностной, хотя ее абстрактность значительно увеличивается. Однако в этой абстракции уже нет разума, поскольку поверхностный интеллект не может производить новые идеи, являющиеся следствием активности метафизического импульса воли в событиях мировой истории.

Национальная воля действует только тогда, когда она отображает авангардные позиции разумного духа мировой истории. Авангардные же позиции разумного духа могут быть только следствием активности патриархальной психологии человека. Так, если последней доминантой активности патриархальной психологии человека в мировой цивилизации были основы метафизики фундаментальной науки (по крайней мере, до XIX в.), то в новейшее время, как мы видим, эти патриархальные принципы уже не работают. В первую очередь, они не работают, поскольку исчезло сакральное ощущение исторического времени, в котором разумная воля субъекта способна находить свое объективное содержание, нравственно оправдывая свою жизнь. Если же учесть, что русская национальная мысль постоянно находилась под влиянием внешней (западноевропейской) рациональной школы философской мысли, когда последняя медленно угасала в нравственном существе протестантской этики, то и угасание традиционного патриархального русского духа под влиянием этой этической системы ценностей становится понятным в последние века, начиная

с петровских реформ. Таким образом, необходимо понять, что разрыв с этой угасающей этической системой ценностей должен дать новый нравственный потенциал мировой истории в устремлении разума к новому историческому горизонту высших ценностей. Именно с этой точки зрения и следует понимать «прелюдию к философии будущего» в субъективном разуме Ницше.

Чтобы подчинить себе народы, для которых разлагающаяся протестантская этика экспортируется как примитивный суррогат активности низшей человеческой психики и поверхностного интеллекта, используются средства массовых коммуникаций, в которых отсутствие разума становится условием социальной адаптации человека в технократической цивилизации. Однако полагать, что кто-то злонамеренно экспортирует эту низкокачественную культуру, нет разумных оснований, поскольку аморализм по отношению к традиционной патриархальной норме жизни всегда характеризует распад старой рациональной модели мировой цивилизации, где расовая память исчезает, то есть исчезают начала субъективного разума. Вследствие исчезновения полноценной расовой памяти в высшей человеческой психике возникают мифологические представления об истории и ложное представление о высшей расе, примером которой может служить арийская теория. В действительности же, высшей расой является раса *homo sapiens*, чье появление и исчезновение проходит все стадии развития, начиная от Темных Веков и заканчивая инерцией распада рациональной модели, то есть то, что мы наблюдаем в наше историческое время в западноевропейской модели цивилизации. Так, очевидно, что высшие человеческие ресурсы являются не биологическими, а психическими, выражая метафизику действия онтологического потока времени, где, вообще говоря, малоактивна человеческая вера, но необходимо существует

мужество духа, контролирующего действие метафизического импульса воли.

Необходимо различать два, полярно противоположных по своему действию, резервуара психических импульсов человеческой души: высших и низших. Если высшая психика, так или иначе, определяет сферу активности воли, то низшая психика выражается в активности влечений. Здесь необходимо различать, в частности, деление на матриархальную и патриархальную природу человеческой души, о которой рассуждал еще Платон, утверждая, что эти две стороны человеческой души симметрично присутствуют в психических импульсах, оказывая противоположное влияние на мотивацию действий человека. Когда же пытаются легкомысленно пренебрегать этими сложными процессами психики, сводя активность психики исключительно к животной физиологии, то фактически пренебрегают разумным началом души. Другими словами, если высшая психика пассивна в глубинах бессознательного существа человека, то низшая психика постепенно сводит ритм человеческой жизни к одним влечениям, где онтологический поток времени отсутствует полностью. Так, собственно, само понимание человеческой души может существовать только тогда, когда психические импульсы определены инстинктом смерти как неподвижностью бытия в сущем, и тогда душа есть, то есть существует определенность онтологического потока времени, на который топологически «натянута» эта неподвижность.

Таким образом, национальная воля является следствием авангардных позиций существования расы *homo sapiens*, то есть выражением магистрального пути развития мировой цивилизации. При этом должно быть очевидным, что система коммуникаций расы *homo sapiens* формируется, прежде всего, в сфере психологической как отображение достаточной активности метафизического импульса воли.

Если же учесть, что идея о «смерти бога» относится у Ницше, в первую очередь, к метафизическому понятию «бога», то речь, следовательно, должна идти либо о конце метафизики вообще, либо о новой метафизике. Но новая метафизическая школа мысли всегда взаимосвязана с новой моралью, какие бы неожиданные позиция не занимала эта мораль. Причем в самом понимании морали мы должны разделять ее массовое и расовое начало, то есть матриархальную и патриархальную основу психики в человеке и, соответственно, его субъективную мотивацию поведения. Если массовая сущность морали всегда отображает активность влечений человека, то расовая сущность всегда выражает метафизический мотив воли. Понятно также, что массовая сущность морали неразумна, а расовая, наоборот, определяет собой наличие или отсутствие рациональных коммуникаций в мировой цивилизации.

Какой бы неожиданной не была мысль о том, что массовая мораль современной цивилизации существует в развитии научно-технического прогресса, — это действительно так. Мы уже указали на историческую тождественность фрактала теологии и фрактала научно-технического прогресса как две массово-социальных функции матриархальной психологии человека, в которой происходит разложение старого расового архетипа *homo sapiens*. Так, если становление схоластической школы западноевропейской мысли происходило в результате преодоления представлений Ветхого библейского Завета, то и становление современной рациональной школы мысли должно происходить в качестве преодоления веры в научно-технический прогресс как систему ценностей массовой морали социума. Сущностью же этой морали, как мы уже указывали, являются основы протестантской этики как условия действия воли в методическом честном труде, который предполагает социальное равенство людей. Однако очевидно, что принцип

равенства и свободы, культивируемый в массовом социуме как моральной гарантии этого честного методического труда, мог выражать некое равновесие между патриархальными и матриархальными психическими импульсами только при условии веры в божественное откровение бытия, то есть в определенной взаимосвязи с метафизической философской школой рационального мышления. Это позиция объективного исторического разума по Гегелю. Здесь следует помнить, что историческое общество Гегеля имело все-таки не матриархальную, а патриархальную основу коммуникаций, то есть это было расовое общество.

Когда мы утверждаем, что принципиально новые субъективные основы разума следует осознавать в философии воли к власти Ницше, то имеем в виду, что его понимание нигилизма является максимальным сосредоточением объективности разума на центральной основе гегелевской диалектики мышления, на принципе отрицания отрицания. Такого рода акцент на объективно-рациональной структуре гегелевского «ничто» проистекает у Ницше из одной из основных идей философии Шопенгауэра как противопоставления воли и представления. Фактически, метафизический импульс воли как онтологический поток времени всегда противостоит любой ограниченности представлений, поскольку представление формируется социальной ограниченностью коллективного знания своей исторической эпохи. Чтобы быть в авангарде событий мировой истории, объективный разум необходимо должен «разрывать» ограниченность коллективных представлений своей эпохи как определенную мифологию сознания массовой души. Однако этот разрыв не может приводить к отрицанию метафизической иерархии бытия, как это имеет место в учении марксизма, поскольку в марксизме речь идет об окончательном

сворачивании основ патриархальной психологии и ее полной заменой психологией матриархальной. Этим можно объяснить то, что в основе исторических представлений о мировой истории в марксизме ее движущей силой определена активная человеческая масса, то есть неразумная сила.

Когда мы рассуждаем о патриархальной психологии человека, то рассматриваем не аспект веры, который необходимо относить к области матриархальной психологии, а аспект максимальной активности импульса воли. Только в такой реальности может существовать разумная действительность как взаимосвязь субъектов в качестве наличия разума в самом моральном договоре, чья сущность, если оценить ее в вере в научно-технический прогресс, действительно выходит за пределы добра и зла. Таким образом, субъективные рациональные суждения «по ту сторону добра и зла» предполагают, что современная метафизическая мысль должна противопоставить вере в научно-технический прогресс такую объективную сущность разума, которая определяется как моральная основа иерархии бытия. Мы такой основой моральной иерархии бытия полагаем метафизический импульс воли в онтологическом потоке времени. Другими словами, мы утверждаем, что метафизический импульс воли формируется не уже ставшей традиционной верой в научно-технический прогресс, а, наоборот, преодолением этой мифологии об исторической сущности разума. Собственно, исчезновение всех известных традиций в мировой истории связано именно с разрушением внутри их связей тончайшего слоя патриархальной основы метафизики импульса воли, который и гарантирует существование самой традиции в мировой истории. Таким образом, именно на основе патриархальной психологии традиция и функционирует как стабильная система ценностей в историческом времени. Однако, как только патриархальная психология разрушается, то иссякает и ме-

тафизический импульс воли, и начинается трансформация традиции в матриархальную систему ценностей, в который неизбежно исчезает разум. Следствием исчезновения активности патриархальной психологии человека, является возвращение его психики к непосредственным влечениям животного начала души, когда признаки оседлой жизни исчезают и человек становится кочевником. Причем не принципиально, какой уровень абстрактной мысли имеет место в мышлении кочевника, — его душа не обладает разумом, — это основная психологическая причина гибели всех моделей мировых цивилизации. Рассуждать же о расовом доминировании западноевропейской рациональной модели в мировой цивилизации мы можем только в аспекте нескольких последних столетий, поскольку до европейцев эта доминирующая расовая модель действовала в арабской цивилизации, где в тот исторический момент существовал «центр мира».

Обыденные представления о патриархальном духе полагают, что речь идет о чем-то устойчивом, что не может разрушить время. Но в данном случае путают матриархальную сущность традиции с присутствием в ней патриархальной энергии метафизического импульса воли. Так, только объективный исторический разум может найти в философии Ницше новую прерогативу патриархальной мысли, поскольку для матриархальной психологии человека эта мысль кажется «иррациональной» и «бессистемной». Вообще, для монотонной активности психических влечений экстремальное состояние психики в трагическом восприятии как условие полноценной психической основы души может восприниматься только как психическая аномалия. И неразумная система представлений о единственности существования массовой психологии человека вполне после-

довательно движется в этом направлении, примером чего может служить «диагноз» чувства любви в современной психиатрии как состояние «болезни».

Проблема дефицита оседлой психологии человека в массовой цивилизации является следствием расовой катастрофы, то есть фактом исчезновения признаков разумной воли в социальных коммуникациях. Мы полагаем, что периодическое возвращение мировой цивилизации в состояние варварства по отношению к разуму, есть следствие распространения в это историческое время кочевой психологии человека. Ведь оседлость образа жизни возникает как определенная система ценностей патриархальной основы души, в которой психические процессы характеризуются мужеством духа быть в той или иной онтологической системе времени, которая характеризует авангардные позиции мирового разума. Вообще, проблема массовой активности кочевников в период расовой катастрофы является следствием разрушения определенной стабильности рациональных коммуникаций мировой цивилизации, когда метафизический импульс воли практически полностью растворяется в бессознательных влечениях. Вследствие исчезновения метафизического импульса воли, происходит и подмена самого понимания существа воли, когда «воля» начинает ассоциироваться с агрессивным возбуждением влечений, которые и становятся основанием для производства разного рода массовых коммуникаций, массовой культуры как, впрочем, и резкого возрастания процесса производства вообще.

Мы, с точки зрения классического понимания рациональной философии, должны дать ответ о происхождении субъективного рационализма Ницше, которому он дал название «нигилизм». И первое, что выражает данная субъективно–

рациональная категория рассудка — это максимальное исследовательское внимание к основному структурному «каркасу» гегелевской диалектики, объективно-рациональному понятию «ничто». Так, собственно, не заметить, что философия Ницше использует структурные элементы предшествующей ему субъективно-конструктивной основы диалектики мышления Гегеля, значит, не обладать разумом по существу. Однако именно подобное отсутствие разума и характеризует весь вал псевдофилософии XX века, стремящейся полностью ликвидировать то, что всегда составляло классическое основание философской мысли, — находиться в авангардных позициях познания бытия. При этом многие не осознавали главной исторической причины, по которой философия Ницше стремилась разорвать со всякой метафизической основой мысли, — заложить ее новое основание.

Когда мы размышляем над главным критерием объективного существа исторического разума, то его понимание необходимо должно выражать отличие человека от животного. Этот момент является принципиальным, поскольку, в противном случае, нет необходимости вообще рассуждать о существовании разума, но вполне достаточно суждений рассудка, которые являются конечными человеческие представлениями в той или иной области мысли. Однако именно в конечных человеческих представлениях и отсутствует исторический разум по существу, поскольку разум неотделим от метафизического импульса воли, то есть от определенной патриархальной психологии человека. Впрочем, эту патриархальную психологию человека как бессознательную базу мы с полным правом можем полагать и психологией рациональной, противопоставляя ее матриархальной психологии, где разум отсутствует.

Мы полагаем, что последней глобально мировой основой патриархальной (или рациональной) психологии, до-

минирующей в процессах мировой цивилизации, была метафизика фундаментальной науки. Она определяла собой тот метафизический импульс воли, который стал основанием распространения научно–технического прогресса во всех государствах мира. Таким образом, если учесть, что законченный рационально–объективный характер исторической мысли в истории философии существует в диалектике мышления Гегеля, то анализ структуры понятия «ничто» этой диалектики, а именно всего многообразия опосредствований рефлексии мысли составляет его присутствие в метафизическом импульсе воли. Именно из этой объективно рациональной основы структуры исторического философского понятия и исходит рационализм воли к власти стратегии развития мировой цивилизации.

Наше объективно–рациональное понимание философии нигилизма Ницше проистекает из метафизики фракталов разумной действительности, когда физические свойства материи в онтологическом потоке времени определены как математические фракталы. С другой стороны, мы не строим иллюзий по поводу жесткого действия матриархальной морали в массовом социуме, суть которой состоит в том, массовый социум требует понимать под «моралью» свою безусловную ценность для мотиваций человека. Аналогичным образом, и ветхий библейский завет в первые столетия Темных Веков был безусловной истиной моральных представлений варваров, а также расовых вырожденцев, то есть лишенных мужества и воли представителей исчезающей античной цивилизации. Понятно, что существо патриархального принципа морального договора кардинально отличается от моральных представлений в матриархальной культуре. В этом смысле, субъективный рационализм Ницше фрактально исторически подобен рационализму неоплатонизма Плотина. Собственно, и субъективный рационализм Ницше также является новым рубежом неоплатонизма, од-

нако в аспекте понимания существа метафизического импульса воли к власти разума в мировой истории как рациональной стратегии развития мировой цивилизации с точки зрения расовой памяти (вечного возвращения к ее истокам в высших процессах психики).

В философии Ницше речь идет о проблеме разложения патриархальной, то есть рациональной мысли, которая доминировала последние века в метафизике науки. Здесь выявлен основной элемент противоречия исторической мысли в качестве динамики противоречия между представлением и волей. Так, по существу, позицию развития мирового исторического разума мы должны понимать не в аспекте веры во «что-либо», а в аспекте метафизического импульса воли в историческом событии в «чем-либо». И действительно, чтобы каким-то образом существовать в соответствии с инстинктом самосохранения, человек должен представлять себе определенную систему «спасения»: жизни ли, духа ли, души ли, то есть созерцать не трагическую перспективу метафизического действия воли, в которой он обречен как живое существо, а обладать какой-то системой «стабильности» представлений о чем-то «вечном». И здесь не принципиально, о каком типе «стабильности» идет речь: о загробной ли жизни души после смерти, что предполагает религиозная мысль, или о безусловной ценности общества, построенной на «стабильности» экономических процессов, которые гарантируют человеку его биологическое выживание. Важно, что подобного рода «стабильность» определена монотонностью течения бессознательного влечения как состояния души, принципиально дистанцирующегося от ее трагического состояния, в котором формируется психическая основа воли.

В понимании сущности нигилизма, которое приобретает у Ницше онтологический смысл, мы должны осознавать, что в европейском нигилизме противоречия между волей

и представлением становятся основой «уничтожения» старой школы метафизической мысли. Так, метафизическое уже не может мыслиться как субъективное приведение к какой-то системе понятий или категорий, которые имеют научный смысл, поскольку новая рациональная модель мировой цивилизации начинается именно с духовного откровения бытия в онтологическом потоке времени, где право на существование низшей психики человека исключено. То, что природа этого откровения бытия еще не обжита и не осмыслена в историческом мышлении, приводит к полному забвению патриархальной психологии в ее традиционных представлениях. Однако даже практически полный разрыв с началами протестантской этики и метафизики науки у Ницше сохраняет взаимосвязь с основным структурным элементом гегелевской диалектики мышления, с рефлексией опосредствования ничто. Понятие «ничто» у Гегеля выражается в способности трансцендентной сущности субъективного разума переходить в объективность бытия, то есть в разумный импульс воли, который снимает спекулятивный момент мысли в бессознательном действии расовой памяти. Но понятие «ничто» у Гегеля — это спекулятивное понятие, которое не вовлекает импульс воли в онтологический поток бытия, поскольку, в противном случае, его историческая концепция не была бы линейной. Другими словами, Ницше полагает основой объективной взаимосвязи гегелевской мысли субъективное действие расовой памяти. А поскольку чистое бытие остается в замкнутой системе спекулятивных понятий за пределами онтологии времени, то и «наука логики» становится не авангардом рациональной мысли, как это имело место в историческую эпоху Гегеля, а ее полноценным «арьергардом». Заметим, что речь идет именно об «арьергарде» полноценной рациональной мысли, а не о «нищете философии», как об этом рассуждали разного

рода мистики–сектанты, подобные Марксу. Собственно, положение мифологии веры в научно–технический прогресс отображает современная геополитическая картина реальности в массовой цивилизации, где инерция распада западноевропейской рациональной модели характеризуется угасанием патриархального духа в доминировании мифологии веры в научно–технический прогресс. Даже мистическое сектантское учение марксизма является в своем моральном существе определенной упрощенной спецификой представлений протестантизма с его верой в методический труд, который оправдывает освободившегося раба–пролетария.

Таким образом, основная имморальная prerogative философии Ницше, его идея о «смерти бога» относится, в первую очередь, к переходу метафизики науки в сферу мифологии, то есть определяет «закат Европы» как трагическое явление метафизического масштаба мировой истории. Именно поэтому в его философии появляется акцент на активности расового существа мысли в мировой истории, которое, правда, остается ограниченным мифологией представлений о «высшей» арийской расе. Но такова позиция конечного рассудка, который демонстрирует субъективную ограниченность позиции разума в качестве границы представления, и которую объективный разум должен преодолеть, чтобы заложить основы авангарда патриархальной психологии новой модели мировой цивилизации. Отсюда и анархическая неприязнь Ницше к государству, которое воспринимается им как «холодное чудовище», поскольку субъективное отрицание нравственной монотеистической основы протестантизма не предполагает более решительного отрицания, а именно отрицания мифологии научно–технического прогресса как рациональной стратегии развития мировой цивилизации.

Особенностью всякой рациональной мысли является то, что она не опирается на какую либо веру в своих положениях, а исследует феномены сущего, являющиеся наиболее актуальными элементами бытия своего исторического времени. Эти элементы для обыденных представлений являются чем-то незначительным как привычная основа традиционной жизни. Таковым, в частности, являлось и представление о воле до недавнего времени. Однако наше историческое время требует рассматривать волю как метафизическую сущность бытия, поскольку именно воля в наибольшей степени отображает психологический контакт субъективного разума с онтологическим потоком времени.

В максимальном пределе метафизического существования, воля и есть онтологический поток времени, из которого происходит и в котором исчезает бытие. Таким образом, любая рациональная модель мировой цивилизации, как архитектурная основа расовой организации человеческой души, выражается в качестве субъективного созерцания этого потока. Понятно, что средства его созерцания определяют архитектуру высших ценностей расового сознания, будь то древнегипетская пирамида, древнегреческая скульптура или классическая западноевропейская музыка. Объективный принцип высших ценностей мировой истории никогда не бывает основой «человеческой» веры, поскольку вера требует конечности представлений, а воля, наоборот, существует только как разрыв с конечностью представлений. Именно поэтому мы находим какую-то «рыхлую» вожденность воли в философии Шопенгауэра, что воля не может быть представлена так же, как не может быть представлен онтологический поток времени. Понятно, что человеческое представление стремится все упрощать в конечных категориях рассудка, понимая волю в качестве разного

рода житейского «мусора», хотя в действительности в этом житейском «мусоре» речь идет не о воле, а о влечениях. Влечения же всегда являются определенным свойством «вожделенности», которая характеризует животную основу человеческой души и в которых социальный рассудок воспринимает «волю» в качестве реальности живого человеческого существа. Однако если вникнуть в нравственный императив воли к власти у Ницше, то мы имеем дело не с животным вожделением, а с тем, что полностью «сжигает» его изнутри, оставляя вместо вожделения его «сухой остаток», инстинкт смерти, натянутой тензорами сознания на метафизику фракталов мировой воли. Мировая воля – это трансформация расового бессознательного через действие расовой памяти человека в область непосредственности метафизического импульса воли, где и формируется топология исторического разума своей исторической эпохи.

Когда диалектика рационального исторического мышления Гегеля определяет основу своего существования в противоречивости самого суждения, то речь идет, в первую очередь, о противоречии между представлением и волей как противоречием между субъективным и объективным разумом. В этом смысле, субъективный разум – это всегда есть мера проникновения в онтологический поток времени со стороны отрицания «человеческого», то есть со стороны отрицания веры, или представления, в которой еще некоторое время назад существовала патриархальная (или рациональная) основа авангардных позиций мирового разума. При этом, мера отрицания «человеческого» характеризует одновременно и меру универсальности рациональной модели, в которой *homo sapiens* структурирует средства своих коммуникаций, поскольку отрицание происходит на основании бессознательной расовой памяти, в которой опыт этого «человеческого» является опосредствованным историческим знанием. Однако, по-видимому, только наше

историческое время характеризуется такой мерой универсальности рациональной модели стратегического развития мировой цивилизации, в которой все локальные свойства этнических различий рас должны быть преодолены. По крайней мере, «ветхозаветный» миф мирового исторического разума «написан», — это история развития научно-технического прогресса мировой цивилизации, которая, как это видно из последних веков мировой истории, разрушила почти все патриархальные нормы жизни народов. Причем мифология «ветхого завета» рационализма новейшей мировой истории «написана» языком эмпирической науки.

Когда метафизический импульс воли разрушает авангардной позицией исторического разума определенную систему традиционных представлений, то они становятся мифологией. Однако очевидно, что до момента разрушения, эти представления также были авангардом разумной мысли, то есть переход представления конечного рассудка в область мифологии влечет за собой структурирование матриархальной (или неразумной) области человеческих коммуникаций. Мифологическая сфера представления стремится замедлить инерцию распада исторической деструкции рациональных коммуникаций. Размышляя над существом воли, необходимо осознавать, что вопрос о происхождении начального импульса воли возник не случайно. Если ранее в истории было очевидным, что воля есть у человека, поскольку существует бог, а человек есть его подобие, то XX век поставил вопрос по-другому: если «бог умер», то зачем тогда жить? И если разного рода материалистические представления нашли какие-то примитивные мотивации жизни человека: в труде, в научном познании, вообще, в каких-то конечных человеческих целях, то исторический идеализм, собственно, исчез именно в силу не-

возможности полагать, что разум и конечный человеческий рассудок есть одно и то же. Ведь существом философии идеализма всегда было разграничение обыденных представлений человека, разум в которых отсутствует, от подлинной сущности исторического разума, отличающей человека от животного. Собственно, в этом, исторически, всегда выражался принцип развития мировой цивилизации, когда конечные человеческие представления в силу наличия разумных начал мышления преодолевались как мифологическая наивность веры. Так было всегда, и всегда в авангард разумной исторической мысли нельзя было «поверить», поскольку она разрушала то, во что верили «все». Более всего, всегда в истории недоверие к содержанию авангардной философской мысли было всегда вызвано тем, что она «копала» под саму основу бессознательного инстинкта самосохранения. В этом смысле, философия потому и имеет свою собственную историю, которая отлична от истории религии и науки, что она в наибольшей степени определяет рациональную психологию своей исторической эпохи.

Если судьба мировой цивилизации в историческом прошлом характеризовалась тем, что на смену старой рациональной модели ее развития приходила новая религиозная вера, которая давала какую-то надежду на спасение человечества, то современная вера эмпиризма в научно-технический прогресс предлагает это «спасение» в полностью материалистическом смысле. Смысл современного мифа о «спасении» состоит в том, что человек как биологический вид должен стремиться к выживанию. Понятно, что такого рода мифология веры не предполагает наличия воли, поскольку воля может быть мотивирована лишь каким-то разумным существованием, что не может предложить матриархальная вера в научно-технический прогресс. Однако начала структурирования новой рациональной модели мировой цивилизации в истории всегда лишены воли, ибо

новая мифология веры рождается не из психического импульса воли, а из психического импульса влечений. А воля и влечения имеют диаметрально–противоположные начала психики: высшие, сводящиеся к инстинкту смерти, и низшие, обусловленные инстинктом самосохранения.

Таким образом, когда мы утверждаем, что история метафизики переместилась на исследование сакрального существа импульса воли, то полагаем, что именно здесь сконцентрировался онтологический поток исторического времени. Причины этого перемещения лежат на поверхности. Если «бог умер» как безусловный нравственный договор между людьми в мировой истории, то мотивации воли становятся не просто проблематичными, но и метафизически проблематичными, если исходить из того, что человек является существом разумным. Также становятся понятны и начала новой школы рациональной мысли, которые в наибольшей степени заложил Ницше, полагавший, что разум есть, в первую очередь, основа неравенства между людьми, пролегающая через различную интенсивность индивидуального волевого усилия. В этом смысле, его образ «хищника» как человека высшего типа, обладающего максимальной волей в мировой истории, характеризует ликантропию сознания в качестве противопоставления всем видам исторической социальной морали. Заметим, что в этом вопросе философия Ницше является новым родом неоплатонизма, правда, резко разрывающим с известным пониманием философии Платона, которое формировалось в средневековой схоластике как определенная «опора» христианских ценностей на учение Платона о бессмертии души. В действительности, философия Ницше продолжает интуитивное понимание начала воли у Шопенгауэра, который пытался синтезировать трансцендентные представления о разуме философии Канта и «беспредпосылочный» принцип философии Платона. То, что усилия этого синтеза закончились резким

«креном» в сторону преимущественно философии Канта, философия Ницше «исправила», когда полностью ликвидировала «право» социальных моральных представлений на существование. В результате этого «исправления», исчез и дуализм исторического морального сознания, в котором существуют два противоположных полюса морали: метафизический – бог и человеческий – право. Право как божественный закон упраздняется в имморализме философии Ницше, переводя его в моральные принципы матриархата. Именно за эту позицию резкого отрицания всех видов моральной мифологии, в том числе мифологии веры в ценности Просвещения Ницше и получил в представлениях новейшей псевдофилософии статус «иррационалиста», поскольку весь XX век характеризуется процессом расовой катастрофы, то есть сворачиванием рациональной модели развития западноевропейской цивилизации, в которой исчезает метафизический импульс воли, и утверждается тотальное право конечных человеческих представлений. С точки зрения процесса расовой катастрофы, философия Ницше утверждает необходимость возврата к началам расовой памяти. Это и есть основание метафизического начала воли в качестве присутствия онтологического потока времени, который устанавливает психическую норму в трагическом восприятии бытия. То, что эта норма не является таковой для матриархально–социальных представлений, вполне естественно, поскольку матриархально–социальные представления требуют незыблемости своих социально–моральных норм во времени, а таковые, наоборот, полагаются мифологическими в метафизическом импульсе воли. Вечное возвращение и, можно сказать, топология «круговращения» онтологического потока времени в бытии не предполагает дуализма мысли, поскольку субъект и объект здесь не обладают статусом чего–то абсолютного.

Глава 8

Наше понимание философии Ницше как новейшего неоплатонизма мысли имеет свою основу в безусловной предпосылке метафизического импульса воли как начала иерархии структуры онтологического существования бытия. Бытие в нашем понимании, является множеством фракталов реальности, которые топологически «стянуты» в метафизический импульс воли в качестве определенного напряжения тензоров существования объективного разума. Эти тензоры суть моральные основания патриархального существа человека, которое постоянно меняется в онтологическом потоке времени, не давая возможности конечным представлениям рассудка «застыть» в их нравоучительной замкнутости. Онтологический поток времени неизбежно стирает все конечные представления о добре и зле, оставляя вечным только одно — процесс бесконечного возврата к расовой памяти высших ценностей исторического прошлого, из которых каждая новая рациональная модель развития мировой цивилизации черпает идею своего существования.

Когда мы размышляем над новой рациональной моделью мировой цивилизации, которую условно, используя терминологию Шпенглера, мы определяем как «русско-сибирская» цивилизации, то основную причину необходимости ее появления видим в особенностях расового бессознательного, которое исторически сложилось в истории российской цивилизации. Эта особенность состоит в «консервации» расового опыта античной цивилизации, который был временно заблокирован, первоначально, христианской моральной системой ценностей, а затем и системой ценностей европейского просвещения, с его верой в научно-технический прогресс. Понятно, что в процессе воз-

вращении к расовому опыту античности не может быть и речи о какой-то реставрации ценностей античности. Речь идет о восстановлении взаимосвязи с духом исторического времени, в котором произошел разрыв вследствие расовой катастрофы, то есть вследствие резкого ослабления позиций рациональной психологии человека. Так, и в судьбе древних евреев, которые в своей прарасовой организации пронесли тускло мерцавший огонь др. восточных цивилизаций в античности, была лишь суровая неизбежность мирового патриархального духа прошлого постоянно возвращать нравственное самосознание человека к его истокам. Именно в контексте нравственной адаптации расового опыта др. восточных цивилизаций к античности и был написан библейский Ветхий Завет. В этом смысле, судьба русской нации характеризуется погружением в мифологическую веру рационализма в научно-технический прогресс, когда полуварварские реформы Петра буквально «изнасиловали» древнейших архетип русского народа этой мифологией веры эмпиризма. Однако мы полагаем, что и аналогичные реформы Карла Великого в аналогичные Темные Века западноевропейской истории были этим полуварварским насилием над языческой культурой др. германцев, когда заставляли верить в нравственные заповеди христианской веры. Другими словами, инстинкт смерти в бессознательных началах человеческой души является тем источником расовой памяти, в которой постоянно «горит» огонь нравственного начала высших ценностей, очень тусклый, если это Темные Века мировой истории, или очень яркий, если это классическая эпоха. Главное же состоит в том, что начало появления этого «огня» высших ценностей в определенную Темную эпоху истории всегда совпадает с его исчезновением в процессе сворачивания «старого» рационального проекта, который характеризуется становлением «буферных» цивилизаций, подобных эллинистиче-

ской, византийской или современной американской. В этих буферных цивилизациях происходит жесткое структурирование матриархальных принципов жизни, то есть фальсификация разума на основании ценностей поверхностного рассудка, который, в основном, психологически отображает ценности мировой «домохозяйки» цивилизации, занимающейся своими «домашними» заботами, то есть экономикой.

Осмысливая судьбу русской нации, которая осталась полностью «одна» в этом океане онтологического потока времени, бурлящего расовой памятью высших ценностей, мы понимаем ее предназначение именно в структурировании новых рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Понятно, что в этой задаче структурирования новых рациональных коммуникаций мировой цивилизации мы имеем в виду не какую-то идею «спасения» человечества. Этот ветхозаветный миф уже «написан» в истории эмпирической науки с ее верой в научно-технический прогресс, и он останется основой массовой культуры на ближайшее тысячелетие. Более того, этот миф неизбежно будут поддерживать те матриархальные инстинкты, которые всегда существуют у подавляющего большинства людей в качестве естественно-биологического инстинкта самосохранения. Задачей же современного исторического разума является отделение этого матриархального инстинкта физиологического существования человека от разумных начал души, которые определены активностью высшей психики.

Разумное право в среде кочевников исключено по существу, поскольку племенные инстинкты кочевников исключают наличие рациональной, или патриархальной психологии. Именно поэтому мы убеждены, что возникновение в России лигаристических союзов, то есть объединение людей, обладающих разумом, является единственной прерогативой существования государства и началом становления новой модели мировой цивилизации. С другой стороны, очевидно,

что отсутствие воли у кочевника характеризует то глубокое нравственное «болото» жизни, в которой ничего не может происходить с точки зрения событий мировой истории, поскольку историческое событие совершается тогда, когда отчетливы позиции разумного человека в непосредственной жизни, то есть существуют какие-то основы рациональных коммуникаций в государстве.

Отделение патриархальной психологии человека от неразумных инстинктов кочевников в Темные Века всегда характеризовалось возникновением кастовой системы союзов, в которых формировались основы новой исторической модели мировой цивилизации. Эту пародию на лигаристический союз мы находим даже в Советском Союзе, за тем лишь исключением, что военно-патриотические начала этой орды-государства формировались на основе мифологии коммунистических ценностей, которые противоположны высшим ценностям, а потому выражают варварскую веру низших человеческих инстинктов, которые определяют эпоху великого переселения народов в Темные Века. При этом мы не должны забывать, что погружение России в Темные Века является следствием появления «ветхого завета» веры рационализма, распространяющегося, первоначально, в своей матриархальной основе в вере в научно-технический прогресс. Можно сказать, что эта мифология матриархальной веры была исторически необходима в распространении коммунизма в России. В этом смысле, коммунистическая секта объединила здесь всю неразумную часть российского населения, однако не смогла «связать» это неразумное целое надолго, поскольку существование всех орд-государств недолговечно, ибо они строятся не на разумной психологии человека, а на животных инстинктах психологии кочевника.

Вероятно, что географические контуры соц. лагеря (здесь следует обратить внимание на адекватность кочевого ума

в способности осознавать кочевую орду как кочевой стан, или «лагерь») должны в исторической перспективе совпадать с новой моделью мировой цивилизации, когда в ней появятся новые рациональные коммуникации. Другое дело, что это будет не скоро, поскольку в современное историческое время отсутствует даже намек на какую-то рациональную перспективу коммуникаций в российской государственности. Как раз наоборот, племенные кочевые кланы, сложившиеся в России за последнее столетие на бывшей территории Российской империи, стремятся вывозить капитал за пределы России, учить своих детей за пределами России, иметь, как правило, еще одно гражданство, чтобы в случае часа «X» быстро переместиться с одной территории на другую, ибо это инстинктивно свойственно всем кочевникам. Они же постоянно льют идеологическую «грязь» на русское национальное самосознание, пытаясь его ликвидировать полностью, чтобы продлить существование как можно дольше своей кочевой социально-массовой системы коммуникаций. В результате, все национальное в этой кочевой социально-массовой системе коммуникаций подменяется матриархальной культурой, то есть основывается не на мужестве патриархального духа как исторической реальности разумной индивидуальности, а на бессмысленной пустой болтовне поверхностных интеллектуалов, которая определяет влечения, а не волю.

Было бы наивно полагать, что современные кочевники, доминирующие в политической жизни России, — это какие-то «враги». Кочевник, как неразумное существо, не является частью истории высших ценностей, а потому не учитывается в ее событиях. Его присутствие как активной политической силы возможно только в Темные Века, где практически полностью отсутствует система рациональных коммуникаций. То, что в кочевой культуре существует свое подобие «юриспруденции», следует относить к специфиче-

ской способности матриархальной психологии настолько глубоко исказить сущность исторического разума, что в ней «черное» легко выдается за «белое» и наоборот. Также следует понимать, что варварская психология постепенно преодолевается в воздействии патриархальной психологии человека на матриархальную психологию. Этот путь развития прошли все исторические народы, в судьбе которых возникла необходимость становления новой рациональной модели мировой цивилизации.

Таким образом, то, чего катастрофически не хватает в России для построения полноценной государственности, — это нравственного воспитания патриархальной психологии человека. То, что мы рассматриваем рациональную психологию в контексте ее первично патриархального начала, вызвано спецификой отношения к рубежу высших ценностей, когда время Темных Веков, являясь историческим безвременьем по отношению к историческому разуму, находится приблизительно «посередине» между последним рубежом высших ценностей и перспективой их нового исторического рубежа. Вообще, понятие «матриархальной» и «патриархальной» психологии человека определяет необходимость оценки начальной стадии формирования новой рациональной модели мировой цивилизации, когда она возникает практически из ничего. В это историческое время психические процессы человека почти целиком погружаются в область низшей психики, когда возникает необходимость оперирования такими категориями, которые характеризуют ее первобытные процессы. Отсюда, и понятие «табу» — у Фрейда, и «архетипа» — у Юнга. Так, как вы видим, западноевропейская школа психологии, в основном, полностью погрузилась в исследования матриархального начала человеческой психики, поскольку исключает динамику метафизического импульса воли как взаимосвязь

с исторической реальностью объективного разума. Ведь все эти понятия направлены на исследование мифологических представлений человека, которые суть социальные представления. В этом смысле, социальная реальность всегда мифологична, как мифологичны разного рода апелляции к обществу по отношению к современному объективному историческому разуму. Попытки же исследования разного рода социальной мифологии исключают главное при исследовании, а именно то, что достижения исследований абстрактного научного рассудка существуют в пределах ограниченности представлений своей исторической эпохи, а потому будут «стерты» онтологическим потоком времени как несущественное представление. Поэтому такого рода «научность» есть не что иное, как расширение абстрактной интенсивности связей поверхностного рассудка, который оперирует информацией, но не рациональным знанием.

Если рационально оценить все исторические процессы в России, начиная с петровских реформ, то основное, что составляет их, – это медленное углубление матриархальной психологии при постоянно усиливающейся деградации психологии патриархальной, когда агрессивность влечений выдается за наличие «воли». Понятно, что в распространении и углублении этой неразумной психологии существовала историческая необходимость, которая состояла в том, чтобы усвоить достижения научно–технического прогресса. Но, с другой стороны, должно быть очевидным, что освоение знаний западноевропейской цивилизации происходило в поле ее низших ценностей, которые всегда выражают, в основном, технологические достижения. Система же низших ценностей всегда направлена на агрессивное разрушения слоев патриархальной психологии других народов, как это имело место, например, в возникновении и утверждении английской колониальной системы. Такого рода «естественное» право, культивируемое эмпирическим

рассудком, стало психологической основой для формирования неразумных коммуникаций массовой цивилизации.

В понимании исторической необходимости возникновения лигаристических союзов как определенной нравственной «кузницы» патриархальной психологии человека в стихии неразумных коммуникаций массового общества, мы исходим из того, что понятие «европейский» уже не ассоциируется в наше историческое время с чем-то исторически разумным. Да, по инерции обыденных представлений, с одной стороны, и возникновения единой мифологической веры в научно-технический прогресс как новой мировой мифологии, с другой, западноевропейский опыт является пока еще определяющим в развитии мировой цивилизации. Однако уже сейчас очевидно, что эта патриархальная психология веры не может нравственно оправдать существование человека с точки зрения мирового разума. Таким образом, необходимо адекватно оценивать современное состояние западноевропейской цивилизации, как определяемое в поле полного исчезновения рациональной сферы коммуникаций, а потому понятие «европейский» не может быть уже в наше время синонимом слова «разумный». Это не говорит о том, что разум более не будет существовать в европейской истории, а лишь то, что теперь необходимо еще доказать его наличие в стратегическом развитии мировой цивилизации.

Когда мы размышляем над эстетической категорией «вечно» в идеи вечного возвращения у Ницше, то понимаем, что вечным является бессознательный резервуар высшей психики человека, который в процессе воспоминания дает нравственный импульс человеку жить. В этом смысле, разного рода мифологические представления эмпирической науки, сводящие активность человека в исто-

рии к сфере индивидуально–социальных и коллективно–социальных мотивов и целей, демонстрируют отсутствие морального расового основания человеческой психики. В понятии «вечно», в данном случае, указывается на постоянный процесс «прорыва» сознания расовой памяти человека к высшим ценностям прошлого как авангарда настоящего. Можно сказать, что высшие слои психики топологически выявляют субъективные конструкции рассудка из «ничего», ибо расовая память, как и онтологический поток времени, практически неуловимы для эмпирического восприятия. И действительно, откуда еще взяться разуму в тот момент, когда не просто все отрицает его существование, но и его историческая сущность является в этот момент полностью фальсифицированной в представлениях рассудка. Именно конечные человеческие представления инстинктивно фальсифицируют разум, ибо стремятся определить свою веру «на века», будь то вера в богов, в единого бога или в ценности Просвещения.

Под разумной действительностью мы понимаем метафизический импульс воли, возникающий под воздействием расовой памяти человека, что кардинально отличает человека от животного, ибо животное подчиняется своим влечениям, то есть жизнь животного протекает под постоянным влиянием животного инстинкта самосохранения. Воля же всегда проявляет определенную меру разумного начала человеческой души, поскольку опирается не на инстинкт самосохранения, а на инстинкт смерти, который мобилизует расовые воспоминания прошлого как историческую взаимосвязь с настоящим. Другое дело, какова эстетическая сила расовых воспоминаний, ибо матриархальные инстинкты человека постоянно ведут свою работу по приведению мыслей человека к мифологии спа-

сения, тем самым подчиняя обыденным представлениям конечных суждений рассудка.

Понимание подлинного расового существа *homo sapiens*, чья мифология существования была заложена верой в научно-технический прогресс, предполагает, что в наше историческое время возникла историческая необходимость отделения от этой мифологии веры в биологическое выживание человечества разумного начала человеческой психики. Расовое существо *homo sapiens*, в нашем понимании, является таким психологическим пространством мировой истории, в котором активны высшие ценности. Однако высшие ценности никогда не бывают взаимосвязаны с «верой». Вера – это состояние матриархального существа человеческой души, которое, так или иначе, предполагает, что задачей человека является «спасение». И в данном случае, не принципиально, о каком «спасении» идет речь: о древнейшей мифологии спасения человеческой души или о современной мифологии биологического выживании человека. Главное, что внутренне взаимосвязывает все матриархальные психологические основы культуры, – это нежелание мыслить, поскольку содержания разума в суждении всегда психологически лишает субъективной веры во что-либо. С другой стороны, очевидно, что переход авангардной мысли в арьергард веры происходит незаметно, поскольку процесс мифологизации сознания в историческом развитии мировой цивилизации предполагает, что к авангардным позициям мирового разума человечество подтягивается уже в тот момент, когда эти позиции стали неразумными. Одним из примеров этого процесса является, например, авангардные достижения научной мысли в открытии физических законов Ньютона несколько веков назад, когда они мало были кому доступны в понимании, и их положение в наше историческое время, когда эти законы изучаются в массовой школе, где они, собственно, стали опорой мифологии эмпиризма.

Специфика русской истории состоит в том, что в ней никогда не существовали самостоятельные начала рациональной школы мысли. Все, что здесь делалось и делается в качестве исторических проектов, является предметом веры, а не предметом воли, а потому почти всегда было обречено на исторический «развал». Ясно, впрочем, что такова вообще активность людей в Темные Века, когда все их действия не имеют разумных мотиваций, а характеризуются активностью, которая определяется полем реальности человеческой массы, где уровень патриархальной психологии стремится к нулю. То, что в этой варварской «массе» людей есть богатые и бедные, не имеет никакого отношения к историческому разуму, поскольку деньги, как самый активный инструмент системы низших ценностей, в момент отсутствия начал патриархальной психологии человека только еще больше подавляют волю. В силу этих исторических обстоятельств, нравственная жизнь в России угасает, следствием чего является катастрофическая депопуляция населения. Она, конечно, угасает во всей мировой цивилизации в той или иной степени, но в России это происходит особенно быстро в силу отсутствия здесь какой-то элементарной адекватности понимания того, что исторически произошло в последние века и что происходит в настоящее историческое время.

Поскольку современная российская жизнь людей является жизнью кочевников, ибо мы не находим признаков устойчивых признаков патриархального начала психологии в современной жизни России, то структурирование новой модели мировой цивилизации здесь должны заложить те принципиально новые политические структуры, которые будут способны воспитывать в человеке нравственное начало. В этом смысле, лигариристические союзы, в которых

всегда формируются рациональные коммуникации новой модели цивилизации, должны взять на себе обязанность по воспитанию мужества духа в человеке тогда, когда массовая культура всем многообразием своих связей приучает его, наоборот, к духовной слабости. В «авангарде» современного тотального слабоумия существует армия интеллектуалов, которые мыслят абстрактно, то есть те, кто не обладает разумом. Понятно, что при условии отсутствия рационального понимания исторических процессов, и, соответствующих этому пониманию рациональных коммуникаций, все нравственно полноценное здесь вырождается, поскольку человек, в отличие от животного, может быть полноценным только тогда, когда в нем активен разум.

Значит, основная нравственная проблема современной российской реальности состоит в том, что вплоть до нашего времени в ней доминирует не разумный человек, а разного рода шаманизм веры. Таковы нравы Темных Веков, поэтому мы всегда должны об этом помнить, когда размышляем над будущей судьбой российской цивилизации. Здесь всегда побеждал не какой-то вид исторического разума, а определенный тип мистического шаманизма веры. В результате, объединив на некоторое время неразумные массы людей, запас веры исчерпывался здесь в силу исчерпания истерии агрессивности матриархальных инстинктов, после чего рушилась и система представлений, на которой основывалась эта вера.

Сознание под влиянием высших психических процессов становится множеством рациональных фракталов, то есть эстетическим множеством психо-энергетических структур перехода от процессов высшей психики в сферу полноценных начал человеческой души, где в течении этого психо-энергетического потока образы расовой памяти трансфор-

мируются в определенную основу рационального мышления. Есть в этом состоянии и ощущение «ужаса», который всегда характеризует ликантропию сознания, поскольку рациональное мышление, в отличие от человеческого рассудка, содержит в себе определенный момент трагического ощущения памяти утраты обыденных представлений, которым оно себя противопоставляет. Таким образом, рациональное мышление по своему определению является противопоставлением позициям обыденных человеческих представлений, которые еще некоторое время назад являлись самым авангардом рациональной мысли.

В понимании онтологической сущности времени, которая формирует различные модели мировых цивилизаций, мы должны осознавать, что расовая мораль имеет принципиально иные предпосылки, чем мораль социальная и мораль религиозная. Если расовая мораль характеризуется кастовой основой, в которой происходит становление и утверждение рациональных коммуникаций, то социальная мораль построены на системе различного рода табу, то есть на ограничительных побудительных мотивах бессознательных влечений. Мы утверждаем, что расовая мораль строится на действии расовой памяти человека, которая активизируется под воздействием в психике бессознательного инстинкта смерти. Так, если всем «понятно» с точки зрения представлений массовой культуры, что такое сексуальное влечение, ставшее важнейшим связующим элементом современной массовой цивилизации, то с инстинктом смерти дело обстоит значительно сложнее. Во-первых, отметим главное, инстинкт смерти – это не массовый инстинкт, и, в целом, это не «инстинкт» в смысле влечения. Это инстинкт присутствия определенного рода пространства ценностей, которые имеют совершенно иную, чем социум, психоло-

гическую основу. Мы связываем этот инстинкт с высшими ценностями, то есть такими ценностями, которые никуда не «влекут», а определяют присутствие бытия здесь и теперь в качестве подлинного начала сущего.

В понимании отсутствия влечения к чему-либо в бессознательном инстинкте смерти мы находим то базовое основание патриархальной психологии, которое отличает ее от психологии матриархальной. Можно также рассуждать и о противопоставлении рациональной психологии и иррациональной психологии. Возвращаясь к определению патриархальной психологии человека в качестве его отличия от матриархальной психологии, мы полагаем, что инстинкт смерти является основой разрушения кочевых, или массовых, инстинктов человека, то есть определяет поле рациональных коммуникаций в качестве доминирования полноценной психической основы души. При этом следует забыть линейные исторические представления как примитивный предрассудок, в которых матриархат и патриархат существовал только на заре возникновения мировой цивилизации у примитивных народов. Патриархальное и матриархальное существо человеческой психики является двумя постоянно присутствующими в душе полярно-противоположными полюсами, где один полюс выражает его нравственный потенциал как разумного существа, а второй – активность потенциала его животного начала души.

То, что дух имеет физиологическую основу в инстинкте смерти, является предпосылкой субъективного разума, – мысль, высказанная Ницше в качестве будущей стратегии развития новой мировой патриархальной психологии человека. И действительно, понимание духовного в качестве физиологии нам может дать только действие инстинкта смерти, поскольку животные начала человеческой психики не явля-

ются духом по определению. Животное влечение — это то, что противостоит инстинкту смерти, причем противостоит на бессознательном уровне. Можно сказать, что физиология духовной организации человеческой души в инстинкте смерти присутствует в качестве особого ритма времени, поскольку психологический ритм воли принципиально отличается от психологического ритма человеческого влечения. Таким образом, психофизиологическая конституция человека пронизана в действии воли ритмом онтологического потока времени, который кардинально отличает этот ритм от механического времени, обусловленного лишь двумя составляющими: бессознательным влечением и абстрактным мышлением. Следовательно, если искать начала современной мифологии рациональной веры, то ее можно найти, как одну из точек исторического отсчета, в возникновении механических часов, которые устанавливают мифологию эмпирического восприятия в качестве доминирующего в непосредственных психических реакциях человека. Ведь человек, с точки зрения эмпирического восприятия, — это животное, которое не может действовать на основании психического импульса, которое отрицает его инстинкт самосохранения.

Размышления над природой инстинкта смерти приводят нас к убеждению, что естественные ощущения, на которых строились представления о естественном праве в эмпирической философии, являются неестественным состоянием для рациональной психологии человека. Собственно, именно в этом направлении развивалась классическая немецкая философия от Лейбница до Гегеля. Однако только Ницше совершил тот решительный поворот в понимании морали, который восстановил позиции рациональной психологии человека в ее патриархальной норме, а не в тех компромиссах, которые она имела в позитивистских представлениях о сущности разума. Причем это восстановление

произошло именно в возвращении к расовому нравственному опыту прошлого, когда воля к власти разумного начала мирового духа мировой истории стала прерогативой не ценностей Просвещения и идей Реформации, а требованием кардинально новых патриархальных норм жизни. Ведь патриархальные нормы жизни являются прерогативой не веры, а прерогативой лигаристических союзов, которые в своей замкнутой организации концентрации мужества исторического духа вырабатывают будущую рациональную стратегию развития мировой цивилизации.

Почему мы рассуждаем именно об инстинкте смерти, а не о сознании смерти, о культуре Тонатоса, то есть обо всем том разнообразии опыта исторической культуры, которая обращается к вопросу о неизбежности человеческой смерти? Все дело в том, что попытка социализировать инстинкт смерти, является задачей не патриархальной, а матриархальной психологии человека, поскольку если инстинкт смерти всегда стоит на службе идентичности разумной индивидуальности историческому времени, то социально-матриархальная культура стремится, наоборот, подчинить его тому, чему он противостоит, то есть инстинкту самосохранения. В результате, стремясь к авангарду рациональной исторической мысли, социальное мышление, сначала, переводит его в сферу арьергарда традиции, а затем и в область обыденных представлений, то есть стремится заменить метафизику воли эмпирическим ощущением, которое формируется динамикой социализированных влечений.

Понятно, что, в отличие от потока влечений, который в своей социализации производит систему обыденных представлений конечного человеческого рассудка, метафизика потока воли имеет совершенно иную направленность. Кардинальное отличие метафизики потока воли от потока влечений состоит в том, что поток воли создает метафизическое пространство высших ценностей, которые никак не связаны

с инстинктом самосохранения человека. Наоборот, в потоке воли сознание полностью «вырвано» из инстинкта самосохранения, пребывая в некой фрактальной физиологии психосоматических реакций, которые характеризуются ликантропией сознания. Ранее, мы уже указали на архитектурный прообраз высших ценностей др. восточных цивилизаций в образе египетского Сфинкса, где агрессия крупных «хищников» (если пользоваться метафорическим языком философии Ницше) запечатлела свое понимание идеи «вечного возвращения». Более того, как известно, западноевропейская психология исторического разума оказалась значительно более «женственной» перед суровой непреклонностью древнейшего исторического духа быть, если учесть слабонервную реакцию Наполеона на восприятие этого артефакта высших ценностей древнейших цивилизаций, когда он приказал расстрелять архитектурный памятник из пушек. Можно лишь предположить, что расовая память самого Наполеона столкнулась в своем высшем импульсе воли с чем-то таким, что резко отрицает линейные представления об исторических процессах мировой истории.

Вообще, начало становления патриархальной психологии человека характеризуется спецификой психосоматических реакций, которые отображают фрактальную основу бытия как полную раздробленность инстинкта самосохранения в онтологическом потоке времени. Ведь время уничтожает все, за исключением того, что неуничтожимо в силу самого «механизма» уничтожения. Если рассматривать психику человека, то это инстинкт смерти. В результате, онтологический поток времени начинает топологически «накручиваться» на инстинкт смерти, формируя импульс воли в соответствии с теми бессознательными воспоминаниями, которые могут иметь только эстетическую природу, поскольку только эстетический феномен сознания не разрушается под воздействием инстинкта смерти. Можно также заметить, что ме-

тафизические фракталы физиологии ликантропии сознания «упираются» в бессознательном существе человека не в его животный инстинкт самосохранения, а в разрыв с ним, который и образует топологическую функцию разумной исторической действительности. Эта топологическая функция рациональной действительности характеризуется напряжением тензоров бытия, «высвечивающих» эстетической реальностью пространство мирового исторического духа.

Если пытаться искать «направление» онтологического потока времени с точки зрения человеческих целей и мотивов, то это будет безнадежное дело, поскольку время течения человеческой жизни очень мало по отношению ко времени существования мирового духа. Именно поэтому инстинктивное стремление высшей психики состоит в том, чтобы зафиксироваться в качестве неподвижной точки инстинкта смерти, которая всегда имеет определенную структуру метафизически-волевой позиции «я». Понятно, что метафизически-волевая позиция «я» не имеет никакого отношения к массовому существу человека, где «я» — это результат вытесненного сексуального влечения массового бессознательного. Таким образом, симметрия присутствия бытия и небытия является неотъемлемой частью онтологического потока времени, «заметающего» обыденные представления наступлением нового авангардного рубежа патриархальной мысли.

Вопрос о существовании нации в мировой истории мы сводим к наличию рациональных коммуникаций в той или иной исторической культуре. Можно рассуждать и иначе, — это присутствие метафизического импульса воли или, наоборот, его отсутствие на фоне имитации волевых усилий в агрессивности влечений, как это имело место, например, в идеологической активности советского режима. Но волю

не сложно отличить от агрессивности влечения пониманием наличия разумной индивидуальности в историческом событии, когда не вера, а именно метафизический импульс воли нравственно оправдывает существование человека. Острее же импульса воли — инстинкт смерти, всегда «натянут» топологией разума на отрицание животного инстинкта самосохранения. И потому, вероятно, русская нация, как одна из немногих, обладает в наше время историческим потенциалом будущего, что накопила исключительный потенциал высшей психической энергии за счет того, что эксплуатировала, в основном, только низшие психические импульсы от одной войны к другой войне. Нашей задачей, как задачей рационалистов, является дать возможность «выхода» этой высшей психической энергии, когда в наше время жизнь кочевников в постсоветской исторической реальности демонстрирует апофеоз матриархального безволия социальных коммуникаций. Таким образом, наш рационализм состоит в том, чтобы дать начало новым рациональным коммуникациям будущего развития исторической цивилизации, когда она находится в состоянии глубокой расовой катастрофы, то есть утраты авангардных позиций патриархальной психологии и, как следствие, метафизического импульса воли как основания рациональной психологии.

Когда мы исследуем происхождение массовой цивилизации, то помимо права личности в стремлении защищать свое «естественное право» инстинкта самосохранения, которому английский либерализм дал свое основание в эмпирической философии, мы видим в нем метод экспансии против исторических патриархальных норм жизни, которые сложились у различных мировых народов. Так, мифология веры в научно-технический прогресс, которую приняли все мировые народы, характеризуется ликвидацией и исторической воли всех мировых наций, когда воля подменяется механической активностью влечений.

Глава 9

Предназначение русской национальной мысли состоит в том, чтобы выработать рациональную стратегию развития мировой цивилизации, а значит, активизировать и волю всех мировых наций, которая оказалась полностью ликвидированной матриархальной психологией естественного права неразумного образа жизни. Это и есть реальные факты исчезновения разума как признака метафизического импульса воли, на котором строилась в последние века западноевропейская цивилизация, когда ее патриархальная основа жизни исчезла. А если учесть, что современная массовая цивилизация практически полностью ликвидировала и научную среду как возможность присутствия в ней разумного человека, то стремительное движение в сторону доминирования матриархата становится в наше историческое время все более очевидным. С другой стороны, культивирование экономической целесообразности жизни в массовом социуме, которая характеризует основы массовой цивилизации, является бессознательным культивированием физиологического существа процесса непрерывно рождающей женщины, то есть почти сакральное отношение к этому инстинкту в основе бессознательного процесса технологического производства. Не случайно, сектантская вера марксизма инстинктивно почувствовала эту основу единства неразумных масс в механическом процессе производства и его технологического совершенствования. А потому понятие «западноевропейская» культура в наше историческое время уже не ассоциируется с содержанием чего-то разумного. История мирового духа в разумном начале бытия переместилась в сферу зарождающейся рациональной модели новой исторической цивилизации на бывшем географическом пространстве соц. лагеря.

Когда рождается одна рациональная модель мировой цивилизации, и ей на смену приходит новая рациональная

модель, то представления о противостоянии варваров и вырожденцев исчезающей цивилизации сильно преувеличены. Ведь человечество все равно едино в основе своей расовой памяти как неизбежности возврата к опыту прошлого, чтобы развивать новые рациональные коммуникации своего существования в настоящем. В этом, собственно, и состоит кардинальное отличие человека от животного. Оно состоит в вечном возвращении к тому, что ранее создали высшие расы, под которыми мы понимаем судьбы рас *homo sapiens*. При этом понятно, что русские, как в свое время др. франки, оказались лишь более оседлым народом в окружении народов более кочевых, а значит, их национальное становление происходило в постоянной борьбе против неразумного начала человеческой души, как собственной, так и кочевников, которые сопротивлялись действию в своей душе разума. К тому же мы помним, как глубоко была проникнута жизнь Римской империи германскими элементами незадолго до своего падения, то есть передача эстафеты мирового духа происходит не от блестящих покорителей мира, римлян, к полуголым людям в шкурах, др. германцам, а от исчерпавшей себя рациональной модели развития цивилизации к ее новой модели.

То, что составляло нравственную основу метафизического импульса воли русской нации в последние столетия, — переплавку кочевых инстинктов, начиная с возникновения Московского царства, является крайне важным расовым опытом истории в новейшее время, когда современная массовая цивилизация культивирует образ жизни интеллектуального кочевника, то есть стимулирует процесс великого переселения народов. Понятно, что в основе этого опыта присутствуют все модели мировых религиозных конфессий: ислама, иудаизма, христианства и буддизма, поскольку на территории России жили и живут народы, исповедующие практически все религии. Кроме того, не трудно увидеть в

русском расовом опыте и религиозный опыт протестантизма, если иметь в виду петровскую Россию, которая фактически возвела основы государственной жизни Российской империи в качестве подражания социально-государственной жизни Западной Европы. Таким образом, мы имеем исторический опыт прарасы, который всегда предшествует формированию новой рациональной модели мировой цивилизации. С другой стороны, не трудно увидеть в самом названии государственности «Советском Союз» попытку построения этой модели, правда, полностью на основе мифологии рациональной веры в научно-технический прогресс.

Если основа государственной системы СССР строилась на объединении национальных анклавов всех народов бывшей Российской империи, то основы новой государственности, которые всегда предполагают в себе объединение национальных элит, исторически необходимо должны будут формироваться в системе лигаристических союзов. Собственно, все современное постсоветское пространство в наше время представляет собой максимальное социальное напряжение между национальными анклавами, которые составляли основу большевистских орд в период ликвидации национальных элит всех народов, с осколками национальных элит, которым не нашлось место в кочевой психологии массового общества. Таким образом, вопрос о восстановлении полноценной российской государственности, а в перспективе – становление российской цивилизации, мы сводим к вопросу объединения осколков нации, которые были рассеяны нашествием большевистской орды. Однако наивно полагать, что нация может использовать те идеи объединения, которые ей не помогли даже в тот момент, когда на ее стороне были государственные институты, еще в достаточной степени пронизанные национальным духом, если, например, сравнить государственное устройство России до нашествия большевистской орды и в наше

историческое время. Патриархальные основы жизни человека взаимосвязаны не с верой, а с волей, а потому религиозные нравственные нормы в наше время дают очень мало для разума современному мышлению, когда в исторической реальности уже давно действует мифология новой рациональной веры в научно–технический прогресс.

Вообще, патриархальные основы в жизни народа может поддержать только национальный дух, поскольку только в национальном духе существует разумное отображение воли нации в мировой истории. Национальный же русский дух сконцентрировался в последние столетия в необходимости перелома от кочевой психологии русской государственности к патриархальной психологии, то есть к основе рациональной психологии новой модели мировой цивилизации. Так, этот расовый опыт стал основанием сталинской системы объединения национальных анклавов всех народов Российской империи. В этом смысле, нельзя преуменьшать специфику этой матриархальной веры в коммунистическое вероучение. По крайней мере, мы в полной мере застали биологическую агрессию ее адептов в социальной системе СССР.

С точки зрения объективной сущности исторического разума, судьба нации отображает в той или степени судьбу расы *homo sapiens* своего исторического времени, а значит, ее судьба не может быть «уникальной» в судьбе других наций. Другими словами, в подлинной национальной воле не может быть национализма, поскольку нация – сама инструмент высших сил мировой истории, а не судья других народов. Но и нельзя полагать, что судьей народов является бог, поскольку мифология рационализма, доминирующая в мировой цивилизации уже несколько веков, однозначно указывает на то, что господство над миром будет иметь

тот, кто обладает волей, проистекающей из всего расового прошлого человечества. Все же кратковременные победы в геополитической борьбе в мировой цивилизации, как то: в экономике, в научно–технологических достижениях и тому подобное, ограничены достижениями конечного человеческого рассудка, который не обладает нравственной прерогативой разума – действовать от имени мировой истории. Особенностью же мужества рационального духа является способность проявлять подлинную волю в самые трудные моменты духовных испытаний в своей истории, а потому побеждать тогда, когда это оказывается невозможным с точки зрения человеческого рассудка, поскольку право судить в мировой истории имеет только разум, проистекающий из полноценности патриархальной психологии человека.

То, что характеризует современную научную мысль, – это очень высокий уровень абстракции, и, одновременно, очень примитивная рациональная основа, то есть мера обоснованности разумом, и, как следствие, исчезновение рациональных коммуникаций в научной среде. Ведь уровень полноценности эстетического мышления характеризует и уровень качества рационального мышления, и, в частности, патриархальной психологии, поскольку эстетическое созерцание необходимо определено в том поле расовой памяти, которая выражает уровень нравственного развития человека.

Устойчивость той или иной модели мировой цивилизации гарантируется уровнем устойчивости в ней основ патриархальной психологии человека, поскольку метафизический импульс воли исторически объективно есть реальность онтологического потока времени, по которому движется этот импульс. Рациональная психология, в этом смысле, подобна «кораблю» метафизического импульса воли, где ее подво-

дно – бессознательная часть, патриархальное начало, погружена под воду, то есть к глубинам бессознательного инстинкта смерти. Очевидно, что «устойчивость» рациональной модели мировой цивилизации прямо зависит от устойчивости расового бессознательного постоянно возвращаться к началам своей памяти, то есть реализовывать возвращение нравственного опыта высших ценностей предшествующих рас *homo sapiens*. Расовое бессознательное, в отличие от массового бессознательного, определено в психофизиологическом поле инстинкта смерти, а не в психофизиологическом поле сексуального влечения. Эти бессознательные поля психики хотя и глубоко взаимосвязаны, как, например, взаимосвязано электрическое и магнитное поле в электромагнитной волне, имеют различную направленность в пространстве (вектор направления), то есть ценностную основу. В этом смысле, рациональная психология не существует вне патриархальной психологии, хотя патриархальная психология может часто скрывать свой рациональный ресурс в глубине бессознательного импульса инстинкта смерти.

Когда мы рассуждаем о том, что патриархальная психология человека является авангардом развития мировой цивилизации, то не вступаем в противоречивость самих понятий противопоставления: древнейшее – новейшее, поскольку в исторической объективности действия разума всегда присутствует нравственный опыт высших ценностей предшествующих рас, который метафизический импульс воли черпает из расовой памяти человека. Поэтому еще неизвестно, чего больше в действии разумной воли человека: ее непредсказуемости новизны следующего момента времени или неизбежности действия с точки зрения судьбы исторического прошлого. Слишком глубока взаимосвязь инстинкта смерти с действием расовой памяти человека, что и характеризует саму трагическую напряженность метафизического импульса воли.

Если продолжить образное сравнение взаимодействия инстинкта смерти и инстинкта самосохранения в бессознательной психике человека с взаимодействием электрического и магнитного поля в электромагнитной волне, то мы получим феномен присутствия метафизического импульса воли в онтологическом потоке времени. Фактически, инстинкт смерти действует «перпендикулярно» действию инстинкта самосохранения человека, то есть постоянно разрушает его единство, приводя психосоматическое состояние души к фрактальной открытости началу бытия в онтологическом потоке времени. В результате, разного рода влечения «пресекаются» напряженностью трагического восприятия, которое становится полем действия патриархальной психологии человека, когда в сознании исчезает разного рода мифология спасения. В таком состоянии психики субъект постоянно должен решать гамлетовский вопрос «быть или не быть», причем «канат» психического напряжения над бездной небытия здесь никогда не ослабевает. Логика понимания подобного характера действия инстинкта смерти приводит к тому, что он указывает на онтологический поток времени за пределами человеческого аналога динамики влечений, а ведь современное историческое представление о времени как о линейной длительности, возникло именно из представлений о психической динамике бессознательных влечений человеческой души.

Если проанализировать представления современной биологической науки о душе, то легко заметить, что в ней практически отсутствует объективно рациональное понимание, что это такое. Такая ситуация проистекает из непонимания современной биологической наукой феномена жизни и смерти, когда живое необходимо выводится из эмпирических представлений о механических процессах, протекающих на клеточном уровне. В сфере такого «понимания» полностью исключается метафизический момент

рационального мышления как феномен высшей психики. И действительно, центральной идеей современной биологической науки является то, что живое необходимо куда-то «влечется», то есть реализует свой биологический инстинкт самосохранения. Однако если рассмотреть феномен жизни не с точки зрения неразумной материи, а с точки зрения феномена духа пронизывать живую материю, то мы должны предположить, что процессы, протекающие в живой материи соответствуют не механическим закономерностям, а закономерностям эстетического характера. Эстетический же характер процессов предполагает, что метафизические фракталы бытия – это неподвижные точки топологической перспективы мирового разума, которые производят живые структуры как подобие фрактального многообразия онтологического потока времени.

Переход от любых представлений рациональной мифологии расовой сущности разума к его непосредственному действию в истории характеризуется переходом антиэстетической позиции исторического духа к онтологии эстетического феномена знания. Именно так происходил перелом от нравов Темных Веков западноевропейской цивилизации, когда ветхозаветные библейские истины сменили истины Нового Завета. Главное отличие между Новым и Ветхим Заветом состоит в том, что Новый Завет включает в себя необходимый уровень расовой сущности разумного понимания бытия как эстетического феномена реальности, который никак не мог быть таковым в его «ветхой основе», поскольку «ветхая основа» всегда тяготеет к центру матриархальной психологии человека. Исторически, это выразилось в появлении икон в христианский период истории в результате реформ религиозных обрядов церкви; в появлении схоластической западноевропейской школы – в области философии; и, наконец, в возникновении рыцарских орденов как системы лигаристических союзов, которые

отдели от варварских неразумных масс Западной Европы первый опыт рациональных коммуникаций собственной цивилизации. Таким образом, исторический разум «расчищает» себе дорогу в области обыденных представлений конечного человеческого рассудка всегда первоначально в сфере переосмысления эстетического восприятия, которое формируется высшей человеческой психикой. Причем, чем радикальней этот процесс, тем глобальней пересмотр системы обыденных представлений, то есть переоценка ценностей, поскольку высшие ценности всегда требуют для своей реализации особого пространства рациональных коммуникаций, где действует метафизический импульс воли.

Мы различаем мораль социальную и мораль расовую, то есть моральные начала человеческой психики имеют и мифологическую, и рациональную составляющую. Так, социальная мораль является ограничительной, а расовая мораль – топологически рациональной, поскольку проистекает из метафизического импульса воли. Причем ограничительная мораль формируется в результате мифологии мышления, возникающей как задача сохранить конечность человеческих представлений о мире, тогда как топологически рациональная мораль, наоборот, стремится расширить горизонт знания, отрицая конечные представления рассудка. Если социальная мораль определена необходимостью формирования единого поля конечных представлений рассудка, то расовая мораль характеризуется разумным пониманием действительности, а потому доступна только ограниченному кругу людей. Ведь разумная действительность предполагает естественным состоянием души – трагическое сознание, в котором естественность влечений психики практически отсутствует в максимальной «сжатости» неподвижности созерцания, проистекающего из образов расовой

памяти. Однако именно расовая мораль определяет поле рациональных коммуникаций, которые в отличие от социальных коммуникаций образуют особое психологическое пространство фракталов лигаристических союзов в мутном болоте социальности.

Понятно, что в различных моральных нормах сказывается различие человеческих нравов, которые формируются историческими и этническими особенностями человека. Но, с другой стороны, всегда существует героическая мифология определенного пространства, которую признают все в силу ее объективного исторического происхождения как эпизента развития мировой цивилизации. По крайней мере, никто не может оспаривать в наше историческое время, что мифология веры в развитие научно–технический прогресса является единой для всех народов. Даже исламские государства, в которых действуют нормы шариата, вынуждены подчиниться этой мифологии развития мировой цивилизации, поскольку, в противном случае, эти государства будут просто раздавлены более высокими военными технологиями соседних государств. Но, с другой стороны, подобного рода вовлечение в поле действия единого проекта развития научно–технологической базы мировой цивилизации исключает признание его какой–то нравственной нормой, какой–то рациональной стратегией развития мировой цивилизации, поскольку для всех очевидно, что мифология веры в научно–технический прогресс строится на материализме представлений, проистекающих из биологического инстинкта самосохранения человека. Однако для любого разумного человека, очевидно, что, несмотря на мощные средства своего идеологического воздействия в массовой цивилизации, научно–техническое мышление не может быть разумной стратегией ее развития. Это процесс иррациональный, но необходимый с точки зрения реализации биологического выживания человечества.

Не трудно заметить, что в современной науке практически полностью утрачено представление о сущности разума, поскольку разум по определению отрицает конечность представлений, тогда как современная наука, целиком и полностью построенная на материалистических представлениях, перестала выходить за пределы этих представлений. Причины этого кризиса европейской науки очевидны: в ней исчезла метафизика собственного обоснования. Так, если исчезает что-то сакральное в процессе познания, достигнутое знание неминуемо трансформируется в область мифологии, поскольку его достоверность уже не подтверждается метафизическим риском воли к утверждению разума. Ведь никто не может отрицать, что Христофор Колумб обладал волей в процессе открытия Америки, а Ю.Цезарь – волей в победах, которые он совершал в своих походах. Однако у всякого разумного человека вызывает сомнение разумная функциональность современных транснациональных компаний, хотя, конечно, не вызывает сомнений их практическая ценность с точки зрения перспективы биологического выживания человечества.

Таким образом, массовая культура – это система социальных коммуникаций, построенная на иррациональных движениях человеческой психики, то есть на бессознательных влечениях, процесс вытеснения которых и создает социальную сферу массовой культуры. Можно сказать, что массовая цивилизация структурировалась в систему, стремящуюся полностью изолировать действие разума в силу инстинктивного стремления человека к биологическому выживанию. А поскольку основы массовой культуры в России возникли не в ее тысячелетней истории развития, а в агрессивных инстинктах большевистской орды, то разум в ее социальной массовой модели отсутствует практически полностью, исключая то, что является бессознательной базой рациональной психологии – патриархальный дух. Именно

патриархальный дух религиозной традиции оказался почти полностью «вымыт» мифологией веры в марксизм. Однако эти события не следует относить к чему-то разумному с точки зрения процессов мировой истории, поскольку в Темные Века варварские массы людей не имеют нравственного оправдания по отношению к историческому разуму, ибо исторический разум реализуется только в метафизике воли. Но в СССР была лишь физика представлений примитивного объективного материализма, которая и породила собой массовую модель цивилизации, чья патриархальная база является практически нулевой, следствием чего и стало отсутствие воли в современной политической жизни России. Так, «Советский народ» и был этой «новой общностью», то есть по существу, бесконечной старой «общностью» людей, которая сформирована возвращением к бессознательным инстинктам кочевника. Вследствие процесса вытеснения сексуальных влечений, в бессознательном кочевника возникли социальные «нормы» жизни, которые образовали массовое общество как полностью иррациональную среду, со своим представлением о «праве». Русская нация вследствие нашествия большевистской орды была рассеяна, поскольку ее основание в патриархальном начале жизни не предполагалось в жизни кочевника с его представлением о «праве» в системе низших ценностей, скрепленной сектантской верой коммунизма. Поэтому когда единая орда «расползлась» в результате распада СССР на несколько орд-государств, то национальные позиции не только не восстановились, но и полностью были ликвидированы в псевдолиберальных представлениях постбольшевистской «перестроечной» орды. Именно в наше время стали видны последствия попытки переноса ложного представления о естественном праве, возникшем в совершенно другой модели цивилизации, на нравственную историческую почву, в которой отсутствуют полноценные патриархальные нор-

мы жизни, то есть нравственной ответственности разумной индивидуальности быть. Понятно, впрочем, что в постсоветской реальности уже возникла новая мифология представлений об истории, поскольку там, где нет отчетливых позиций разумной индивидуальности, ее воли и сознания нравственной ответственного долга, неизбежно возникает мифология представлений конечного рассудка, обусловленного бессознательным инстинктом самосохранения. В этом смысле, положение массовой культуры в России и в западноевропейской цивилизации принципиально различно. Если в России массовая культура сформировалась вследствие адаптации представления кочевника к достижениям научно-технического прогресса при почти полном уничтожении начала патриархальной психологии человека, то в западноевропейской цивилизации массовая культура стала разрушительным «шлейфом» развала патриархальной психологии протестантизма, которая все-таки не была разрушена кочевниками, а сворачивалась постепенно. Этот процесс «сворачивания» патриархальной психологии западноевропейской цивилизации («закат Европы» по Шпенглеру) создает «инерцию» распада рациональной основы мировой цивилизации, чтобы дать возможность возникнуть ее новой модели развития.

То, что мы утверждаем, очевидно, сложно первоначально воспринять через призму мифологии научно-технического прогресса, которая почти тотально доминирует в современных социальных представлениях о сущности человека. Однако мифология представлений не может дать основу разумного понимания действительности, в которой высшую ценность имеет разумная индивидуальность. Обоснование же неизбежности возникновения новой рациональной модели мировой цивилизации на бывшем пространстве соц. лагеря («русско-сибирская цивилизация» по Шпенглеру) происходит из очевидной исторической необходимости

реализации огромного потенциала высшей психики, которая накопилась в России. Эта высшая психическая энергия требует «выхода», то есть создания системы лигаристических союзов, возникающих исторически в том месте, где намечается возникновение принципиально новых рациональных коммуникаций новой модели мировой цивилизации.

